

61:04-7/229-X

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

На правах рукописи

ГРИГОРЬЕВА Анна Германовна

**СОВЕТСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И УРОВЕНЬ ЖИЗНИ
НАСЕЛЕНИЯ СССР В 1953-1964 гг.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

научный руководитель
доктор исторических наук,
Змеев В.А.

Москва – 2003

Содержание

<u>Введение</u>	3-17
<u>Раздел I.</u> Перемены в уровне жизни и политических настроениях советского общества.....	18-75
<u>Раздел II.</u> Особенности городской повседневности в годы «оттепели».....	76-125
<u>Раздел III.</u> Материальные и социокультурные перемены в жизни колхозного крестьянства в 1953-1964 гг.....	126-186
<u>Заключение</u>	187-197
<u>Список источников и литературы</u>	198-206

Актуальность темы исследования. Важнейший аспект актуальности избранной темы определяется своеобразием современной эпохи, масштабным переменам в жизни российского общества и обострением комплекса социально-бытовых противоречий и повседневных проблем в новой России. Окончательная нерешенность жилищного вопроса, низкий уровень заработной платы и доходов основной части населения, степень обеспеченности промышленными товарами, ряд семейно-бытовых проблем и т.д. актуализируют исследование вопросов, связанных не только с реформированием социально-экономических отношений, но и реальной жизнью общества в условиях переходного времени. Современные проблемы нельзя признать новыми для России, они достаточно остро стояли еще перед советским обществом, в том числе, в период так называемой «оттепели» второй половины 1950-х – первой половины 1960-х гг., что еще раз подчеркивает актуальность избранной темы.

Так же актуальность темы диссертации отделяется фундаментальными переменами, произошедшими в развитии исторической науки в последнее десятилетие, формированием ряда научных школ, сделавших главным объектом своих научных исследований не экономические явления и политические процессы, а проблемы повседневного бытия простых людей. По мнению академика Ю.А. Полякова, важнейшей задачей современной историографии стало изучение не столько производственной и политической деятельности, не столько культурных и научных достижений человечества, сколько «самого человека, как такового, его жизнь, какой она была и какой стала».¹ Избранная тема представляется актуальной, главным образом потому, что история по существу - это повседневная жизнь человека в се

¹ Поляков Ю.А. Человек в повседневности // Вопросы истории. 2000. №3. С. 125-127.

историческом развитии, проявление стабильных, постоянных, неизменных свойств и качеств в соответствии с географическими и временными условиями, рождением и закреплении новых форм жилья, питания, перемещения, работы, досуга. В этом смысле история повседневности представляется наиболее перспективным и актуальным направлением современных исследований.

Историографический анализ поставленной проблемы обуславливает выделение двух основных этапов истории ее изучения. Первый из них относится к 1960-80 гг., а второй охватывает 1990-е гг. — начало нынешнего столетия. Для литературы, созданной на первом этапе было характерно то, что в ее основе лежала концепция коммунистического строительства, в 1970-е гг. модифицированная в концепцию развитого социализма. Среди прочего, она, в частности, предполагала непрерывность роста общественного благосостояния, улучшение условий жизни трудящихся и общую бесконфликтность развития социума. В данной связи объективно существовавший комплекс бытовых проблем в основном связывался с «остатками старого в быту», «нарушением принципов социализма» и «капиталистическим окружением». Подобный подход мешал по настоящему глубокому анализу советской повседневности, оставлял в тени многие внутренние противоречия, присущие самому советскому обществу.

Изменение политической ситуации в стране в середине 1950-х гг. и некоторое ослабление идеологического влияния в годы «оттепели», а также появившаяся возможность частичного доступа к партийным и государственным архивам вызвали заметный интерес историков к теоретическому осмыслению тех изменений в жизненном уровне населения, которые произошли после смерти И.В. Сталина. Однако, как показывает знакомство с историографией исследуемого периода, авторы, как правило, не шли дальше официальных политиков и

идеологов в отделении «истинного социализма» от «сталинских перекосов». В целом, для 1950-60-х гг. было характерно появление научных трудов, в центре внимания которых находились вопросы деятельности партии по улучшению социально-бытовых условий и неуклонному повышению уровня жизни населения.²

В 1960-е гг. основное внимание советских историков и экономистов уделялось анализу заработной платы, которая в исследуемый период являлась основным источником совокупных доходов рабочих. Исследователи отмечали, что заработная плата обеспечивала 75-80 % всех потребляемых благ и услуг и составляла примерно 85-95 % всех денежных доходов рабочих.³ В работах С.П. Фигурнова и Б.Н. Казанцева, в частности, отмечался тот факт, что основным методом повышения реальных доходов населения после войны было массовое снижение государственных розничных цен, а заработная плата росла медленно из-за товарного «голода». По мнению большинства исследователей, упорядочение заработной платы, проведенное в конце 1950-х гг., привело к уменьшению разрыва в оплате труда рабочих и инженерно-технических работников, высоко и малоквалифицированных рабочих, что впоследствии отрицательно

² См.: Бордов Р. Новый экономический курс Советского Союза (1953-1960). М.: Изд-во иностранной лит-ры. 1960. 170 с.; Левский А.А. На путях решения жилищного вопроса в СССР // История СССР. 1962. №4; Харитонова А.Е. Основные этапы жилищного строительства в СССР // Вопросы истории. 1965. №5. С. 63-67; Бромлей Н.Я. Уровень жизни в СССР. 1950-1965 // Вопросы истории. 1966. №7. С. 3-18; Гордон Л.А., Левин Б.М. Пятидневка: культура и быт. М.: Профиздат. 1967. 79 с.; Рабочий класс СССР (1951-1965 гг.). М., 1969 и др.

³ Фигурнов С.П. Реальная заработная плата и подъем материального благосостояния трудящихся в СССР. М.: «Соцэкгиз», 1960. 199 с.; Казанцев Б.Н. Рост реальной заработной платы и доходов рабочих промышленности СССР в 1951-1958 гг. // История СССР. 1966. № 3.

сказалось на престиже высококвалифицированного производительного труда.⁴

Несмотря на существенное влияние идеологии, едва ли можно согласиться с тем, что в 1950-1960-х гг. советская историческая наука фальсифицировала реальность. На наш взгляд, даже со всеми идеологическими наслоениями монографии эпохи «оттепели» являются важным источником изучения исторического видения, подхода к проблеме, содержат множество конкретно-исторической информации, которую, при критическом к ней отношении, можно использовать и сегодня.

В 1970-е гг. в соответствии с требованиями времени исследователи были склонны завышать рост благосостояния рабочих и особенно крестьян, умалчивать о реальных проблемах в социально-экономической и бытовой сферах.⁵ Основной акцент делался на сознательности советских тружеников, их прямой заинтересованности в результатах своего труда, добровольном стремлении в кратчайшие сроки построить «светлое будущее».⁶ При этом исследователи подчеркивали продуманность, справедливость и гуманность политики партии и

⁴ См., напр.: Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. М., 1964; Фуров В.Г. Забота КПСС о повышении благосостояния и культурного уровня колхозного крестьянства. М., 1960 и др.

⁵ См.: История социалистической экономики СССР. М., 1972. Т. 5; Гвоздев Б.И. Изменения в составе рабочего класса СССР в послевоенные годы // Вестник МГУ. М., 1971. № 5; Богденко М.Л. Совхозы СССР. 1951-1958 гг. М., 1972; Белянов В.А. Личное подсобное хозяйство при социализме. М., 1970 и др.

⁶ Сенявский С.Л. Изменения в социальной структуре советского общества, (1938-1970 гг.). М.: Мысль, 1973. 447 с.; Дьячков И.В. Общественное и личное в колхозах. М., 1968; Гордон Л.А., Клопов Э.В. Социальное развитие рабочего класса СССР. М.: Знание. 1974. 64 с.; Маеяр В.Ф. Уровень жизни населения СССР. М.: Мысль. 1977. 263 с. и др.

государства в отношении различных, особенно малоимущих слоев населения.⁷

В советской историографии 1970-80-х гг. накопилось значительное количество исследований по проблемам материального благосостояния рабочих и крестьян. Разработка их привлекала внимание экономистов, социологов, историков, что нашло отражение в историографических обзорах исследователей.⁸ Уровень жизни советских граждан характеризовался широким кругом показателей, поэтому наиболее полно процесс изменения их материального положения представлен в обобщающих монографиях.⁹ На рубеже 1970-80-х гг. в исследованиях материального благосостояния советских людей был осуществлен заметный прорыв, чему во многом способствовала разработка историками первичных материалов бюджетных обследований семей рабочих и колхозников.¹⁰

⁷ Балансы денежных доходов и потребления населения. Вопросы методологии и статистический анализ / Под ред. А.Х. Каралетяна и Н.М. Римашевской. М., 1969; Макарова И.В. Подсобное хозяйство колхозников. М., 1973; Алексеев В.В., Букин С.С. Бюджетные обследования советских рабочих (репрезентативность, значение и методы анализа) // Источниковедение истории советского общества. М., 1982. Вып.4.

⁸ См.: Вопросы историографии рабочего класса СССР. М.: Мысль, 1970. 327 с.; Твердохлеб А.А. Историография материального благосостояния рабочего класса в переходный от капитализма к социализму период // История СССР. 1974. № 3; Труфанов И.П. Об историографии быта рабочего класса периода развитого социалистического общества (1959-1970 гг.) // Рабочий класс на современном этапе. Л., 1976. 174 с.; История рабочего класса развитого социалистического общества. Историографический анализ. Л., 1983. 184 с. и др.

⁹ См.: Сенявский С.Л., Тельпуховский В.Б. Рабочий класс СССР (1938-1965 гг.). М.: Мысль, 1971. 534 с.; Гордон Л.А., Клопов Э.В. Человек после работы. Социальные проблемы быта и вне рабочего времени. М., Наука. 1972. 368 с.

¹⁰ Алексеев В.В., Букин С.С. Бюджеты рабочих семей как исторический источник // Изв. СО АН СССР. 1978. № 1. Сер. Обществ. науки. Вып.1; Гордон Л.А. и

Во второй половине 1980-х гг. появилась серия работ, написанных в своеобразном историко-публицистическом стиле. Они содержали значительное количество фактического материала, однако в них не всегда указывалось, откуда взяты эти сведения. Сложности переходного периода не могли не отразиться на развитии исторической науки. Далекое не все авторы учитывали многомерность исторического процесса, чаще занимаясь поиском виновных, а не объективным анализом социально-бытовых и повседневных проблем 1953-1964 гг.¹¹ Наиболее заметной в историографии эпохи перестройки является многотомная история советского рабочего класса, в которой, несмотря на существенную идеологизацию, содержится богатый фактический материал. Особый интерес представляют показанные авторами изменения в быту, вопросы питания рабочих, обеспечения их семей предметами первой необходимости, жильем, услугами.¹²

Качественно новым этапом в изучении советской повседневности и уровня жизни населения СССР стал период с конца 1980-х гг. до начала нового XXI столетия.¹³ Новые информационные и

др. Черты социалистического образа жизни, быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра. М.: Знание. 1977. 159 с.; Поляков Ю.А., Писаренко Э.Е. Исторические аспекты изучения советского образа жизни // Вопросы истории. 1978. № 6; Маннибаев Е.К. Социальная политика и рост рабочего класса СССР в 1951-1965 гг. Уфа. Изд-во Башкирск. Гос. Пед. И-та. 1984; Букин С.С. Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири (1946-1960). Новосиб. 1984; «Круглый стол» по актуальным задачам изучения рабочего класса // Вопросы истории. 1988. №1. С. 3-23.

¹¹ Помним о вас. Страницы истории. М., 1989; Мяло К. Оборванная нить // Новый мир. 1988. № 8.

¹² Рабочий класс в годы упрочения и развития социалистического общества (1945-1960 гг.). М.: Наука, 1987. Т.4. 520 с.

¹³ Народное благосостояние: методология и методика исследования / Под ред. Н.М. Римащевской. М.: Наука, 1988. 302 с.; Социальная сфера. Преобразование

идеологические возможности в развитии исторической науки заметно расширили горизонты исследуемой темы. Исследователи приходят к выводу о теснейшей зависимости уровня материального благосостояния населения СССР и тех задач внутренней и внешней политики, которые ставило перед страной политическое руководство. Известные современные историки В.П. Попов, В.С. Лельчук, Е.И. Пивовар, Н.С. Симонов вполне обоснованно доказывают, что стремительная гонка вооружений оказалась возможной только благодаря жестокой эксплуатации промышленных рабочих и особенно колхозных крестьян.¹⁴

В 1990-е гг. активно исследовались региональные аспекты истории советской повседневности. Необходимо выделить в ряду исследователей дальневосточных историков – А.С. Ващука, И.П. Нерадовскую, Л.А. Слабнину, внесших большой вклад в изучение уровня жизни советского населения Дальнего Востока.¹⁵ В это время историками - Ю.А.

условий труда и быта. М., 1988, Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? М. Изд-во полт. лит-ры, 1989. 320 с.; Социальные ориентиры обновления: общество и человек / Под ред. Т.И. Заславской. М. 1990, Лейбович О.Л. Реформа и модернизация в 1953-1964 гг. Пермь. Изд-во Пермского ун-та, 1993. 182 с.; Казанцев Б.Н. «Неизвестная» статистика уровня рабочего класса (1952-1970) // Социологические исследования. 1993. №4. С. 3-14; Зубкова Е.Ю. Общество и реформы. 1945-1964. М.: Россия молодая, 1993. 200 с.

¹⁴ См.: Попов В.П. Неизвестная инициатива Хрущева // Отечественные архивы. 1993. № 2; СССР и холодная война // Под ред. В.С. Лельчука, Е.И. Пивовара. М., 1995. 312 с.; Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996 и др.

¹⁵ Нерадовская И.П. Социально-экономические особенности повышения жизненного уровня трудящихся в период развитого социализма (1961-1980). Ч.2. Социальная активность рабочих-дальневосточников и рост их благосостояния. Владивосток, 1987. Рук. деп. в ИНИОН АН СССР 20.04.87, № 30387; Ващук А.С., Слабнина, Д.А. Стратегия благосостояния, реальность социальной жизни на

Поляковым, А.К. Соколовым, В.С. Тяжельниковой активно разрабатывались и продолжают разрабатываться методологические аспекты, связанные с изучением социальной истории.¹⁶ Значительный интерес применительно к теме исследования представляет монография Е.Ю. Зубковой «Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953 гг.».¹⁷ Знакомство с письмами и воспоминаниями простых граждан позволило Е.Ю. Зубковой увидеть советскую жизнь не только с внешней стороны, но глазами самих людей того времени.

К концу 1990-х гг. в историографии появляется тенденция панорамного изображения эволюции советской политико-экономической системы, определявшей уровень жизни и темпы развития советского общества. Примером подобного подхода является

Дальнем Востоке СССР в послевоенные годы. Владивосток, 1992; Слабинна Д.А. Уровень жизни рабочих Дальнего Востока СССР. Владивосток. Изд-во Дальневосточного университета, 1997. 124 с.; Вацук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке СССР в 50-70-е годы (историография проблемы). Владивосток. Дальнаука, 1998. 211 с.

¹⁶ Соколов А.К., Тяжельникова В.С. Курс советской истории. 1941-1991. М.: Высшая школа, 1999. 416 с.; Соколов А.К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М.: РОССПЭН, 1999. С. 39 -77; Поляков Ю.А. Человек в повседневности // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 125-132; Соколов А.К. Социальная история России XX в. Человек в историческом измерении // Межвузовский центр сопоставительных историко-антропологических исследований. Сборник учебно-методических материалов. Вып. 1. М.: ЭКОИ, 2000. 126 с.; Тяжельникова В.С. «Картина мира» советского человека и ее эволюция // Межвузовский центр сопоставительных историко-антропологических исследований. Сборник учебно-методических материалов. Вып. 1. М.: ЭКОИ, 2000. 126 с.

¹⁷ Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953. М., 1999.

исследование Р.Г. Пихои «Советский Союз: история власти. 1945-1991 гг.», в котором освещены основополагающие принципы функционирования советской экономики.¹⁸ Немалый интерес также представляют работы зарубежных исследователей, занимающихся историей Советского Союза.¹⁹

Подводя итог историографического анализа, необходимо отметить, что, несмотря на количественное и качественное многообразие работ, посвященных изучению повседневности и уровня жизни в СССР, данная тематика рассматривалась относительно односторонне. Главным образом, исследователи акцентировали внимание на анализе заработной платы (в основном номинальной) и доходов рабочих, их обеспеченности продовольственными и промышленными товарами, сводившейся к статистическим показателям, которые, как известно, часто не соответствовали действительности. В то же время, явно недостаточное внимание уделялось таким аспектам повседневности 1950-1960-х гг., как жилищные условия, проблемы семейной жизни, быта, воспитания детей и др.

В данной связи, целью работы является комплексное научное исследование основных черт советской повседневности и уровня жизни населения СССР в 1953-1964 гг.

Для реализации намеченной цели в работе поставлены следующие задачи:

¹⁸ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945-1991 гг. М., 1998.

¹⁹ Боффа Дж. История Советского Союза. М.: Международные отношения, 1990. Т. 2. 632 с.; Хоскинг Дж. История Советского Союза. 1917-1991. М.: Вагнус, 1994. 510 с.; Верт Н. История Советского государства. 1900-1991. М.: Прогресс-Академия, 1995. 544 с.; Мерль Ст. Экономическая система и уровень жизни в дореволюционной России и Советском Союзе. Ожидания и реальность // Отечественная история. 1998. №1.

- определить причины и проанализировать последствия изменений в уровне жизни и политических настроениях советского общества в 1953-1964 гг.;

- выявить и показать особенности социокультурного облика и материального обеспечения городского населения в годы «оттепели»;

- рассмотреть материальные и социокультурные перемены в жизни и быте колхозного крестьянства СССР в 1953-1964 гг.

Хронологические рамки исследования охватывают 1953-1964 гг. Выбор начальной грани исследования обусловлен приходом к власти в марте 1953 г. отдельных представителей партийно-хозяйственной элиты, осознавших, что проводимая государством социальная политика не способна решить комплекс продовольственных и бытовых проблем, поднять уровень жизни советского общества до требуемых пределов. Однако противоречивость и непоследовательность нового курса как в городе, так и в деревне, вызванная комплексом объективных и субъективных факторов, стала одной из причин смещения Н.С. Хрущева с занимаемой должности, что послужило логическим завершением отдельной эпохи в развитии советского государства и определило верхние хронологические рамки работы.

Источниковая база диссертации. Работа написана на основе опубликованных и неопубликованных источников, среди которых выделяются архивные материалы, документы партийного и государственного происхождения, статистические данные, воспоминания, мемуары и периодика, отразившие черты повседневности, уровень жизни и условия быта советских граждан в 1953-1964 гг.

Учитывая специфический характер темы диссертации, важнейшую группу источников составили архивные материалы, собранные автором в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском

государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Российском государственном архиве экономики (РГАЭ), Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ). Также необходимо выделить публикации в рубрике «Архивы начинают говорить» журнала «Социологические исследования», благодаря которым в диссертации дается новая оценка параметров уровня жизни советских людей в период «хрущевской оттепели».

Наряду с архивами, центральное место среди источников диссертации занимают партийно-государственные документы. Прежде всего, это официально опубликованные стенографические отчеты съездов КПСС, материалы пленумов ЦК КПСС, постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Существенное значение имеют изданные собрания документов и отдельные публикации лидеров партии и советского правительства.²⁰ Среди источников заметно выделяются документы, опубликованные в книге «Неизвестная Россия. XX век», отражающие настроения в советском обществе накануне и после повышения цен на продукты питания в 1962 г., а также некоторые исследовательские и документальные материалы, собранные Б.А. Грушиным.²¹ Чрезвычайно важным источником при изучении

²⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, Т. 8-10. 1985-1986; «Особая папка» Н.С. Хрущева (1954-1959). Переписка МВД СССР с ЦК КПСС / Под. Ред. Козлова В.А., Мироненко С.В. М., 1995; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. Документов. М., 1968. Т. 3-16; Ленинская аграрная политика КПСС: Сборник важнейших документов. М., 1978; Хрущев Н.С. Об отмене налогов с рабочих и служащих и других мероприятиях, направленных на повышение благосостояния советского народа. М., 1960 и др.

²¹ Неизвестная Россия. XX век. Книга третья. М., 1993. 416 с.; Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах.

рассматриваемых вопросов являются статистические документы, главным образом, из сборников по народному хозяйству СССР.²²

Особую группу источников составляют периодические издания («Правда», «Известия», «Коммунист»). Особо хотелось бы выделить журнал «Работница» за 1953-1964 гг., анализ статей которого позволил выявить наиболее важные проблемы и перемены в повседневной жизни советских людей времени «хрущевской оттепели». Более значительную пищу для размышлений и авторского анализа дали воспоминания участников событий тех лет.²³ В целом, перечисленный корпус источников при его критическом анализе позволил обосновать концептуальный замысел исследования, получить разнообразную информацию о городской и крестьянской повседневности, уровне жизни населения СССР и наиболее значимых для советского общества бытовых проблемах 1953-1964 гг.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые в отечественной историографии на основе комплексного исторического анализа обширного массива архивных и опубликованных документов исследована проблема эволюции основных черт советской повседневности и уровня жизни населения СССР в 1953-1964 гг.

Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. М.: «Прогресс-традиция», 2001. 620 с.

²² См., напр.: Народное хозяйство СССР за 60 лет. М., 1977; Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный статистический ежегодник. М., 1987 и др.

²³ Хрущев Н.С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М. Вагриус. 1997. 512 с.; Хрущев С.Н. Пенсионер союзного значения. М. Правда. 1989; Аджубей А. Те десять лет. М.: Советская Россия, 1989. 333 с.; Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление. 1953-1985. Свидетельство современника. М. Международные отношения, 1991. 400 с.; Эренбург ИГ. Люди. Годы. Жизнь. Т.3. М.: Советский писатель, 1990. 496 с.; Микоян А.И. Так было. Размышления о минувшем. М.: Вагриус., 1999; Хрущев Н.С. Воспоминания. М.: Вагриус. 1997; Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М.: Терра, 1991.

Автор делает вывод о том, что в годы «оттепели» по сравнению с предыдущим периодом уровень жизни населения изменился качественно, кардинально. Вместе с переменами в хозяйственно-политической системе СССР началась своеобразная революция благосостояния, заключающаяся в преодолении той стагнации жизненного уровня, посредством которой в годы первых пятилеток решалась проблема накоплений в рамках форсированной индустриализации. На завершающем этапе индустриализации требовалось изменение квалификации, культуры, личностных свойств работника, которое могло быть достигнуто только на базе расширения материального и духовного потребления масс. Одновременно смягчение политического режима в период «хрущевской оттепели» делало всегдашнее и естественное стремление масс к улучшению жизни более действенным фактором общественного развития. Проведенный анализ показал, что в результате роста национального дохода (9,4% - 1956-1960 гг.), а также увеличения размеров пенсии (с октября 1956 г.) численность беднейшей группы промышленных рабочих (душевой доход до 25 руб. в месяц) сократилась к началу 1960-х гг. до 1% против 7% в 1953 г.

В то же время, в работе доказывается, что значительный прирост заработной платы с ее упорядочением и сокращением рабочего дня не был компенсирован соответствующим повышением производительности труда. Именно этим автор объясняет проведение в начале 1960-х гг. правительственной политики замораживания темпов роста заработной платы и повышения розничных цен на мясо-молочную продукцию.

С привлечением обширных материалов в диссертации обосновывается вывод о том, что размах жилищного строительства, в исследуемый период принявший поистине грандиозные размеры, имел решающее значение в изменении социально-бытового уклада советского

общества, даже, несмотря на высокие темпы прироста городского населения. Автор отмечает, что высокие темпы жилищного строительства, предоставление индивидуальных квартир отразили не только известные изменения в государственной идеологии, но и влекли за собой перемены в общественном сознании. Если сталинские «коммуналки» соответствовали представлениям о коллективных формах жизни советского общества, то «малосемейки» лишь отчасти допускали развитие индивидуальности. Считалось, что основное время человек должен проводить в обществе, на виду у всех. Отсюда массовое строительство библиотек, читален, бассейнов и культурно-развлекательных центров.

Исследование показало, что характерной чертой советского общества 1950-1960-х гг. являлся социальный оптимизм, вера народа в то, что трудности временны, а их преодоление гарантирует счастливое будущее. Людей привлекала возможность обогнать в индустриальном развитии капиталистические страны, многие были уверены в том, что СССР создает все самое лучшее, передовое. Поэтому вокруг граждан, не признававших норм социалистического образа жизни и труда, создавалась атмосфера единодушного общественного осуждения и жесткой критики.

Автор делает вывод о том, что в повседневной жизни советских людей из всех ценностных ориентации на первом месте стояла семья. Немаловажное значение в обществе приобрели проблемы воспитания подрастающего поколения, будущих «строителей коммунизма». Средства массовой информации и пропаганды призывали родителей создавать «нового человека», ставящего превыше всего благо советского народа, умеющего жить для других, подчиняющего свои личные интересы интересам всего народа, и если потребуется, способного жертвовать собой для общего блага.

Методологическую основу исследования составили диалектические методы познания, опора на обширный круг источников и литературы по проблеме. Исследование базируется на принципах историзма и объективности, критической интерпретации источника, систематизации и сравнительном анализе данных, деполитизированном подходе к истории, научном беспристрастии.

Научно-практическая значимость. Материалы диссертации будут способствовать углублению и расширению проблематики дальнейших теоретико-методологических и историографических исследований советской повседневности и уровня жизни в СССР. Выводы и рекомендации диссертанта могут быть использованы при определении и разработке новых научных изысканий с учетом тех концептуальных подходов и оценок, которые отражены в диссертации. Ее содержание может быть учтено при подготовке учебно-исторической литературы для студентов исторических факультетов как по конкретной проблематике, так и по современной отечественной историографии.

Апробация результатов исследования. Основные результаты научного исследования отражены в публикациях автора, его выступлениях на научных и научно-практических конференциях в Москве и регионах России, а также на кафедре истории Московского педагогического государственного университета.

Раздел I. Перемены в уровне жизни и политических настроениях советского общества

Период второй половины 1950-х - начала 1960-х годов может по праву рассматриваться как эпоха наиболее рельефного проявления всех особенностей советской социально-политической системы. Вся совокупность реформистских и контрреформистских мер этого периода фактически определила политическую судьбу государства вплоть до начала 1990-х годов. Не вызывает сомнения, что десятилетие хрущевской «оттепели» открыло перед страной известные экономические и социальные перспективы. Примечательно, что лишь после смерти И.В. Сталина 5 марта 1953 года оказалась возможной постановка проблемы необходимости переориентировать приоритеты с промышленной группы «А» (средства производства для тяжелой индустрии) на группу «Б» (средства производства для легкой промышленности).

В период сталинского правления именно группа «А» составляла основу советской экономики. Как показали последние исследования, акцент на тяжелую индустрию делался за счет сознательного ущемления легкой промышленности и сельского хозяйства, причем последнее вообще выступало в качестве «экономического донора».²⁴ Благодаря усилиям ближайшего окружения Н.С. Хрущева, прежде всего Г.М. Маленкова, начиная с 1953 г. в стране происходит фактическое изменение подходов к развитию легкой промышленности. Важность этого события определяется даже не столько степенью повышения уровня жизни людей, сколько самим фактом интереса правительства к

²⁴ Пыжиков А.В. Политические преобразования в СССР. 50-60-е годы. М.: ИСПИ РАН. 1999. С. 39; Попов А.В. Экономическая политика советского государства. 1946-1953 гг. Тамбов. 2000. С. 9.

быту народа, качественными изменениями в сознании политической элиты страны. Н.С. Хрущеву принадлежала инициатива перехода на 7-ми часовой рабочий день для всех рабочих и служащих, при нем был принят закон о государственных пенсиях, повышена минимальная заработная плата, начато массовое жилищное строительство.²⁵

Смерть И.В. Сталина в марте 1953 г. и XX съезд партии положили начало периоду «оттепели», которая представляет собой яркий феномен советской истории. Смерть Сталина, олицетворявшего собой не только власть, но и целостную систему жизненно значимых ценностей, воспринималась подавляющим большинством как крушение этой системы, за которым должны были последовать неизбежные и исключительно негативные последствия.

Именно поэтому, советский социум первой половины 50-х годов, крайне стесненный в социальном, бытовом и материальном отношении, после марта 1953 года находился в состоянии ожидания еще больших катаклизмов и экономических трудностей. Такие представления закономерно вытекали из всей системы сложившегося образа жизни, хозяйствования и пропаганды заключительного этапа сталинского правления. Проблема взаимоотношения власти и общества в 50-е – начале 60-х годов достаточно подробно освещена в отечественной историографии, однако за пределами внимания историков часто оставался не менее значимый вопрос восприятия власти и ее политики общественным сознанием, иначе говоря - вопрос социально-психологических настроений и ожиданий, сопровождавших реформы хрущевского времени.

Следует отметить, что задачам переустройства массового сознания в нужном ключе была подчинена социальная пропаганда 50-х гг.,

²⁵ История России в портретах. В 2-х тт. Т. 2. Смоленск: «Русич». 1996. С. 439.

которая состояла из ряда логически неоспоримых тезисов. Утверждалось, что советское общество является социалистическим и потому пребывает в переходном состоянии. Ориентация на коммунистическое будущее позволяла пренебрегать насущными, прежде всего экономическими, потребностями современности. «Ныне главные задачи КПСС, - утверждалось в уставе партии, принятом в октябре 1952 г. - состоят в том, чтобы построить коммунистическое общество путем постепенного перехода от социализма к коммунизму».²⁶ Комплекс перспективных ожиданий – наиболее характерная черта советской системы, которая позволяла направлять и контролировать массовое сознание.

Посредством СМИ официальная пропаганда стремилась создать представления о том, что в социальной сфере экономические различия между людьми уходят на второй план. Все граждане находились на службе у государства, трудились ли они на предприятиях, в совхозах, либо в колхозах, также действующих в рамках единой плановой и административной системы. Поскольку частный интерес подчинялся общему, то государство могло оправданно производить изъятие на социальные нужды части зарплаты в виде принудительных займов (как правило, 1/10 - 1/12 часть годового заработка), мобилизовать взрослое население на лесоразработки, а юношей в ремесленные училища, закреплять работников к предприятиям во имя производственной необходимости.²⁷ Иностранцы наблюдали, что люди 50-х годов похожи даже по внешности. Г. Маркес, в будущем знаменитый писатель, а тогда журналист, поссорившийся с колумбийским

²⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9. Т. 8. М. 1985. С. 286.

²⁷ Указ о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений // Лейбович О. Россия. 1941-1991. Хрестоматия. Пермь. 1993. С. 19-20.

правительством, приехал в Москву, где обнаружил, что «Исчезновение классов - впечатляющая очевидность: все в старой и плохо сшитой одежде и дурной обуви. Навык массовой организованности, видимо, составляет важнейшую часть психологии советских людей. Население ощущает себя, слитным в единое целое с властью, разделяет ее видение мира, согласно которому советское общество знает, в сущности, только одно противоречие: между хорошим и лучшим. На него с надеждой и гордостью смотрит все остальное человечество».²⁸

По наблюдениям Маркеса, люди относились друг к другу по-братски, встречали у товарищей отзывчивость, поддержку и, если нужно, принципиальную критику своих неверных поступков. Взаимная требовательность являлась залогом исправления ошибок и отдельных недостатков. В советском обществе люди встречались, прежде всего, с хорошим: будь-то другие люди, учреждения, отношения, книги, машины, вещи. Дурное, в представлении масс, существовало лишь на обочине жизни, что создавало атмосферу коллективного осуждения любой критики существовавшего строя. К концу сталинского правления была создана уникальная в своем роде система ценностей, при которой быть недовольным обществом, где дурное встречается лишь на обочине жизни могли только люди, лишённые всего человеческого, безродные космополиты.

Можно утверждать, что характерной чертой советского общества 50-х годов являлся социальный оптимизм, вера народа в то, что трудности временны, а их преодоление гарантирует счастливое будущее. Поэтому вокруг людей, не признававших норм социалистического образа жизни и труда, создавалась атмосфера единодушного общественного осуждения и жесткой критики. Народ

²⁸ Маркес Г. 22 400 000 квадратных километров без единой рекламы кока-колы // Латинская Америка. 1988. № 3. С. 97-98.

привлекала возможность обогнать в индустриальном развитии капиталистические страны, многие были уверены в том, что СССР создает все самое лучшее, передовое.

Под влиянием средств массовой информации успехи хозяйственного строительства связывались с перспективой обогнать в экономической сфере развитые капиталистические страны. В экономической сфере рубежа 50-х годов обобществление достигло своего предела. Плановая система представляла производство и потребление в каждой области, охватывала все хозяйственные единицы, вплоть до городских животноводческих товариществ. Экономическая иерархия образовывала вертикаль, спускавшуюся сверху вниз. Вертикальная структура существовала не только в экономике, но и в массовом сознании в виде единственной и потому идеальной модели мироустройства. Планы нижней ступени конкретизировали показатели верхней. Наиболее распространенными были вертикальные связи центр - отрасль - предприятие, тогда как горизонтальные связи между предприятиями решающего значения не имели. В соответствии с этим, информация сверху имела характер приказов, а информация снизу - отчетов. Устойчивость подобной схемы в массовом сознании связывалась с ее безальтернативностью: недопустимостью любых форм экономического либерализма в условиях противостояния с развитыми капиталистическими державами. Весьма показательным, что вопрос об экономических преобразованиях возник в кругах высшего партийного руководства, а не в среде общественности, которая летом 1953 г., в силу психологической инертности, еще не была готова к любым формам протеста.

Сразу после смерти И.В. Сталина руководство партии предприняло ряд мер по изменению принципов хозяйствования, в конечном итоге направленных на улучшение социального положения

граждан. Сегодня не вызывает сомнений, что предпринятые действия носили преимущественно политический, во многом популистский характер. В то же время, эти меры долго и с благодарностью вспоминались населением. На четвертой сессии Верховного Совета СССР 15 марта 1953 года в докладе Г.М. Маленкова было официально заявлено, что «законом для нашего правительства является обязанность неослабно заботиться о благе народа, о максимальном удовлетворении материальных и культурных потребностей».²⁹

С подобными заявлениями в свое время выступал и сам Сталин, но теперь они стали реальным руководством к действию. Уже 1 апреля 1953 года решением правительства СССР были снижены розничные цены на продукты, одежду, бензин, стройматериалы.³⁰ Снижение цен в средствах массовой информации преподносилось как видимое проявление заботы партии о населении. На шестой сессии Верховного Совета СССР Г.М. Маленков сформулировал задачу - в ближайшее 2-3 года добиться «создания обилия продовольствия для населения и сырья для легкой промышленности».³¹

Возникла необходимость на правительственном уровне изменить отношение к личному хозяйству колхозников, расширить жилищное строительство, развить товароборот и розничную торговлю.

Существенно возрастали капиталовложения на развитие легкой, пищевой, рыбной промышленности. Снижались налоги на сельскохозяйственную продукцию, производимую колхозами. Важное значение имело сокращение сельскохозяйственного налога на приусадебные участки, отмена натурального пайка и замена его денежным, повышение закупочных цен на излишки сельхозпродукции.

²⁹ Известия. 1953. 1 апреля.

³⁰ Известия. 1953. 16 марта.

³¹ Коммунист. 1953. № 12. С. 17.

Более того, компенсировались накопившиеся за прошлые годы недоплаты по сельскохозяйственному налогу. Денежный налог по Закону о сельскохозяйственном налоге, принятом в августе 1953 года, был снижен с каждого колхозного двора фактически в два раза.

Такая радикальная для советского государства смена системы хозяйствования не могла не отразиться специфическим образом в сознании общества и его отношении к власти. Показательны первые строки письма учительницы М. Николаевой к Н.С. Хрущеву в ноябре 1956 года: «Никита Сергеевич! Вас уважают в народе, поэтому обращаюсь к Вам».³² Привлекает внимание, что в первые годы правления Н.С. Хрущева доминирующим отношением общества к государственному лидеру становится уважение, а не любовь, как это преобладало при И.В. Сталине. Экономические основания смены общественных настроений столь значительны, что заслуживают специального рассмотрения. Впервые власть официально признала, что приусадебное хозяйство крестьянина и рабочего провинциальных городов являлось главным источником поддержания собственного существования и источником снабжения сельскохозяйственной продукцией значительной части населения страны.³³

Немаловажное значение имело то, что государство реально оценивало состояние сельского хозяйства, его низкий уровень развития. Явным политическим новаторством Н.С. Хрущева стали официальные признания о том, что заявления о разрешении зерновой проблемы были лживыми.³⁴ Столь смелое и нетипичное для советского руководителя

³² Известия ЦК КПСС. 1989 г. № 6. С. 148.

³³ Хрущев Н.С. О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР. М. 1953. С. 28.

³⁴ Хрущев Н.С. О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР М. 1953. С. 28.

заявление говорит о качественно ином отношении нового руководства к советскому обществу, от которого больше не надо было скрывать правду.

В целом, предпринятые экономические меры дали позитивный результат. Для сельских жителей и отчасти горожан существенно улучшилась обеспеченность продуктами питания. В свою очередь это свидетельствовало, что дальнейшее изменение положения крестьянства могло привести к значительному подъему сельского хозяйства, но это противоречило бы принципам существования советской системы. Здесь необходимо затронуть вопрос о политических и психологических предпосылках изменений. Пресмники И.В. Сталина были едины во мнении о том, что экономическое положение страны является крайне неудовлетворительным.

Новая власть обладала скромными ресурсами для того, чтобы кардинальным способом улучшить ситуацию. Ее свобода маневра была изначально стеснена рядом обстоятельств, главным из которых следует признать сложившуюся структуру народного хозяйства с громадным преобладанием производства средств производства над всеми остальными секторами. Кроме того, директивные показатели у пятилетнего плана были только что приняты (октябрь 1952 г.), инвестиции распределены, задания производителям спущены. Остановить этот процесс означало привести всю экономическую систему в состояние хаоса. Над руководителями страны довлела традиция, согласно которой ни в коем случае нельзя было ослаблять плановое, централизованное начало, передать хозяйственные права руководителям предприятий. Те, в свою очередь, также не смогли бы их принять. Иначе говоря, новые руководители могли прибегнуть к весьма ограниченному набору средств административного и фискального характера для того, чтобы вывести народное хозяйство из кризисного

состояния.

Широко известный курс Маленкова сформировал новый подход к личному подсобному хозяйству: не запрещать, а способствовать и помогать, причем не только в деревне. В директивных документах предписывалось: «Обязать местные советские и сельскохозяйственные органы обеспечивать скот рабочих и служащих выпасами и сенокосными угодьями».³⁵ По сути, курс Г.М. Маленкова предусматривал децентрализацию управления сельским хозяйством, в том числе и развитие экономической самостоятельности колхозов.³⁶ Новое руководство страны допустило развитие несоциалистических форм хозяйствования в аграрном секторе, тем самым подорвав на время монополию социалистических институтов и регулирование и организацию производительной деятельности.

Эта мера диктовалась сугубо экономическими условиями: необходимостью увеличить продуктивность сельского хозяйства в связи с тем, что колхозы и совхозы с этой задачей справиться не могли. Совместное существование двух хозяйственных укладов (частного и коллективного) порождало конфликт интересов. Колхозники, получившие возможность трудиться на себя, нуждались в дополнительных стимулах, чтобы трудиться на общественных работах.

Новый курс, ориентированный на подъем сельского хозяйства, прежде всего экономическими методами, имел и «городское» продолжение. Г.М. Маленков на сессии Верховного Совета СССР в августе 1953 г. потребовал «...всемерно форсировать развитие легкой промышленности», добиться выравнивание темпов экономического

³⁵ Директивы ЦК КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. Т. 4. М. 1953. С. 68.

³⁶ Директивы ЦК КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. Т. 4. М. 1953. С. 367.

роста двух основных отраслей индустрии: производство средств производства и производство предметов потребления.³⁷

В 50-60-е годы экономической приоритет города перед деревней стал особенно заметным. В соответствии с этим отношение сельского и городского населения к правительству так же было различным. Это отразилось и в письмах граждан в официальные партийные органы. В социально-психологическом отношении российская деревня 1950-х-1960-х годов представляет собой любопытный и малоизученный сплав архетипов патриархального и индустриального общества. Примечательно уже такое несвойственное городской субкультуре явление, как сочетание высокой рождаемости и низкого уровня жизни.

В 50-е и, особенно, 60-е годы влияние крестьянского менталитета в городах становится особенно заметным. Феномен маргинальности интересен в трех отношениях: экономическом, социальном и духовном. Е. Стариков писал: «Маргинал, просто говоря, - «промежуточный» человек. Классическая, так сказать, эталонная фигура маргинала – человек, пришедший из села в город в поисках работы: уже не крестьянин, еще не рабочий; нормы деревенской субкультуры уже подорваны, городская субкультура еще не усвоена».³⁸ Руководство страны сознательно использовало главный принцип маргинальности – разрыв социальных связей, с целью включения крестьян в систему советских экономических отношений. Закономерно, что это включение сопровождалось формированием новых общественных, духовных и экономических связей, причем установление социальных и духовных связей, как правило, сильно отставало от установления связей экономических. Сказанное приводит к выводу, что существовавшая

³⁷ Речь Г.М. Маленкова // Заседания ВС СССР (5 сессия). М. 1953. С. 268.

³⁸ Стариков Е. Маргиналы, или размышления на старую тему: «Что с нами происходит?» // Знамя. 1989. № 10. С. 133.

система прикрепления людей к земле была направлена не столько на сдерживание процесса миграции, сколько на его регулирование в зависимости от экономических и демографических потребностей страны.

По сути, массовая миграция из деревни носила характер пассивного сопротивления социальной и экономической политике государства. Понимание собственного бессилия, неспособности повлиять на сложившуюся систему общественных отношений, вылилось в массовый отток населения в города, который следует расценивать, прежде всего, как реакцию на безнадежное положение, в котором оказалась деревня. Такой подход, основанный на учете психологического настроения крестьянства, поддерживало большинство исследователей социально-экономического развития российской деревни.³⁹

Применительно к новому курсу следует отметить глубокое расхождение между целью и весьма скромными средствами. Маленков и его коллеги хотели заменить хозяйственную политику, сохранив в неприкосновенности всю систему управления. При таком подходе эффект мог быть весьма ограниченным, а откат назад predetermined. К тому же лидеры страны не решились вовремя признать, что в стране плохо с хлебом и не распространили вследствие этого действия экономических регуляторов на зерновое хозяйство. В их оправдание можно заметить, что это потребовало бы роспуска экономически слабых колхозов. На такой поступок организаторы коллективизации решиться так и не смогли.

Как видно, и в этом случае идеологические и мировоззренческие

³⁹ Вылцан М.Д., Тюрина А.П. Изменение численности населения и трудовых ресурсов советской деревни на важнейших этапах социалистического строительства. 1917-1983 гг. // Население и трудовые ресурсы советской деревни. 1987. С.10.

причины являлись определяющими. Новый курс с самого начала представлял собой компромисс между двумя основными подходами к решению аграрных проблем.

Первый, с которым идентифицировал себя Г.М. Маленков, исследователи с большой долей условности называют «нэповским»: - второй – «индустриальным».⁴⁰ Его инициатором и неумолимым пропагандистом был Н.С. Хрущев. Содержание второго подхода сводилось к следующему: сельское хозяйство нуждается, в первую очередь, в новой технике, в новых технологиях, в новых кадрах. Соединение этих трех элементов в рамках социалистической системы хозяйствования должно было обеспечить его реальный и долговременный прогресс. То, что предлагал Г.М. Маленков можно назвать уступкой обстоятельствам, своего рода отступлением, поэтому руководство вымеряло каждый шаг, опасаясь пересечь границы дозволенного. Противоречивость нэповского варианта аграрной политики вполне очевидна. В малых дозах он обещал ограниченный эффект, а в больших нес в себе угрозу социалистическим институтам, возвращая в деревню частнопредпринимательский уклад.

Самые первые шаги в реализации нового курса показали, что крестьяне делают выбор в соответствии со своим интересом, чем доставляют хлопоты многочисленному начальству. Таким образом, одно из основных противоречий времени, которое стремилась преодолеть власть, - противоречие между идеологией и ориентирами массового сознания.

Как было принято, правительство предпочло сохранить монолитность советской системы. Поэтому Н.С. Хрущев предложил довести до логического завершения то, что, начал некогда Сталин:

⁴⁰ Лейбович О.Л. Реформы 1953-1964 гг. в контексте отечественной модернизации. Дисс. д.и.н. Пермь. 1995. С. 227.

превратить колхозы и совхозы в фабрики по производству зерна. С 1958 г. Н. Хрущев организовал новое наступление против личных подсобных хозяйств, иницируя «малое раскулачивание». Власть всегда подозрительно относилась к принципу материальной заинтересованности. В течение всего периода преобладала тенденция к выравниванию зарплат. Однако эти меры не дали ожидаемого эффекта. Они позволили режиму установить больший контроль над совокупной заработной платой, но не создали эффективную и предсказуемую систему стимулов. Заменой этому должно послужить, согласно директивным установкам высших функционеров, «...воспитание людей, живое общение с ними, душевная забота о них. Это путь к сердцу, к сознанию человека».⁴¹

Н.С. Хрущев и его окружение исходили из того, что, во-первых, население страны должно быть сыто, одето, проживать в достойных условиях, а во-вторых, все это человек должен получать из рук государства. Помещенная в сеть идеологических координат социальная политика лишалась своих экономических корней. Она превращалась в особый род государственной благотворительности, снисходящей сверху на все население, или на какую-то его часть, молодежь, например. Средства массовой информации делали акценты на заботе власти о людях, за что требовалось благодарить правительство в самых разных формах: от ударного (бесплатного) труда на коммунистических субботниках до изъявления радости за то, что над страной стоят такие человеческие правители.

Однако на практике достигался прямо противоположный эффект. Всплеск социальной активности трудящихся в плане защиты своих прав наступает с конца 50-х гг., достигая пика в самом конце 50-х - начале 60-

⁴¹ Ильичев Л.Ф. Очередные задачи идеологической работы партии. М. 1963. С. 33.

х гг. По подсчетам В. Белоцерковского, в этот период серьезные волнения имели место в 14 городах СССР.⁴² Подавляющее число выступлений обуславливалось экономическими причинами, и было связано с неспособностью правительства удовлетворять возросшие материальные потребности людей. С начала 60-х гг. стали падать темпы роста экономики страны, уменьшилась валовая продукция промышленности. В кризисном состоянии оказалось и сельское хозяйство. Массовый забой скота привел к резкому сокращению его поголовья, а целина не могла решить задачу стабильного обеспечения населения хлебом. В то же время, предпринятое Хрущевым под влиянием идеологических догм дальнейшее «раскрестьянивание» села, т.е. ликвидация мелкого крестьянского хозяйства, лишило страну важнейшего источника поступления продовольствия, недостаток которого она ощутила в полной мере в 1962-1963 гг. И как следствие этого, с 1963 г. пришлось обратиться к практике закупки хлеба за границей.

В итоге всех этих негативных явлений произошло замедление темпов роста национального дохода и фонда потребления, разбалансирование доходов населения с товарными ресурсами. Особенно остро реагировали трудящиеся на повышение цен на ряд продуктов питания в 1962 г. К этому времени тот психологический эффект, который дала денежная реформа 1961 г. (когда товары и продукты стали с десятков рублей стоить единицы, впрочем, и зарплата была приведена в адекватные новым ценам размеры) полностью исчерпал себя.

Не подкрепленный новыми технологиями, изменениями образа жизни простой рост цен вызывал раздражение и недовольство

⁴² Белоцерковский В. Рабочие волнения в СССР в начале 60-х гг. // Форум. Мюнхен. 1982. № 1. С. 187.

различных социальных слоев.

Несогласие проявило себя в самом широком диапазоне: от «антисоветских» высказываний и распространения листовок до забастовок и восстаний в Темир-Тау (октябрь 1959 г.) и Новочеркасске (июнь 1962 г.). Только за июнь 1962 г. из партийных и советских учреждений, редакций газет и журналов в органы КГБ было передано свыше 300 анонимных писем с выражением крайнего недовольства жизненным уровнем трудящихся.⁴³ Анализ «обывательских» суждений исследователями позволил составить общую картину настроений простых людей. Наиболее распространенными были требования возврата к прежним ценам, удовлетворения насущных потребностей трудящихся, критика ликвидации личного скота и приусадебных участков у колхозников. Часто встречались «пожелания» снижения оплаты государственной и партийной номенклатуре, отказа от разоряющей страну помощи слаборазвитым и социалистическим странам, угрозы в адрес Н.С. Хрущева.⁴⁴

Понимая, что требования населения вполне обоснованы и необходимы решительные действия, правительством был взят (присущий советскому социализму) курс на экстенсивное освоение новых ресурсов, прежде всего это выражалось в освоении новых районов страны, распашке целинных и залежных земель, строительстве гигантов индустрии.⁴⁵

Социальные меры правительства заслуживают отдельного рассмотрения. В 1957 году началась реализация широкой программы

⁴³ РГАНИ. Ф. 89. П. 6. Д. 25. Л. 2.

⁴⁴ Давыдов С.Г. Инакомыслие в СССР в 50-е – первой половине 60-х годов. Дисс. к.и.н. М. 1996. С. 185.

⁴⁵ Ильин В.В., Панарин А.С., Ахнезер А.С. Реформы и контрреформы в России. М. 1996. С.147-148.

повышения зарплаты: в 1961 году по сравнению с 1950 годом она возросла в 1,3 раза, а с учетом выплат и льгот из общественных фондов потребления - в 1,35 раза. Общее число рабочих и служащих возросло с 40 до 62 миллионов человек.⁴⁶ В 50-х годах наблюдается рост промышленного производства и увеличение государственных доходов за счет налога с оборота, а также роста цен на продукты питания и товаров народного потребления. Рост цен происходил систематически и параллельно росту номинальной заработной платы и оплаты коммунальных услуг.

В июле 1956 года, была введена новая система пенсионного обеспечения, которая привела к существенному возрастанию размера пенсии. Пенсии зависели от стажа работы и возраста трудящегося. Устанавливался один из минимальных в мире возрастной ценз для получения пенсии - для мужчин 60 лет при стаже работы в 25 лет, для женщин - 55 лет при стаже работы в 20 лет.⁴⁷ Исключительное значение имело то, что впервые в стране устанавливались государственные пенсии для колхозников. Для них вводился более высокий возрастной ценз - мужчины в возрасте от 65 лет и женщины - от 60 лет, но лишь в том случае, если они продолжали работать в колхозах.⁴⁸ Проявляя видимую заботу о людях, государство и здесь переложило ответственность за выплату пенсий на плечи самих колхозов.⁴⁹ Всеми доступными средствами власть создавала зримый эффект тотальной (полной) заботы о населении, одновременно исключая возможность получения побочных доходов. Поэтому государственное законодательство не пошло на устранение всякого рода персональных

⁴⁶ Народное хозяйство СССР в 1970 году. М. 1971. С. 519.

⁴⁷ Сборник законов СССР. 1948-1967. Т.2. 1968. С.217-241.

⁴⁸ Сборник законов СССР. Т.2. М. 1968. С.241-248.

⁴⁹ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 1680. Л. 2-7.

пенсий, предназначавшихся за особые заслуги перед государством. С персональными пенсиями были связаны и другие привилегии – 50 % оплаты бытовых услуг, бесплатный проезд на общественном транспорте, ежегодная бесплатная путевка в дома отдыха и санатории, т.н. «лечебные» и другие.

Этими привилегиями пользовались партийные и государственные работники, ветераны партии, лауреаты Ленинской, Сталинской, Государственной премий. Особая система пенсий сохранялась для военнослужащих, сотрудников органов государственной безопасности и внутренних дел, научных работников. Показательно, что ряд принятых мер сознательно противоречил сталинскому курсу. Это можно объяснить своеобразным самоутверждением нового руководства. Так, в 1954-1957 годах был отменен 6-процентный налог на холостяков, введенный во время войны, сокращались индивидуальные налоги для низкооплачиваемых категорий.⁵⁰ Одновременно отменялась плата за обучение в старших классах школ и в высших учебных заведениях, введенная в 1940 году. Выросли пособия многодетным семьям, пособия по временной нетрудоспособности.⁵¹

Забота власти о населении не являлась исключительно популистской мерой, скорее она была результатом специфического понимания сущности государственного социализма. В 1955-1961 годах правительство приняло ряд законов социального характера, улучшивших правовое положение городского населения и в первую очередь индустриальных рабочих. После XX съезда КПСС в апреле 1956 года был отменен закон 1940 года о прикреплении рабочих к производству и о суровых наказаниях за прогулы и опоздания. Трудящимся предоставлялось право самостоятельно (при определенных

⁵⁰ Сборник законов СССР. Т. 2. М., 1968. С. 327-328.

⁵¹ Сборник законов СССР. Т. 2. М., 1968. С. 418-419, 196-197.

формальностях) менять место работы. В том же году, в сентябре, законодательство установило минимум заработной платы. Сокращалась рабочая неделя на 2 часа, оплачиваемый отпуск по беременности и родам увеличивался с 70 до 112 дней.⁵²

В то же время, исходя из перспектив коммунистического строительства, в 1959 году на декабрьском пленуме ЦК КПСС⁵³ был сделан вывод о том, что «личное подсобное хозяйство будет постепенно утрачивать свое значение», так как, по мнению руководства, колхозникам выгоднее получать продукты из колхозов. Это означало по существу новое наступление на подобное хозяйство. Государственным органам поручалось за 2-3 года скупить скот у рабочих совхозов и рекомендовать колхозам принять аналогичные меры. Действия власти напоминали новое раскрестьянивание селян, так как лишали их даже того, что еще оставалось – коров, овец, свиней.

Следствием этих мер явился упадок личного подсобного хозяйства и обострение продовольственной проблемы.⁵⁴ Не замедлило проявиться общественное недовольство.

Характерно письмо колхозницы Н.К. Фоминой: «В Великую отечественную войну все свои силы отдавали для победы над фашизмом. Работали почти даром: 400 грамм зерна и по 2 коп. на трудодень... И теперь у нас отбирают огородные участки, лишая источников жизни».⁵⁵

С точки зрения анализа общественных настроений, проявленных в этом письме, любопытно, что для материальных трудностей периода

⁵² Сборник законов СССР. Т. 2. М. 1968. С. 383; Т. 2. С. 183-185, 195.

⁵³ Постановление пленума ЦК КПСС «О дальнейшем развитии сельского хозяйства». 24-25 декабря 1959 года: КПСС в резолюциях... Т. 9. М. 1986. С. 473.

⁵⁴ Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России. XX век. М. 1996. С. 285.

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 129. Л. 8.

сталинского правления у населения находились объективные объяснения (Великая Отечественная война), тогда как борьба с личными подсобными хозяйствами при Н.С. Хрущеве рассматривалось в виде произвола власти.

Характерной чертой развития страны в исследуемый период являлась нехватка жилья. Новое руководство уделяло этой проблеме особое внимание, жилищное строительство существенно возросло. Стала поощряться организация жилищных кооперативов на весьма льготных для населения условиях. Значительно увеличилось строительство жилых домов городскими властями, предприятиями и министерствами. С 1950 по 1964 годы городской жилищный фонд страны увеличился с 513 до 1182 миллионов кв. метров или в 2,3 раза. Если в 1951-1956 годах жилищные условия улучшили 38,4 миллиона человек, то в 1957-1961 годах - уже 57,7 миллиона. В 1956-1960 годах было введено в строй жилья почти в 2 раза больше, чем в предыдущей пятилетке.⁵⁶

Такие темпы жилищного строительства, предоставление индивидуальных квартир отразило известные изменения в государственной идеологии и влекло за собой перемены в общественном сознании. Если сталинские «коммуналки» соответствовали представлениям о коллективных формах жизни советского общества, то «малосемейки» Хрущева лишь отчасти допускали развитие индивидуальности. Считалось, что основное время человек должен проводить в обществе, на виду у всех. Отсюда массовое строительство библиотек, читален, бассейнов и культурно-развлекательных центров.

В исследуемый период государство всеми мерами сдерживало инфляционные тенденции. Для новых лидеров эта мера была

⁵⁶ Народное хозяйство СССР в 1970 г. М. 1971. С. 538-545.

необходима, по крайней мере, для сохранения собственного авторитета в глазах народа. Стоимость товаров и услуг, так же как и размер заработной платы, были стабильными, некоторое подорожание жизни компенсировалось увеличением заработной платы. Уже опробованный путь скривия инфляционных процессов состоял в обмене денег, в проведении денежной реформы. Такая реформа была проведена в 1961 году. Формально произошел обмен старых банкнот на новые по соотношению 10:1 и при пропорциональном изменении цен и заработной платы. (Заметим, что в 1998 году обмен денежных знаков проводился в соотношении 1000:1). Однако покупательная способность граждан постепенно падала, особенно негативно обмен денег сказался на рыночных ценах на продукты питания.⁵⁷

Значительную часть вырученных реформой средств государство направляло развивающимся странам социалистического лагеря. Среди рабочих Московского завода углекислоты в связи с последними экономическими событиями распространялись следующие высказывания: «Наше правительство раздает подарки, кормит других, а сейчас самим есть нечего».⁵⁸

И, все же, нельзя не отметить, что в 60-е годы уровень жизни населения в целом повысился. Существенное значение в бюджете семей имели выплаты и льготы из общественных фондов потребления - бесплатное медицинское обслуживание, бесплатное обучение, различные виды пенсий и пособий. Эти выплаты в 1960 году составили 27,3 миллиарда рублей, т.е. были почти в 6 раз больше, чем в 1940 году.⁵⁹

Таким образом, в послесталинское десятилетие правительство

⁵⁷ Геллер М. Некрич А. Утопия у власти. Т. 2. М. 1995. С. 130-131.

⁵⁸ Неизвестная Россия. XX век. 1993. С. 50.

⁵⁹ Народное хозяйство СССР в 1970 году. М. 1971. С. 537.

стремилось улучшить жизненный уровень трудящихся, пенсионеров, колхозников. Массовое недовольство граждан, скорее вызывала осязаемая социальная несправедливость, те особые привилегии, которые имели работники партийного и государственного аппарата.

Известный писатель К.И. Чуковский в дневниковых записях так рассказывал о кремлевской больнице: «Работники ЦК и другие вельможи построили для себя рай, на народ - наплевать. Народ на больничных койках, на голодном пайке, в грязи, без пужных лекарств, во власти грубых нянь, затурканных сестер, а для чинуш и их жен сверхпитание, сверхлечение, сверхучтивость, величайший комфорт».⁶⁰

Льготы для власть имущих порождали в обществе самую негативную реакцию. Руководство страны пользовалось привилегиями и во времена Сталина, но тогда сведения об этом редко доходили до широких слоев населения. Информация о социальной несправедливости быстро распространялась в советском социуме, порождая радикальные оппозиционные настроения. Наличие последних говорит о смене «образа власти» в сознании масс. Хрущев явно не обладал тем необходимым для постсталинского руководителя комплексом харизматических черт, в которых нуждалось централизованное под единым началом общество. Для большинства он ассоциировался скорее с типичным аппаратным работником, нежели лидером сверхдержавы, какой являлся СССР в 50-е годы.

Неосознанный «поиск вождя» часто принимал форму критики бюрократизма, поскольку именно бюрократизм, по мнению народа, препятствовал «порядку». Весьма типичны антибюрократические настроения, выраженные в листовке за подписью «безработные», распространенной в поселке завода им. Войкова (г. Керчь). Основное

⁶⁰ Чуковский К. Дневник (1938-1969). М. 1994. С. 371.

требование – прекратить бюрократический произвол, когда «чтобы получить работу, нужны деньги, но если нет денег, приходится ходить и кланчить два-три месяца какой-либо хоть работы, или унижаться перед остатками пережитков капитализма (начальством)».⁶¹ В случае же сохранения такого положения вещей, «безработные» предсказывали новую революцию в стране. Для общества, воспитанного на идеалах гражданской войны, революция ассоциировалась с понятием справедливости.

Нельзя не отметить социальных предпосылок появления диссидентства. Критика реалий советской жизни прозвучала в выступлениях коммунистов на партийных собраниях, посвященных обсуждению письма КПСС «Об усилении работы...» (декабрь 1956 г.). Так, на партсобрании бригады строительства Куйбышевской ГЭС бригадир Политов, поддержанный рядом коммунистов, заявил, что «у нас в стране хорошо живет и много получает тот, кто не работает, а только подписывает бумажки, а тот, кто действительно работает, получает мало».⁶² На другом партсобрании прозвучало следующее высказывание: «В плакате, где говорится о безработице и нищете в капиталистических странах и об улучшении жизни в нашей стране, надо поменять местами заголовки». Рабочий завода «ленводпуть» Федоров заметил: «В последнее время появилось много различных писем ЦК КПСС, а прожиточный минимум трудящихся остается низким. Цены на товары растут, а заработная плата понижается, Может быть, кто-то делает это специально. И у нас может получиться, как в Венгрии».⁶³

О социальной неоднородности советского общества говорил конструктор Киселев (Ярославский автозавод). Его точка зрения была

⁶¹ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 554. Л. 122.

⁶² РГАНИ. Ф. 89. П. 6. Д. 5. Л. 2.

⁶³ Там же. Л. 3.

признана антипартийной и антисоветской, а сам Киселев исключен из рядов КПСС. Однако запретить людям выражать свое мнение по поводу насущных жизненных проблем власть, отказавшаяся от крайних форм террора, была уже не в силах. Особенно отчетливо смена настроений советского общества проявлялась во время обсуждения крупных событий внутренней жизни страны, каким, например, стало осуждение «антипартийной группы». С собственной политической оценкой этого события выступили рабочие завода «Азовсталь», выразившие несогласие с решениями июньского 1957 г. пленума ЦК.

Трудящиеся потребовали «в целях выявления истинной правды... дать возможность Маленкову, Кагановичу, Молотову и Шепилову выступить по радио и на рабочих собраниях», и «считать разоблачение культа личности т. Сталина неправильным и вредным».⁶⁴

Однако это инакомыслие «справа» было вызвано не тоской по казарменному социализму, а все тем же недовольством материальными условиями, стремлением заставить руководство «прекратить растранивание народного добра, уделить больше внимания развитию легкой и пищевой промышленности»,⁶⁵ что в силу российских особенностей всегда казалось гораздо легче сделать при наличии сильного Хозяина. Несколько другой характер и другие масштабы носила предпринятая председателем республиканского совета профсоюзов Эстонии Иллиссоном попытка освободить профсоюзы от излишней партийной опеки. С 1957 по 1959 г. он «под видом расширения профсоюзных прав «проводил политически вредную линию на присвоение профсоюзными комитетами несвойственных им функций утверждения хозяйственных кадров, входящих в номенклатуру партийных и вышестоящих хозяйственных органов, что на практике

⁶⁴ РГАНИ. Ф. 89. П. 6. Д. 4. Л. 3-4.

⁶⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 71. Л. 2.

приводило к противопоставлению профсоюзных организаций партийным и хозяйственным органам».⁶⁶

Это заключалось в том, что профсоюзные комитеты ряда предприятий стали обсуждать и принимать решения о назначении и освобождении своих директоров иногда прямо против мнения партийных органов. Такая политика была опасна для «верхов» и тем, что влекла за собой оживление «отсталых настроений» и «демагогических элементов».⁶⁷

Скорее всего, стремление Иллиссона избавиться от партийной опеки, диктовалось, в том числе, и национально-освободительными идеями, широко распространенными в Эстонии. В политические тона окрашивалось подчас и организационно-практические инициативы, что наглядно продемонстрировали рабочие Одесского завода «Автогенмаш». На профсоюзном собрании, прошедшем в конце 1956 г., они, считая, что «всюду там, где руководят коммунисты, ничего не получается», выступили против избрания инженера коммуниста на должность председателя завкома только лишь потому, что он член партии.⁶⁸

Если в годы войны люди видели в Коммунистической партии организующую силу народа, то теперь она олицетворяла собой торжествующую бюрократию, которая прикрывала идеологическими лозунгами свое стремление безраздельно господствовать в стране. Правительство стремилось всеми доступными мерами сохранить сложившуюся систему управления общественной вертикалью. Несмотря на эти усилия, за годы реформ существенно изменилось отношение «народ – власть». Применительно к 1953 г. можно говорить о

⁶⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 79. Л. 43.

⁶⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 123. Л. 180.

⁶⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 71. Л. 2.

биполярной системе, где между харизматическим вождем и обществом существовала прослойка чиновников, обладавших ограниченными и, порой, пересекающимися функциями.

При Сталине чувство личного страха все же сдерживало, в известной мере, руководящие кадры от окончательного разложения. После XX съезда партии управление окончательно перешло в руки партийных структур с упорядоченными властными институтами, опиравшимися на поддержку наиболее влиятельных социальных слоев. Между всеми учреждениями установилась известная субординация. Партийная вертикаль приводила в действие соответствующие хозяйственные, военные, образовательные, культурные и карательные органы, не позволяя никому из них обособиться.

В сознании интеллигенции начала 60-х гг. возник образ «партийной машины», подчинявшей себе не только отдельную личность, но зачастую и здравый смысл. Осью, скрепляющей эту систему, был аппарат областного комитета партии, возглавляемый «хозяином области» - секретарем, который одновременно возглавлял выборную инстанцию: комитет и его бюро и был начальником над партийными функционерами. Он входил, как правило, в ЦК полноправным членом или кандидатом, заседал в Верховном Совете и представлял область в Совете Министров, в Госплане или ином руководящем органе. В то же время он распоряжался в местном совнархозе, контролировал работу всех областных инстанций и нес полную ответственность перед центром за все, что происходило в вверенной ему области.

Четкость создавшейся системы позволяла сохранить монолитность общества и управления. Однако даже власть первого секретаря ЦК нельзя считать личной. Она являлась лишь выражением власти партийной. Критика культа личности поставила Н.С. Хрущева в жесткие

рамки: каждое свое решение он обязан был проводить через коллективные инстанции: Президиум и (или) Пленум ЦК, учитывая при этом возможную их позицию. Н.С. Хрущев ни разу за всю свою политическую карьеру не пытался обратиться непосредственно к народу. Народом для него, с точки зрения политической, естественно, являлись партийные функционеры достаточно высокого ранга, чтобы быть отобранными на съезд или войти в центральный комитет.

Н.С. Хрущев не стал харизматическим лидером не только потому, что «...был слишком похож на простака с улицы ... чтобы люди могли поверить в его способность олицетворять высшую Правду», как полагал, например, известный исследователь А. Ахизер.

Скорее причина коренится в самом обществе, которое в 50-60-е годы претерпевает ряд масштабных, прежде всего мировоззренческих изменений, связанных, в том числе, с завершающим этапом индустриальной модернизации страны. Следует заметить также, что архитектор партийного государства Н.С. Хрущев был слишком самобытен, слишком непредсказуем, слишком угловат, чтобы полностью раствориться в предложенной ему роли. Как справедливо было отмечено, он ощущал себя иной раз народным вождем в архаичном значении этого слова, защитником трудящихся от бюрократии, носителем высших социалистических ценностей.⁶⁹

В этой своей двойственности он был равно неприемлем и партийным иерархам, не знающим, что им приготовит назавтра неугомонный Никита Сергеевич, ни рядовым гражданам, видевшим в нем олицетворение бюрократии. Новации Н.С. Хрущева осуществлялись без изменения основ самого политико-экономического режима, что в значительной степени снизило эффективность предпринятой

⁶⁹ Лейбович О.Л. Реформы 1953-1964 г. в контексте отечественной модернизации. Дисс. д.и.н. Пермь. 1995. С. 222.

модернизации советского общества, в том числе и экономики. Несмотря на то, что в отдельных аспектах быт советских граждан действительно улучшился, сотни тысяч семей получили квартиры, повысилось пенсионное обеспечение, проблема жизненного уровня советских людей продолжала стоять очень остро.

В середине 50-х гг. спрос на товары широкого потребления в лучшем случае удовлетворялся на 40-50%.⁷⁰ По данным зарубежных антисоветских исследовательских центров, в 1956 г. количество лиц, получавших заработную плату ниже прожиточного уровня составляло 8 млн. человек.⁷¹

Не случайно, одним из последствий политики Н.С. Хрущева стало развертывание в стране движения трудящихся за свои социально-экономические и гражданские права. Собственно использование в данном контексте термина «движение» применительно к выступлениям в рабочей среде в 50-е - начале 60-х гг. весьма условно. Скорее, то были локальные вспышки недовольства, что не умаляет их значения, как протеста против внутренней политики КПСС. Весь хрущевский период, с точки зрения роста оппозиционности настроений масс, исследователи⁷² условно делят на два этапа. В первый период, с 1953 по конец 50-х годов, практически не наблюдается забастовок. Известны лишь стачка на московском шарикоподшипниковом заводе в 1956 г. и в городе Николаеве в 1957 г.

Общее настроение характеризовалось относительной лояльностью к существовавшему порядку, что можно объяснить ожиданием от смены

⁷⁰ Мерцалов В.С. Политика крутого подъема сельского хозяйства в СССР // Конференция Института по изучению СССР. Мюнхен. 1955. С. 14.

⁷¹ Там же. С. 172.

⁷² Давыдов С.Г. Инакомыслие в СССР в 50-е – первой половине 60-х годов. Дисс. к.и.н. М. 1996. С. 180.

руководства перемен к лучшему, поворота советской экономической системы в сторону обеспечения нормальных жизненных условий людям, а, кроме того, - известной привычкой, выработанной сталинским временем. Вместе с тем, как форма отстаивания своих прав трудящимися, присутствует массовое пассивное сопротивление, как это было на Украине в 1955-1956 гг. Здесь угольная промышленность регулярно не выполняла план добычи угля, и власти пошли в конце концов на ряд уступок рабочим.⁷³

Принципиальные изменения в массовом сознании произошли в начале 60-х годов. Носителями специфических черт политического сознания в конце 50-х – начале 60-х годов являлись реабилитированные. В результате политической «оттепели» многие тысячи людей возвратились «на волю», где их ждали не только свобода, но и столкновения с обыденными житейскими проблемами. Вчерашние заключенные выдвигали требования возврата им квартир и вещей, отобранных при аресте.

Особенность сложившейся ситуации заключалась в том, что имущество репрессированных часто «наследовалось» работниками органов госбезопасности, проводившими следствие. Реабилитированные и члены их семей настойчиво добивались решения этих вопросов в ЦК КПСС, требуя восстановления своих имущественных прав. Затягивание рассмотрения предъявляемых претензий провоцировало резкую критику работы КГБ и МВД, что находило понимание и поддержку среди окружающих, возбуждая нежелательные, с точки зрения властей, настроения. Вера в возможность найти правду – одна из самых устойчивых черт массового сознания советских людей 50-х годов. Многие из реабилитированных стремились через печать привлечь к себе

⁷³ X конференция Института по изучению СССР. Мюнхен. 1958. С. 175.

и своим проблемам внимание высшего партийного руководства. В январе 1957 г. в «Литературную газету» обратился с письмом Геринштейн Б.Д., выразивший несогласие с постановлением правительства от 8 сентября 1955 г. «О лицах, реабилитированных судебными органами».

По его мнению, оно не достаточно компенсировало потерпевшим причиненный репрессиями ущерб. Для исправления создавшегося положения он требовал увеличить суммы единовременного денежного пособия, пенсии, немедленным предоставлением квартиры.⁷⁴ Экономические проблемы находили свое отражение и в программных документах отдельных «диссидентских» групп. Их появление в 50-е годы означало, что в сознании общества произошли существенные перемены. Однако, что крайне важно, диссидентство пятидесятых годов еще не являлось антисоветским, преследуя цель лишь вернуться к ленинским нормам в партийной жизни. Поскольку эти же задачи, по крайней мере, официально ставила перед собой и власть, то инакомыслие не выходило за рамки спонтанных протестов.

Задачу решить насущные социальные потребности народа ставила перед собой «Ленинская Коммунистическая партия Советского Союза». В распространенном в 1961 г. документе этой организации, изданном в виде газеты, «Центральные сообщения органа ЦК Ленинской Коммунистической партии Советского Союза» провозглашалось, что целью ЛКПСС является построение коммунистического общества, «основанного на производительном труде».⁷⁵

В числе мер, способных превратить СССР в государство социализма с «человеческим лицом», планировалось осуществить программу широкого социального обеспечения трудящихся. В области

⁷⁴ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 187. Л. 131.

⁷⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 351. Л. 15.

сельского хозяйства, к примеру, должна была произойти ликвидация колхозов и наделение приусадебными участками крестьян. Основной хозяйственной единицей планировалось сделать совхозы, «как отвечающие требованиям жизни в аграрном секторе хозяйства».

Вызывает, по меньшей мере, удивление стремление авторов программы к двум прямо противоположным экономическим мероприятиям: возрождению личных хозяйств и тотальному господству совхозного земледелия. Очевидно, здесь одновременно проявилось стремление к повышению жизненного уровня крестьян и тяга к господству исключительно социалистического способа производства. Любопытные формы критики политической и хозяйственной деятельности КПСС были обнаружены в трех документах при аресте бывшего работника финотдела совнархоза Латвийской ССР П.М. Спициной (1960 г.).

Подвергнув анализу политическую и хозяйственную деятельность партийного руководства, авторы текстов Днепров, Иванов и Чичищев пришли к выводу, что «наша действительность - не социализм, а госкапитализм», и «задача нашего народа - восстановить марксистско-ленинскую теорию и построить социализм».⁷⁶ Подобные взгляды, в полном смысле слова, нельзя назвать ни антиправительственными, ни антисоветскими. Их появление в конце 50-х годов скорее говорит о колоссальной политизации массового сознания после XX съезда партии. Выработка чисто теоретических положений сочеталась с попытками агитации рабочих и колхозников через листовки.

В марте 1960 г. в Актюбинской области в районе станции Кандагач неизвестными были разбросаны сотни листовок, которые от имени НТС призывали колхозников саботировать решения декабрьского пленума

⁷⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 320. Л. 46.

ЦК КПСС, не продавать животных, требовать самоуправления колхозов, беспартийного руководства.⁷⁷

Однако ни теоретические документы, ни листовки не делали их авторов и распространителей ближе к народу. Как правило, все ограничивалось одноразовыми актами анонимного публичного протеста. В конце 50-х - начале 60-х гг. недовольство действиями политического руководства в некоторых городах страны вылилось в протесты против действий силовых структур, порой перераставшие в открытые столкновения. Видимо на уровне массового сознания власть персонифицировалась в виде органов правопорядка. Так было в г. Муроме (июнь 1961 г.), где поводом к волнениям послужил слух о том, что в милиции скончался от побоев рабочий одного из заводов города; в Днепродзержинске (июнь 1962 г.), где по вине работников милиции погибли люди; в Кривом Роге (июнь 1963 г.), где беспорядки были вызваны прямым нарушением гражданских прав одного из жителей группой пьяных милиционеров.⁷⁸

Почти во всех этих случаях возмущение граждан удалось подавить лишь при помощи солдат и с применением оружия. Принципиально важно, что изменение отношений между советскими людьми и властью, защиту гражданами своих прав и достоинства от произвола нельзя объяснить лишь общим усилением недовольства экономической обстановкой в стране. При жизни Сталина материальные условия были ни сколько не лучше. Основы, как представляется, заложили самые первые мероприятия «коллективного руководства». Ликвидация внесудебных органов, исчезновение из газет наиболее угрожающих высказываний в адрес «космополитов» и «врагов народа», а так же

⁷⁷ Там же. Л. 9.

⁷⁸ Пономарев В. Общественные волнения в СССР: от XX съезда КПСС до смерти Брежнева. М. 1990. С. 4-5.

развернувшаяся в печати кампания осуждения нарушений законности и признание со стороны власти ошибок прежнего правления не могли не произвести в массовом сознании масштабных мировоззренческих и идеологических изменений.

Конкретным выражением этого стали тысячи писем жалобами на действия местного руководства, направляемые в редакции центральных газет. Люди настойчиво требовали соблюдения своих конституционных прав, что являлось несомненным новшеством в мировоззрении социума.

Не случайно к середине 50-х гг. наиболее частыми стали выступления против действий милиции, которая еще несколько лет назад, в период правления Сталина вызывала наибольшие опасения граждан. Так, в январе 1956 г. в Клайпеде возникли беспорядки, вызванные фактами избиения в милиции задержанных. Массовые волнения, сопровождавшиеся угрозами в адрес работников правоохранительных органов произошли в октябре того же года в г. Славянске Сталинской области.⁷⁹ Примечательно, что большинство задержанных за активное участие в этих событиях – рабочие.⁸⁰

Интересен вопрос не только о социальной, но, что не менее важно, возрастной среде, в которой формировались антиправительственные, можно сказать «раннедиссидентские» настроения. Отдельного рассмотрения заслуживает проблема взаимоотношения власти и молодежи. В период с конца 50-х гг. по середину 60-х происходило нарастание кризиса в рядах ВЛКСМ, хотя внешне все выглядело вполне прилично. Долгое время с 1953 по 1959 гг. число состоявших в комсомоле оставалось практически неизменным - около 18 млн. человек, хотя ряд факторов говорит о тенденции к уменьшению организации. В 1958 г. очень многие первичные организации по всей стране не приняли

⁷⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 57. Л. 75.

⁸⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 59. Л. 62.

в свои ряды ни одного человека.⁸¹

Примечательно, что на заводах, где работала в основном молодежь, в середине 50-х гг. ощущались трудности с пополнением комсомола. В конце 50-х гг. ряды комсомольской организации стали немного увеличиваться за счет более активного принятия старшеклассников. Часто вступление в комсомол объяснялось не убеждениями, а желанием поступить после окончания школы в институт, где при приеме документов требовалась соответствующая запись о членстве в рядах ВЛКСМ. Однако, по большому счету, процент вступивших в комсомол среди рабочих и колхозников оставался неизменным, и это нельзя было полностью объяснить демографическими последствиями Великой Отечественной войны.

Одна из причин заключалась в том, что в период своего правления Н.С. Хрущев, стремясь во внутренней политике опереться на контролируемую общественность, допустил расширение области социальной активности молодежи. Так, по его мнению, создавалась иллюзия возврата к ленинским установкам на добровольное привлечение молодых к социально-политической деятельности. На деле достигался прямо противоположный эффект, поскольку молодые люди являлись частью населения, наименее подверженной влиянию официальной идеологии.

В 50-60-е годы многие молодые люди, несмотря на то, что состояли в комсомольской организации, не участвовали в ее «активной» жизни, не посещали комсомольских собраний, даже тех, которые назначались по поводу знаменательных дат. В ВЛКСМ существовало явление гоголевских «мертвых душ». На 1 января 1955 г. только в одном районе Москвы по 176 первичным организациям числилось около 2 тыс.

⁸¹ Молодежь Советского Союза. Мюнхен. 1959. С. 101.

комсомольцев, выбывших, но не снятых с учета.⁸²

Широкое распространение получил отказ комсомольцев от уплаты членских взносов, воспринимавшихся как обязательные поборы, а не выражение солидарности с целями и задачами ВЛКСМ. Задолженности составляли сотни и тысячи рублей. В 1957 г. разбиралось много дел в отношении секретарей, разваливших доверенные им организации. Многие из них исключались из комсомола с формулировкой «Исключить за нежелание быть членом ВЛКСМ». Такие случаи были не редки, поскольку молодежь являлась наименее консервативной частью населения страны, и, следовательно, быстрее ощущала негативные тенденции в партийной и государственной жизни. Уже в начале 60-х годов многим стало понятно, что партийное руководство не желало рушить, им же осуждаемую систему и продолжало сохранять, преподнося ее лишь в немного измененном виде.

Партийные функционеры, взращенные сталинской системой и занимающие высокие посты, все еще не могли объективно предположить, к чему может привести ее крах, и как он коснется их самих. В результате этого, боязнь перед будущим была очевидна именно для тех, кому было, что терять. Молодежь, понимая это, на своих собраниях обсуждала сложившуюся в стране ситуацию, задаваясь вопросом: «Что делать?». Во второй половине 50-х-60-е гг. в ущерб делу «коммунистического воспитания» возникла и начала распространяться волна радиохулиганства, охватив все слои населения и различные районы страны. В основном радиохулиганством, которое следует рассматривать как часть молодежного противодействия системе на неконформистском уровне, занимались студенты, школьники и рабочая молодежь. Одни радиостанции, например, с позывными

⁸² Очерки истории ВЛКСМ. Изд-во Саратовского университета. 1991. С. 92.

«Мотылек», «Фонарь», «Кавказ» передавали в эфир легкую музыку и вели между собой непринужденные беседы. Другие - расценивались органами госбезопасности как «враждебные».⁸³

Зачастую радиохулиганство смыкалось с криминальной формой социализации. В 1959 г. в Сталинградской области у задержанных за радиохулиганство было изъято значительное количество запрещенных грампластинок, магнитофонных лент с записями «антисоветского» характера, холодное и огнестрельное оружие.⁸⁴

Власть относилась к радиохулиганству крайне серьезно. В 1959 г. специальным постановлением ЦК КПСС, КГБ при совете министров СССР и министерства внутренних дел все соответствующие органы обязывались оказывать на местах необходимую помощь по обнаружению, изъятию незарегистрированных передатчиков и привлекать их владельцев к ответственности. В начале 60-х произошли закрытые судебные процессы по делам радиохулиганов.⁸⁵

Об особенностях мировоззрения молодых людей можно судить по письмам и высказываниям. «Не понимаю, почему ко мне прицепились. Я ни у кого, ни чего не украл, никого не избил. Говорят, что я - не патриот. Но я люблю родную землю, я люблю все человечество, английские и американские народы, мировую культуру, иностранную литературу, интересуюсь всем хорошим, что есть на Западе. Ну и что же, что там капитализм. А комсомол, как местное понятие меня не интересует», - говорил бывший комсомолец из Витебска Г. Зуев.⁸⁶

Ситуация в комсомольских организациях вызывала

⁸³ РГ АНИ Ф. 4. Оп. 30. Д. 429. Л. 27.

⁸⁴ РГ АНИ Ф. 4. Оп. 30. Д. 736. Л. 5.

⁸⁵ Луккин Ю.Ф. Из истории сопротивления тоталитаризму в СССР. М. 1992. С. 85.

⁸⁶ Молодежь Советского союза. Мюнхен. 1959. С. 67.

обеспокоенность. В ЦК КПСС постоянно поступала информация о проблемах с членством и массово-политической работой на местах. Так активисты жаловались о том, что после смерти Сталина число принятых в комсомол из года в год, пусть незначительно, но сокращается. По сравнению с 1953 г. организация численно уменьшилась.

События 1956 г. в Венгрии и их дальнейшее освещение в советской прессе способствовали переходу к более радикальным формам молодежного политического движения. Примечательно, что в условиях официального ограничения информации из Венгрии любые, даже обрывочные сведения о произошедших там событиях оказывали колоссальное влияние на формирование позиции советской молодежи. Венгерскими и польскими студентами, обучавшимися в СССР, ввозились материалы официальных органов этих стран, которые буквально будоражили советских студентов. Та информация, которая имелаась в периодической печати, естественно выходящая под контролем советского руководства, никак не удовлетворяла интересы молодежи. Большинство преподавателей, к которым студенты обращались со своими вопросами, старались уходить от ответов, уклоняясь от обсуждения этих проблем.

Сведения об этом сохранилась в зарубежных антисоветских изданиях 60-х годов, которым можно доверять отчасти, учитывая их идеологическую направленность. По данным парижского журнала «Возрождение», лектор одного из Московских университетов, отвечая на вопросы слушателей его лекций, засыпал их казенными формулировками, тем самым, добившись того, что вся аудитория встала и демонстративно покинула зал.⁸⁷ Но не все поступали таким образом. Побуждаемые общественно-политическими изменениями, некоторые

⁸⁷ Возрождение. Париж. 1957. № 61. С. 160.

преподаватели вузов старались помочь молодым людям разобраться в сложившейся обстановке, подталкивая их мышление к самостоятельности. Многие отказывались спорить со студентами, поскольку те знали больше, чем их оппоненты, получая информацию от студентов-поляков и венгров, обучавшихся в СССР, а так же из сообщений зарубежных радиостанций. По описанию журнала «Возрождение», на одной из центральных улиц советской столицы русская молодежь, сменяясь, группа за группой теснилась вокруг одного гостя, который часами переводил и комментировал доклад ООН по венгерскому делу.⁸⁸

Даже в центральном вузе страны - МГУ им. М.В. Ломоносова студенты, находясь под влиянием требований созыва правомочного, всенародного представительства в странах народной демократии, вывесили «Манифест» о замене Верховного Совета действительно народным органом, призванным осуществить контроль над жизнью страны. Наиболее активные студенты организовывали агитационные беседы с рабочими о происходящем в Венгрии.

Р. Пименов, выражая свое несогласие с политикой советского правительства в отношении суверенной страны, разослал проект резолюции, осуждавшей решение о вводе советских войск в Венгрию с целью подавления движения трудящихся.⁸⁹

В 1956 году 7 ноября правоохранные органы задержали студентов Ленинградского Университета во главе с М. Красильниковым которые, забравшись на ступени здания бывшей биржи, скандировали «Да здравствует свободная Венгрия!», «Свободу Латвии!», «Да здравствует свободная Россия!», «Долой Хрущева!». По свидетельству

⁸⁸ Там же. С. 62.

⁸⁹ Память. 1959. Ч. 1. Вып. 2. С. 154.

очевидцев, нарушителей спокойствия принимали вполне сочувственно.⁹⁰

На пленуме ЦК ВЛКСМ в 1957 г. отмечались существенные недостатки идеологической работы среди молодежи. Видимо, настроения части студенчества постепенно выходили из-под контроля руководителей страны, что вызывало у них серьезную озабоченность. В письме ЦК КПСС «Об усилении работы парторганизаций в массах и пресечении вылазок враждебных антисоветских элементов», часть студенчества была представлена как «группа риска». Результатом этого было вынесение постановления ЦК КПСС «О недостатках в идейно-политической работе среди студентов и мерах ее улучшения», которое предписывало всем партийным органам республик «решительное улучшение идейно-политической работы среди студентов».⁹¹

Реакция комсомольских организаций выражалась в ужесточении индивидуальной работы с неблагонадежными студентами. Самых активных студентов и аспирантов арестовывали, других - вызывали для бесед в органы госбезопасности или же отчисляли из вузов. Отчисленных за «антисоветские» высказывания студентов зачастую отправляли на крупные стройки страны для перевоспитания, а точнее с целью их изоляции. Только в лагерь Потьмы было отправлено около 300 молодых людей. На очередном пленуме ЦК ВЛКСМ говорилось о фактах организаций молодежных нелегальных группировок в Москве, Одессе и Саратове. С целью устранения этого явления органам КГБ давались указания поднять на более высокий уровень агентурную работу среди студентов и учащейся молодежи, что не могло сразу ликвидировать молодежное подполье. Дело в том, что на месте распущенных группировок появлялись новые, так как молодежная субкультура представляла собой достаточно динамичный феномен.

⁹⁰ Гидонн А. Солнце идет с Запада. С. 59.

⁹¹ РГ АНИ. Ф. 4. Оп. 18. Д. 272. Л. 193.

Диссидентские настроения проявлялись и в рядах вооруженных сил, где, казалось, такие проявления вообще невозможны.

В начале 60-х гг. были известны такие организации, как «Матросская объединенная корпорация» на крейсере «Адмирал Лазарев». Позже был организован «Союз борьбы за возрождение ленинизма» под руководством генерала П.Г. Григоренко и его сына.⁹² В задачи этой организации входила борьба за проведение в жизнь ленинской программы построения коммунизма. Подобных позиций придерживался «Временный коммунистический союз». Способы борьбы и доведения своих взглядов до общественности порой были заимствованы из революционного прошлого и напоминали период военного коммунизма. Предлагалось, например, конфисковать часть имущества у «советских буржуев-богачей», запретить продажу предметов роскоши, сосредоточить все силы на строительство коммунизма с целью достичь его в самое ближайшее время. Нереальность таких идей не смущала советских граждан, прежде всего потому, что они имели самое широкое распространение в обществе.

После XX съезда партии увеличился поток писем в газеты и официальные органы, видимо люди впервые за весь советский период ощутили возможность личного участия в исправлении допущенных ошибок. На партийных собраниях в контексте критики культа личности поднимались вопросы о необходимости наказания ближайших сталинских сподвижников. В докладе на XX съезде КПСС помимо самого «вождя» виновными в массовых репрессиях назывались лишь Л.П. Берия, Г.Г. Ягода, Н.И. Ежов, тогда как рядовыми коммунистами в ходе обсуждения предъявлялись серьезные обвинения в адрес практически всех членов Президиума ЦК, избранного XX съездом. Так,

⁹² РГАНИ. Ф. 4. Оп. 18. Д. 272. Л. 193.

на собрании парторганизации Управления Приволжской железной дороги Саратова много говорилось об ответственности Л.М. Кагановича, который был назван «сильнейшим трубадуром Сталина».⁹³

На партийном собрании Института востоковедения несколько выступавших сопоставили тексты речей Л.И. Микояна, В.М. Молотова, Г.М. Маленкова на XIX и XX съездах партии, после чего обвинили их в неискренности и выразили сомнение в возможности оказывать им доверие. Напрашивается вывод о том, что в сознании общества произошел принципиальный перелом: критическое, а не восторженное восприятие власти становится устойчивым принципом политического мышления. Достаточно характерна прозвучавшая оценка деятельности лидеров партии: «Ради своего благополучия они готовы на все».⁹⁴

Такие выступления расценивались в ЦК КПСС как злобные преступные нападки на партийное руководство, а их авторы привлекались к партийной ответственности, вплоть до исключения из рядов КПСС. Во Владивостоке горком КПСС за «нападки» на В.М. Молотова и А.И. Микояна на активе даже распустил партийное бюро судостроительного завода как «не обеспечившее политическое руководство партийной организацией». Следует обратить внимание на то, что о подобной реакции рядовых коммунистов только с недавнего времени стали вспоминать в вышедших очерках и других изданиях по отечественной истории.

Тема ответственности ближайших сталинских сподвижников объективно подводила рядовых коммунистов к оценке истоков формирования культа личности, к осмыслению способствующих этому фактов, причем речь шла не только о высших сферах политической власти, но и о повсеместном распространении этого явления.

⁹³ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 45. Л. 84.

⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 46. Л. 82, 244.

Это нашло отражение в широкой критике руководителей различного ранга. Как отмечалось в справке отдела партийных органов ЦК КПСС, на партийных собраниях «коммунисты остро критикуют многих партийных, советских, профсоюзных и хозяйственных работников за нарушение ленинских норм поведения, зазнайство, высокомерие, отрыв от трудящихся масс и неправильное отношение к критике».⁹⁵ Примечательно, что волновавшие их вопросы, в силу особенностей сложившегося еще при Сталине мировоззрения, рядовые коммунисты стремились разбирать исключительно на партийных собраниях, то есть с позиций «генеральной партийной линии», а не субъективных точек зрения.

В Куйбышеве на партийном собрании завода им. Масленникова военный представитель полковник Макуха высказался относительно причин возникновения культа личности: «Трудно себе представить, чтобы один человек навязал волю шести миллионам членов партии. Подобных фактов не знала ни одна революционная партия рабочего класса. Это стало возможным в результате неправильного воспитания членов партии, угодничества, подхалимства и трусости. В партии стали появляться так называемые коммунисты-начальники, имевшие по несколько квартир, дач, неограниченные возможности в снабжении продуктами и промышленными товарами, забывшие о нуждах трудящихся, оторвавшиеся от партийных масс... Благодаря оторванности ряда партийных и советских руководителей от масс, пренебрежения их интересами стало возможным проявление культа личности в партии».⁹⁶

Бюро Куйбышевского обкома партии осудило «антипартийное» поведение Макухи и исключило его из КПСС. В словах полковника, на наш взгляд, содержится любопытный с точки зрения анализа

⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д.45. Л. 2.

⁹⁶ Там же. Л. 3.

социалистического сознания смысл. В соответствии с принципами советского мышления, Макуха пытался объяснить причины сталинизма исходя из экономического и социального неравенства в обществе. За рамками его внимания, что свойственно марксистско-ленинскому учению, оказались важнейшие политические предпосылки кризиса в партии.

Крайне примитивные формы критики власти порой сочетались с попытками более углубленного анализа происходящего в стране. В общественном сознании появилась мысль о том, что «существуют какие-то общественные факторы, мешающие развитию социализма, ведущие к его деформациям».⁹⁷

Свойственные эпохе настроения проявились в письме адвоката из Минска М. Горячуна в журнал «Коммунист»: «Борьба против культа личности и преодоление его тяжелейших последствий - это не кратковременная кампания, а длительный и трудный процесс воспитания и самовоспитания людей».⁹⁸ Примечательно письмо в ЦК КПСС студентки МГУ Г.М. Щегольковой как отклик на выступление Н.С. Хрущева в марте 1963 года перед писателями. По своему смыслу оно выводит на обобщение той атмосферы, которая царила в стране. Она писала, что в 1956 году после XX съезда КПСС «всем сердцем почувствовала правоту партии, хотя легко было потерять веру во все». Обращается к Н.С. Хрущеву: «А к чему Вы призываете художников? Ищите новое, но только так, чтобы и всем нравилось, не противоречило это новому старому, и не ломало это новое - старого, и не было дерзким, смелым ... Атмосфера же, создающаяся сейчас, есть атмосфера администрирования, насилия, необоснованных обвинений, оплевывания,

⁹⁷ Поляков Ю.А. Исторический процесс многомерен // Страницы истории советского общества. М. 1989. С.26.

⁹⁸ РГАСПИ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 101. Л. 64.

демагогии и декламации самых высоких слов».⁹⁹

Особенно интересна заключительная фраза письма: «Я изложила эти мысли с кровью в сердце, страшно тяжело говорить некоторые из них». В ней автор как бы заранее оправдывается перед властью и обществом за собственный протест, что типично для массового сознания послесталинского социума.

Своеобразный итог эпохи Н.С. Хрущева был подведен уже в 1962 г. О неспособности новой власти отказаться от старых форм управления убедительно свидетельствуют кровавые события 1-2 июня 1962 года в г. Новочеркасске. С 1 июня решением правительства были повышены цены на 30 % на мясо и на 25 % на масло.¹⁰⁰ Эта мера объявлялась как временная, но она вызвала массовое недовольство граждан и открытые выступления трудящихся. На Новочеркасском электровозостроительном заводе появились лозунги «Долой Хрущева!», «Хрущева на колбасу!». На подавление митингующих рабочих была брошена армия. В выступлении по местному радио первый заместитель председателя Совета Министров СССР, член политбюро ЦК КПСС Д.И. Микоян и секретарь ЦК КПСС Ф.Р. Козлов заявили, что эти события спровоцировали враги, которые будут наказаны. В результате столкновения брошенных на подавление выступления трудящихся войск с демонстрантами погибло 24 и было ранено 30 человек. 105 человек были осуждены, в том числе 7 человек расстреляны.

В эти же дни выступления рабочих были в Омске, Кемерове, Донецке, Артемовске. Краматорске. Власти не ожидали столь решительного протеста трудящихся.¹⁰¹

Правительство осознало необходимость радикальной смены

⁹⁹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 214.

¹⁰⁰ Правда. 1961. 1 июня.

¹⁰¹ XX век: выбор модели общественного развития. М. 1994. С. 127-128.

идеологического и политического курса, лично Н.С. Хрущев начинают пропаганду быстреего построения коммунизма. Вне всякого сомнения, новая акция руководства, главным образом, рассчитывалась на общественное восприятие, что позволяет рассматривать ее в контексте обозначенной темы. Уже в 1957 году председатель Госплана СССР Н. Кузьмин заявил: «В ближайшие 15 лет СССР превзойдет абсолютный объем производства США, даже с учетом роста американской экономики».¹⁰²

В июне 1958 года на сессии отделения общественных наук Академии наук СССР в докладе академика, вице-президента Академии наук СССР К.В. Островитянова прямо говорилось, что «построение коммунистического общества уже не далекая, а непосредственная цель деятельности советских людей и их руководящей силы - Коммунистической партии».¹⁰³

Накануне XXII съезда КПСС комиссия во главе с секретарем ЦК КПСС Б.Н. Пономаревым докладывала, что все цифры, представленные в проекте Программы КПСС, в плане перспектив строительства коммунизма рассмотрены совместно с Госэкономкомиссией и реальны.¹⁰⁴ В результате, в Программе партии указывалось, что к 1980 году в СССР в основном будет построено коммунистическое общество.¹⁰⁵ Можно отметить, что не только идеологические доминанты, но и определенные реальные успехи в экономике и общественном развитии стимулировали Н.С. Хрущева и партийно-государственное руководство страны поставить вопрос об успешном

¹⁰² Правда. 1961. 1 июня.

¹⁰³ Правда. 1958. 27 июня.

¹⁰⁴ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 1. Д. 119. Л. 1.

¹⁰⁵ XXII съезд КПСС. 17-31 октября 1961 года. Стенограф. отчет. М. Т. 3. С.

строительстве коммунизма.

В 1959 году на XXI съезде КПСС была поставлена задача в кратчайший срок «догнать и перегнать» ведущие капиталистические страны по производству продукции промышленности и сельского хозяйства на душу населения. Принятая в 1961 году XXII съездом КПСС Программа коммунистической партии провозгласила, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме».¹⁰⁶

Предполагалось, что все объективные факторы для скачка в коммунизм уже созрели, остается лишь умело мобилизовать субъективный фактор, подчинить энергию трудящихся реализации поставленных задач. Рекламировалось, что в 1980 году на каждого советского человека будет производиться 58 кв. метров ткани, 44 килограмма сахара, 85 килограмм мяса, 467 килограмм молока и т.д. Программа КПСС впервые в марксистской литературе определяла конкретные сроки построения коммунистического общества - через 20 лет «в СССР будет в основном построено коммунистическое общество».¹⁰⁷

В известной речи на Красной площади по случаю полета первого космонавта Ю.А. Гагарина 14 апреля 1961 года Н.С. Хрущев говорил: «Выполнение семилетнего плана (1959-1965 гг.) приблизит нас к тому, что мы переступим высший рубеж достижений капиталистического мира и вырвемся, как мы вырвались сейчас в космос, вперед в развитии всей нашей экономики, в удовлетворении запросов народа. Материальные и культурные потребности советских людей будут удовлетворяться полнее, чем это могут обеспечить самые развитые

¹⁰⁶ КПСС в резолюциях... М. 1986. Т. 10. С. 128.

¹⁰⁷ XXII съезд КПСС и вопросы идеологической работы: Материалы Всесоюзного совещания по вопросам идеологической работы. 25-28 февраля 1961 года. М. 1962. С. 23.

страны капиталистического мира».¹⁰⁸ Речь Н.С. Хрущева прозвучала за год до событий в г. Новочеркасске, которые были инициированы низким жизненным уровнем трудящихся. В этом видна сущность пропаганды, оторванность заявлений от реальной обстановки в стране.

Это лучше всех понимали самые простые люди - труженики, они реально понимали надуманность планов построения коммунистического общества уже чуть ли не в ближайшее время. Звеньевая колхоза «Путь Ленина» Земского района Орловской области прямо заявляла: «Какой же мы строим коммунизм, когда живем вместе со скотом в землянках?».¹⁰⁹ Иначе горизонты коммунизма представлялись партийным лидерам. На июньском (1963 г.) пленуме ЦК КПСС первый секретарь ЦК КП Узбекистана Ш.Р. Рашидов говорил: «Наша Отчизна, подобно могучему кораблю, рассекая богатырской грудью волны, преодолевая все преграды, победно мчится к заветному будущему - коммунизму... Управление нашим коммунистическим кораблем в крепких, надежных руках, в руках ленинского Центрального Комитета во главе с выдающимся ленинцем - Никитой Сергеевичем Хрущевым».¹¹⁰

Фальшивость официальных речей и заявлений становилась все более очевидной, однако большинство еще верило партийному руководству и не только в силу привычки. Критика партии в массовом сознании как бы перечеркивала те идеалы, на которых люди воспитывались с детства, а идеальный образ Коммунистической партии создавался не одно десятилетие. По сути, власти не оставалось ничего иного, как еще более усилить идеологическое давление на общество.

В 1963 г., на пленуме ЦК КПСС первый секретарь КП Белоруссии

¹⁰⁸ Правда. 1961. 15 апреля.

¹⁰⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 15. Д. 62. Л. 145.

¹¹⁰ Пленум ЦК КПСС 18-21 июня 1963 г. Стенограф. отчет. М. 1964. С. 226.

К.Т. Мазуров говорил: «По уровню развития промышленного производства, науки, культуры наша страна, что называется, «наступает на пятки» самой развитой капиталистической стране - США, а по некоторым показателям стоит выше США. Это признает теперь весь мир».¹¹¹ Примечательно, что через 25 лет уже пенсионер К.Т. Мазуров говорил совсем иное: «Когда Н.С. Хрущев сказал, что нужно догнать Америку, у меня потемнело в глазах. Я все-таки читал, что такое Америка, и знал, как обстоят дела у нас. Но успокоил себя тем, что это лозунг».¹¹² Если верить второму заявлению Мазурова, то социалистические лозунги для аппарата партии к концу 50-х - началу 60-х годов превратились лишь в механическое средство воздействия на общество, лишенное всякой иной смысловой нагрузки.

Можно предположить, что коммунистический прорыв в будущее соответствовал личным амбициям Н.С. Хрущева. Он ставил его вровень с предшественниками: В.И. Лениным - организатором социалистической революции и И.В. Сталиным - строителем социализма. У ориентации на коммунизм заметны и иные импульсы, кроме стремления Н.С. Хрущева стать вровень с великими, осуществив «вековую мечту человечества», или хотя бы приблизив ее на короткую дистанцию протяженностью в жизнь одного поколения. В обществе, лишенном экономических механизмов саморегуляции их роль исполняла власть, которая была обязана все время пробуждать людей трудиться.

Ослабление террористических функций власти создало ситуацию, когда их могли заместить либо экономическое стимулирование, либо идеологическое воздействие. Чтобы избежать дальнейшего разложение социалистических институтов, было необходимо сделать акцент на второе средство. Приоритет идейного воздействия над экономическим в

¹¹¹ Пленум ЦК КПСС 18-21 июня 1963 г. Стенограф. отчет. М. 1964. С. 200.

¹¹² Советская Россия. 1989. 19 февраля.

процессе правления - это не продукт личного творчества Н.С. Хрущева, вернее, не только продукт. В нем проявляется реакция бюрократического класса, точнее его правящей верхушки на новые социальные тенденции, угрожающее его всевластию.

Речь идет о том, что рост образованности населения вместе с его усиливающейся производственно-функциональной, культурной и имущественной дифференциацией уменьшал пространство для применения силовых методов поддержки собственного господства. Кроме того, набирали обороты процессы формирования социальных общностей из прежних статистических группировок населения. Для верховной власти даже складывание бюрократического класса представляло собой угрозу ее прерогативам, тем более, что это противоречило социалистической доктрине социального равенства и традициям борьбы с бюрократизмом. Хрущев ощущал, что в основе новой социальной структуры, нарождающейся на его глазах, прятались частные экономические интересы.

Курс на коммунизм - это стремление власти растворить отдельные интересы в едином, преодолеть обособленность социальных групп в «сплочении всего населения вокруг великой цели». Едва ли можно точно определить, верил ли сам лидер партии и страны своим словам. Вслед за Н.С. Хрущевым о возможности и необходимости догнать Америку по экономическим показателям говорили ученые. В 1973 году В.И. Токмань убежденно писал: «Капитализм, умирающий общественный строй, весьма и весьма нуждается в защите, в неких шиньонах, которые делали бы его, капитализма, лик более привлекательным, молодым и вместе с тем респектабельным».¹¹³

Однако ход исторического развития показал справедливость

¹¹³ Токмань В. Восхождение к идее. Коммунистическая пропаганда и молодежь. М. 1973. С. 75.

противоположной точки зрения, которая принадлежит президенту Рональду Рейгану: «В 50-е годы Хрущев предсказывал: «Мы вас похороним». Но сегодня западный, свободный мир крепнет и процветает, как никогда. В то же время в коммунистическом мире мы видим провал за провалом, техническую отсталость, снижающийся уровень здоровья и даже нужду: там не хватает продуктов питания».¹¹⁴ Не смотря на закрытость советского общества, информация об экономических достижениях западного мира проникала в страну, оказывая прямо противоположное официальной пропаганде идеологическое воздействие.

Таким образом, после XX съезда партии в СССР произошли масштабные изменения на уровне массового сознания, основное содержание которых заключалось в потере общественного доверия власти. Самое интересное, что этот процесс протекал на фоне пусть незначительного, но относительно стабильного роста материального благосостояния граждан. После смерти И.В. Сталина руководители страны и партии взяли курс на гармоничное развитие промышленной группы «Б» - легкой индустрии, строительства, сельскохозяйственного производства, социально ориентированной экономики. В августе 1953 года на сессии Верховного Совета СССР была принята программа подъема производства предметов народного потребления. Пленумы ЦК КПСС регулярно рассматривали вопросы увеличения производства предметов потребления - сентябрь 1953 года, февраль-март, затем июнь 1954 года, январь 1955 года. В сельскохозяйственное производство, хотя и неуверенно, внедрялся принцип материальной заинтересованности. Было решено ослабить давление на колхозников - снижались сельхозналоги, увеличивались размеры приусадебных хозяйств,

¹¹⁴ Рейган Р. Жизнь по-американски. М. 1992. С. 690.

повышались закупочные цены, причем существенно - на мясо в 5,5 раза, молоко и масло - в 2 раза, зерно - на половину, давались государственные дотации на выпуск ширпотреба. Эта линия открывала перспективу возможной интенсификации производства на базе возрастания (но и всячески ограничиваемой) материальной заинтересованности в труде, в результате чего уже в первой половине 1953 года производительность труда возросла на 62 %, материалоемкость снизилась на 5 %.

Однако освоение имевшихся резервов и ресурсов, повышение культуры производства, производительной отдачи труда работников проводились недостаточно уверенно и интенсивно. Правительственная политика в социальной сфере на рубеже 1950-1960 гг. имела сугубо эгалитаристскую ориентацию. Она расширяла социальные возможности рабочих и служащих в области образования, здравоохранения, жилья, потребления более ценных продуктов питания и предметов домашнего обихода. То, что прежде составляло привилегии номенклатуры и приближенной к ней «рабочей аристократии» теперь стало более доступным для самых широких слоев городского населения.

Однако в обществе, где справедливость означала равенство, социальная политика власти порождала неизбежное недовольство населения. Как представляется именно оно и стало причиной относительного безразличия общества к самому факту снятия Н.С. Хрущева с занимаемой должности. Политика власти не могла остановить процессов дифференциации. Она переводила их на иной, более высокий уровень, поднимала «планку», с которой велся отсчет вертикальной мобильности.

Государственная политика в социальной сфере привела в большее соответствие потребности индустриального развития и жизненную среду населения, точнее, социальную инфраструктуру производства:

жилище, здравоохранение, транспорт, питание. Если анализировать практику руководства с этой точки зрения, то ее можно оценить как вполне адекватный ответ на импульсы, поступающие из мира индустрии. Впрочем, ориентация на подъем жизненного уровня населения не была ни универсальной, ни последовательной. Некоторые группы населения теряли свой прежний статус, были вынуждены заново начать социальное продвижение.

В заключении необходимо отметить, что появление инакомыслия на бытовом уровне находилось в прямой зависимости от экономической ситуации. Очереди за продуктами стали повседневным бытом, начиная с 1955-56 гг. В 1962 г. разразился хлебный кризис. Люди, уставшие от многочисленных стояний за черным хлебом дурного качества («увеличена влажность печеного хлеба и расход соли», - доносил Пермский обком КПСС в Москву), требовали введения карточек и ругали Н.С. Хрущева. Тем не менее, к несомненным заслугам первого секретаря можно отнести социальную ориентацию экономической политики, ее нацеленность на рост благосостояния населения.

Несмотря на отдельные проявления государственной заботы, в 60-е гг. общественное недовольство ширилось, создавались молодежные полулегальные организации, основной задачей которых был поиск иных путей государственного развития. Однако собственно дисидентскими эти настроения признать нельзя, поскольку реальное оппозиционное движение начинается с активизацией недовольства интеллигенции в 60-70-е гг.

Таким образом, в разделе показано, что окончание эпохи правления многолетнего харизматического лидера страны неизбежно повлекло за собой комплекс существенных изменений, как в массовом сознании советского общества, так и в повседневной жизни городского и сельского населения страны. Автор отмечает, что смерть И.В. Сталина,

олицетворявшего собой не только власть, но и целостную систему жизненно значимых ценностей, воспринималась подавляющим большинством как крушение этой системы, за которым должны были последовать неизбежные и исключительно негативные последствия. Именно поэтому, советский социум первой половины 1950-х гг., крайне стесненный в социальном, бытовом и материальном отношении, после марта 1953 г. находился в состоянии ожидания еще больших катаклизмов и экономических трудностей.¹¹⁵

Политическая пропаганда 1950-х гг., состоявшая из ряда логически неоспоримых тезисов, утверждала, что советское общество является социалистическим и потому пребывает в переходном состоянии. Ориентация на коммунистическое будущее позволяла пренебрегать насущными, прежде всего материальными, потребностями современности. «Ныне главные задачи КПСС, - утверждалось в уставе партии, принятом в октябре 1952 г. - состоят в том, чтобы построить коммунистическое общество путем постепенного перехода от социализма к коммунизму».¹¹⁶ Комплекс перспективных ожиданий – наиболее характерная черта советской системы, которая позволяла направлять и контролировать общественное развитие и массовое сознание.

Автор отмечает, что в середине 1950-х гг. наиболее распространенными в повседневной жизни были представления о том, что в социальной сфере экономические различия между людьми уходят на второй план. Все граждане находились на службе у государства, трудились ли они на предприятиях, в совхозах, либо в колхозах, также

¹¹⁵ Лейбович О.Л. Реформы 1953-1964 гг. в контексте отечественной модернизации. Пермь, 1995. С. 227.

¹¹⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9. Т. 8. М., 1985. С. 286.

действующих в рамках единой плановой и административной системы. Поскольку частный интерес подчинялся общему, то государство могло оправданно производить изъятие на социальные нужды части зарплаты в виде принудительных займов (как правило, 1/10 - 1/12 часть годового заработка), мобилизовать взрослое население на лесоразработки, а юношей в ремесленные училища, прикреплять работников к предприятиям во имя производственной необходимости.¹¹⁷ Общая зависимость от государства и степень уравнительности были таковы, что, по мнению иностранных наблюдателей, люди 1950-х гг. были похожи даже по внешности.¹¹⁸

В разделе автор акцентирует внимание на том, что вопрос о необходимости экономических преобразований после смерти И.В. Сталина возник именно в кругах высшего партийного руководства, а не в среде общественности, которая летом 1953 г., в силу психологической инертности, еще не была готова к любым формам протеста. На четвертой сессии Верховного Совета СССР 15 марта 1953 года в докладе Г.М. Маленкова было официально заявлено, что «законом для нашего правительства является обязанность неослабно заботиться о благе народа, о максимальном удовлетворении материальных и культурных потребностей».¹¹⁹ Предпринятые действия, как показало исследование, носили преимущественно политический, во многом популистский характер, однако именно эти меры долго и с благодарностью вспоминались населением, поскольку впервые за долгие годы в стране

¹¹⁷ Указ о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений // Лейбович О. Россия. 1941-1991. Сб. докум. Пермь, 1993. С. 19-20.

¹¹⁸ Маркес Г. 22 400 000 квадратных километров без единой рекламы кока-колы // Латинская Америка. 1988. № 3. С. 97-98.

¹¹⁹ Известия. 1953. 1 апреля.

наметились новые приоритеты социального развития.

Впервые власть официально признала, что приусадебное хозяйство крестьянина и рабочего провинциальных городов являлось главным источником поддержания собственного существования и источником снабжения сельскохозяйственной продукцией значительной части населения страны. Немаловажное значение имело то, что государство реально оценивало состояние сельского хозяйства, его низкий уровень развития. Явным политическим новаторством Н.С. Хрущева стали официальные признания о том, что заявления о разрешении зерновой проблемы были лживыми.¹²⁰ Столь смелое и нетипичное для советского руководителя заявление говорит о качественно ином отношении нового руководства к советскому обществу.

Автор показывает, что с середины 1950-х гг. началась реализация широкой программы повышения зарплаты: в 1961 г. по сравнению с 1950 г. она возросла в 1,3 раза, а с учетом выплат и льгот из общественных фондов потребления - в 1,35 раза. Общее число рабочих и служащих возросло с 40 до 62 миллионов человек.¹²¹ В 1950-х гг. наблюдается рост промышленного производства и увеличение государственных доходов за счет налога с оборота, а также роста цен на продукты питания и товаров народного потребления. Рост цен происходил систематически и параллельно росту номинальной заработной платы и оплаты коммунальных услуг. В июле 1956 года, была введена новая система пенсионного обеспечения, которая привела к существенному возрастанию размера пенсии. Пенсии зависели от стажа работы и возраста трудящегося. Устанавливался один из

¹²⁰ Хрущев Н.С. О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР М., 1953. С. 28.

¹²¹ Народное хозяйство СССР в 1970 году. М., 1971. С. 519.

минимальных в мире возрастной ценз для получения пенсии - для мужчин 60 лет при стаже работы в 25 лет, для женщин - 55 лет при стаже работы в 20 лет.¹²² Исключительное значение, по мнению автора, имело то, что впервые в стране устанавливались государственные пенсии для колхозников. Для них вводился более высокий возрастной ценз - мужчины в возрасте от 65 лет и женщины - от 60 лет, но лишь в том случае, если они продолжали работать в колхозах.¹²³ Проявляя видимую заботу о людях, государство и здесь переложило ответственность за выплату пенсий на плечи самих колхозов.¹²⁴

Анализ комплекса партийно-государственных документов показал, что Н.С. Хрущев и его окружение стремились не только «обеспечить населению достойные условия существования»,¹²⁵ но добиться того, чтобы человек получил их из рук государства. Помещенная в сеть идеологических координат социальная политика лишалась своих экономических корней. Она превращалась в особый род государственной благотворительности, снисходящей сверху на все население, или на какую-то его часть, например, молодежь.

В то же время, наступившая эпоха принципиально отличалась от предыдущего периода своей ориентацией на человека и его потребности. После XX съезда КПСС в апреле 1956 г. правительство отменило известный закон 1940 г. о прикреплении рабочих к производству и о суровых наказаниях за прогулы и опоздания. Трудящимся предоставлялось право самостоятельно (при определенных формальностях) менять место работы. В сентябре 1956 г. был

¹²² Сборник законов СССР. 1948-1967. Т.2. М., 1968. С.217-241.

¹²³ Сборник законов СССР. Т.2. М., 1968. С.241-248.

¹²⁴ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 1680. Л. 2-7.

¹²⁵ Ильичев Л.Ф. Очередные задачи идеологической работы партии. М., 1963.

законодательно установлен минимум заработной платы, рабочая неделя сократилась на 2 часа, оплачиваемый отпуск по беременности и родам увеличился с 70 до 112 дней.¹²⁶

В разделе подчеркивается, что впервые после НЭПа государство сделало ряд реальных шагов навстречу сельскому населению страны, в деревне было решено ослабить давление на колхозников - снижались сельхозналоги, увеличивались размеры приусадебных хозяйств, повышались закупочные цены, причем существенно - на мясо в 5,5 раза, молоко и масло - в 2 раза, зерно - на половину, давались государственные дотации на выпуск ширпотреба. Эта линия открывала перспективу возможной интенсификации производства на базе возрастания (но и всячески ограничиваемой) материальной заинтересованности в труде, в результате чего уже в первой половине 1953 г. производительность труда возросла на 62 %, материалоемкость снизилась на 5 %. В то же время, исходя из перспектив коммунистического строительства, в 1959 г. на декабрьском пленуме ЦК КПСС был сделан вывод о том, что «личное подсобное хозяйство будет постепенно утрачивать свое значение», так как, по мнению руководства, колхозникам выгоднее получать продукты из колхозов.¹²⁷ Это означало по существу новое наступление на подобное хозяйство. Государственным органам поручалось за 2-3 года скупить скот у рабочих совхозов и рекомендовать колхозам принять аналогичные меры.

Непоследовательность государственной политики и нестабильность роста народного благосостояния в сочетании с ослаблением идеологического давления способствовали сначала робкой, а затем и более радикальной критике правительственного курса. В ряде

¹²⁶ Сборник законов СССР. Т. 2. М., 1968. С. 383; Т. 2. С. 183-185, 195.

¹²⁷ Постановление пленума ЦК КПСС «О дальнейшем развитии сельского хозяйства». 24-25 декабря 1959 года: КПСС в резолюциях... Т. 9. М., 1986. С. 473.

городов страны прошли серьезные волнения.¹²⁸ Автор отмечает, что подавляющее число выступлений обуславливалось экономическими причинами и было связано с неспособностью правительства удовлетворять возросшие материальные потребности людей. С начала 1960-х гг. стали падать темпы роста экономики страны, уменьшилась валовая продукция промышленности. В кризисном состоянии оказалось и сельское хозяйство. Массовый забой скота привел к резкому сокращению его поголовья, а целина не могла решить задачу стабильного обеспечения населения хлебом. В то же время, предпринятое Хрущевым под влиянием идеологических догм дальнейшее «раскрестьянивание» села, т.е. ликвидация мелкого крестьянского хозяйства, лишило страну важнейшего источника поступления продовольствия, недостаток которого она ощутила в полной мере в 1962-1963 гг. И как следствие этого, с 1963 г. пришлось обратиться к практике закупки хлеба за границей.

В итоге всех этих негативных явлений произошло замедление темпов роста национального дохода и фонда потребления, разбалансирование доходов населения с товарными ресурсами. Особенно остро реагировали трудящиеся на повышение цен на ряд продуктов питания в 1962 г. К этому времени тот психологический эффект, который дала денежная реформа 1961 г. (когда товары и продукты стали с десятков рублей стоить единицы, причем, и зарплата была приведена в адекватные новым ценам размеры) полностью исчерпал себя. Не подкрепленный новыми технологиями, изменениями образа жизни простой рост цен вызывал раздражение и недовольство различных социальных слоев.

В разделе показано, что несогласие проявило себя в самом

¹²⁸ Белоцерковский В. Рабочие волнения в СССР в начале 60-х гг. // Форум. Мюнхен. 1982. № 1. С. 187.

широком диапазоне: от «антисоветских» высказываний и распространения листовок до забастовок и восстаний в Темир-Тау (октябрь 1959 г.) и Новочеркасске (июнь 1962 г.). Проведенный в разделе анализ «обывательских» суждений позволил составить общую картину настроений простых людей. Наиболее распространенными были требования возврата к прежним ценам, удовлетворения насущных потребностей трудящихся, критика ликвидации личного скота и приусадебных участков у колхозников. Часто встречались «пожелания» снижения оплаты государственной и партийной номенклатуре, отказа от разоряющей страну помощи слаборазвитым и социалистическим странам, угрозы в адрес Н.С. Хрущева.¹²⁹

Таким образом, один из основных выводов раздела состоит в том, что во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. в целом значительно расширились социальные возможности рабочих и служащих в области образования, здравоохранения, жилья, потребления более ценных продуктов питания и предметов домашнего обихода. То, что прежде составляло привилегии номенклатуры и приближенной к ней «рабочей аристократии» теперь стало более доступным для самых широких слоев городского населения. Однако в обществе, где справедливость означала равенство, социальная политика власти породила неизбежное недовольство населения. Именно оно, по мнению автора, и стало причиной относительного безразличия общества к самому факту снятия Н.С. Хрущева с занимаемой должности.

¹²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 15. Д. 62. Л. 145; Ф. 559. Оп. 1. Д. 101. Л. 64.; Оп. 14. Д.45. Л. 2.

Раздел II. Особенности городской повседневности в годы «оттепели»

В 1955 г. население СССР достигло предвоенного уровня. В 1959 г. численность городского населения сравнялась с численностью сельского, а в 1960 г. превысило его. В 1960 г. занятые в сельском хозяйстве составляли еще 39 %, т.е. столько же, сколько в промышленности, строительстве и транспорте вместе взятых. Однако сельское хозяйство давало только 16% национального продукта, в то время как промышленность - 62% и строительство - 10%. 62 млн. человек работали в различных областях государственной экономики. Более 22 млн. были заняты в промышленности, 18,5 млн. из них составляли рабочие. Они представляли рабочий класс, достаточно изменившийся с 30-х годов: более компактный, состоящий в основном уже не из молодежи, а из различных возрастных групп. Это не были недавние выходцы из деревни, они уже давно работали на заводах. Остальные 405 млн. были строительными рабочими.¹³⁰

После смерти Сталина и приходом к власти Н.С. Хрущева, как пишет А.С. Ахизер, испытывая мощное давление снизу, новая власть освободила миллионы заключенных и прекратила массовый террор. Это, кроме всего прочего, означало качественное изменение отношения к личности, признание ее жизни ценностью, признание ее права на пищу, жилье, подачу жалоб и т.д. Высшая ценность переместилась вниз.¹³¹ Так власти вывели из сферы уголовного права трудовые отношения, прежде

¹³⁰ Боффа Дж. История Советского Союза. М. Международные отношения. 1990. Т. 2. С. 479.

¹³¹ Ахизер А.С. Россия: Критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т.1. От прошлого к будущему. Новосибирск. Сибирский хронограф. 1997. С. 564-565.

всего, отменив 25 апреля антирабочий закон 1940 г. и начав пересмотр трудового законодательства. Отныне рабочим более не угрожала уголовная ответственность за прогулы и добровольное увольнение с работы, т.е. они обрели большую степень свободы в поисках подходящих для них условий труда и оплаты. Рабочие могли менять место работы, уведомив об этом администрацию за две недели. Основными результатами отмены «драконовских» законов стал значительный рост текучести рабочей силы. По некоторым данным в 1956 г. поменяли место работы примерно треть рабочих.¹³²

Налоговое давление на трудящихся было уменьшено как в прямой форме, так и путем отмены государственных займов. Однако взамен правительство ввело двадцатилетний мораторий на выплату по всем предыдущим займам.¹³³ В 1957 г. был увеличен необлагаемый минимум заработной платы рабочих и служащих с 26 руб. до 37 руб. в месяц. С 1958 г. отменен налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан. 1 октября 1960 г. - повышение необлагаемого минимума заработной платы до 50 рублей, 1 октября 1961- до 60 рублей.

За 1950-1958 гг. выплаты и льготы, полученные населением из общественных фондов потребления, увеличились с 13 млрд до 23,8 млрд.¹³⁴ Продолжительность рабочей недели была сокращена с 48 до 46 часов (для металлургов - 42 ч., для шахтеров и подростков - 36ч.).¹³⁵

¹³² Верт Н. История Советского государства. 1900-1991. М. Прогресс-Академия. 1995. С. 405

¹³³ Верт Н. История Советского государства. 1900-1991. М. Прогресс-Академия. 1995. С. 385.

¹³⁴ Бромлей Н.Я. Уровень жизни в СССР(1950-1965)//Вопросы истории. 1966. №7. С.11.

¹³⁵ Хрущев Н.С. Об отмене налогов с рабочих и служащих и других мероприятиях, направленных на повышение благосостояния советского народа. М., 1960.

Отпуск по беременности, сокращенный при Сталине до 70 дней, стал снова 112 -дневным.

Коренное улучшение пенсионного обеспечения началось с 1956 г. Действовавшие до этого нормы пенсионных пособий были установлены еще в начале 1930-х гг. Раньше большинству рабочих и служащих пенсии по старости начислялись из заработка, не превышавшего 30 руб. в месяц. Остальная часть заработной платы в расчет не принималась. После введения нового закона о государственных пенсиях средний размер пенсий по старости увеличился более чем в 2 раза, пенсии по инвалидности увеличились примерно в 1,2 раза, пенсии семьям рабочих и служащих, потерявшим кормильца - на 64%. Пенсионный возраст был снижен до 60 лет для мужчин и 55 лет для женщин (эти меры не касались колхозников).¹³⁶

Из многочисленных показателей, с помощью которых можно охарактеризовать уровень жизни, наибольшее внимание историков и экономистов уделялось анализу заработной платы, которая в хрущевский период являлась основным источником совокупных доходов рабочих. Заработная плата обеспечивала большинство благ и услуг и составляла примерно 85-95 % всех денежных доходов рабочих.

За 15 послевоенных лет средняя заработная плата всех рабочих и служащих увеличилась почти на 37 рублей (по сравнению с довоенным, 1940 г., ее номинальная величина выросла на 47 руб.). Абсолютные размеры денежной заработной платы были больше всего у промышленных рабочих, а ее прирост - у рабочих, занятых на строительном-монтажных работах. К началу 60-х гг. средние заработки строительных рабочих впервые вплотную приблизились к зарплате промышленных рабочих. Однако реальная заработная плата сильно

¹³⁶ ГАРФ. Ф. 7523, Оп, 71, Д. 130. С. 1-24

отличалась от номинальной, перелом в этом отношении был достигнут к началу 50-х годов, когда покупательная способность среднемесячной заработной платы рабочих и служащих не только сравнялась с довоенной величиной, но и несколько превысила ее.

Со второй половины 50-х гг. основной упор в повышении материального благосостояния трудящихся был сделан на увеличение удельного веса оплаты труда в общем объеме реальных доходов населения. Так с января 1957 г. был повышен минимум заработной платы для рабочих и служащих: в городской местности он был установлен в размере 30-35 рублей, а на селе - 27 рублей. Среднегодовой темп роста заработной платы в целом по стране увеличился за 1956-1958 по сравнению с 1951-1953 гг. более чем в 2 раза. Самые высокие ставки устанавливались для рабочих тяжелой промышленности с учетом степени квалификации их труда. В среднем оклад квалифицированного рабочего в промышленности с 1,3 до 2,8 р. превышал заработок неквалифицированного.

В целом средняя номинальная заработная плата рабочих и служащих за 1950-1958 гг. возросла на 20,1% - с 63,9 рублей до 79 рублей в месяц. С 1959 г. по 1964 г. среднемесячная заработная плата рабочих и служащих возросла с 77,8 до 90 рублей, с учетом выплат и льгот этот рост был еще значительнее - со 104 руб. в месяц в 1959 до 121 руб. в 1964 г. Число рабочих и служащих, получавших до 30 рублей в месяц сократилось на 3 млн., зарабатывавших от 70 до 80 рублей возросло на 1,2 млн., от 80 до 90 руб. - на 5,9 млн. человек.

В 1956-1960 гг., хотя темпы экономического роста снизились по сравнению с 1950-1955 гг., оставались относительно высокими темпы прироста национального дохода - 9,4%.¹³⁷ Но в 1960 г. работники

¹³⁷ Брошей Н.Я. Уровень жизни в СССР (1950-1965) // Вопросы истории. 1966. №7. С. 6.

Госплана и Министерства Финансов СССР пришли к выводу, что значительный прирост заработной платы с ее упорядочением и сокращением рабочего дня не был компенсирован соответствующим повышением производительности труда». В такой ситуации в 1962 г. правительство идет на повышение розничных цен на мясо-молочную продукцию и на замораживание темпов роста заработной платы. Если темпы роста прибыли в промышленности за 1958-1962 гг. составили 74%, то отчисления в фонд заработной платы выросли всего на 33%.

С расчетом на одного работающего прибыль возросла на 41%, а средства, на его зарплату, премирование, оплату путевок сократились за этот период на 6,2%. В итоге замораживание темпов роста заработной платы отразилось на общих доходах в семьях рабочих.¹³⁸ В июне 1961 г. было принято постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР о новой системе оплаты труда. В результате так называемого «упорядочивания заработной платы» в централизованном порядке были повышены тарифные ставки рабочих. В цветной металлургии, на открытых горных работах они повышались на 61% , на подземных - на 81%, в угольной промышленности соответственно - 43% и 70%, в металлообработке - на 46,3%, в строительстве - на 80%. Изменение тарифов было одним из главных рычагов контроля за заработной платой во всех регионах страны.

В результате изменения тарифных ставок произошло сближение уровня заработной платы в отраслевом разрезе. Так, в цветной металлургии заработная плата увеличилась на 20%, на автомобильном транспорте - на 13%. У низкооплачиваемых категорий рабочих заработная плата была повышена на 40-60%.¹³⁹

¹³⁸ Там же. С 106.

¹³⁹ Ващук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке. Владивосток. Дальнаука, 1998. С. 113.

В 50-60-е гг. органы Центрального статистического управления обследовали семейные бюджеты рабочих и служащих более чем на 700 промышленных предприятиях следующих отраслей: черная металлургия и железорудная промышленность, цветная металлургия, угольная, электростанции, машиностроительная и металлообрабатывающая, химическая и резино-асбестовая промышленность строительных материалов, деревообрабатывающая, бумажная, стекольная и фарфоро-фаянсовая, текстильная, швейная, кожевенная, меховая и обувная.

Общее число обследуемых бюджетов семей увеличилось с 14,8 тыс. в 50-е годы до 16,6 тыс. в 1965 г. В это количество включались бюджеты квалифицированных и малоквалифицированных рабочих. Семьи этих групп в большинстве своем состояли из трех-четырех человек, в состав которых входили взрослые работники (мужчины и женщины) и их иждивенцы - престарелые родители и дети. Так, половозрастной состав 14 793 семей, обследовавшихся в 1955 г., выглядел следующим образом: в каждой сотне семей (на каждые 100 семей приходилось в среднем 328 членов) насчитывалось 75 мужчин-рабочих в возрасте от 18 до 59 лет и 115 женщин в возрасте 18—54 лет. Лица пенсионного возраста составляли: у мужчин 3, у женщин - 14 человек на каждые 100 семей.

Среди несовершеннолетних иждивенцев преобладали дети в возрастных группах от 3 до 6 и от 7 до 13 лет (соответственно 36 и 32 ребенка на 100 рабочих семей). Применявшиеся критерии отбора обследуемых (по уровню квалификации, половозрастному составу семей, их месту жительства в различных промышленных регионах страны и др.) обеспечивали довольно высокую представительность данных о динамике денежных доходов и других показателях уровня жизни рабочих семей промышленности. Из материалов ЦСУ следует, что совокупный денежный доход среднестатистической семьи рабочих

промышленности СССР увеличился: 17374 руб. в 1952 г., 18757 руб. - 1955 г., 21055 руб. - 1958 г., 22447 руб. - 1960 г. (т.е. за 9 лет - на 29,2%).

На структуру денежных доходов малообеспеченных групп некоторое влияние оказало повышение с 1 января 1957 г. минимума заработной платы рабочих и служащих до 270-350 руб. в месяц. В основном под воздействием этого фактора, а также в результате увеличения размеров пенсии (с октября 1956 г.) численность беднейшей группы промышленных рабочих (душевой доход до 250 руб. в месяц) сократилась к началу 60-х годов до 1% против 7% в 1953 г. Численность низкооплачиваемых рабочих с душевым доходом до 350 руб. в месяц уменьшилась в 1960 г. до 7% (в 1953 г. -20%).¹⁴⁰

На размеры доходов рабочих в последующие годы значительное влияние оказали денежная реформа в стране, сопровождавшаяся установлением с 1 января 1961 г. нового масштаба основной денежной единицы - рубля (1 новый = 10 старым) и изменение цен на некоторые виды товаров и услуг, оказываемых населению.

В условиях жесткой планово-распределительной системы хозяйствования денежные доходы рабочих и различных групп служащих (наряду с государственными розничными ценами) предопределяли основные статьи их расходов. Так, в 1953 году сумма затрат на продукты питания на одного члена семьи составляла у низкооплачиваемой группы рабочих 46,7% зарплаты, в отличие от самой высокооплачиваемой группы, тратившей на продовольственные товары 29,0% от заработка. Соответственно затраты на покупку промышленных товаров у рабочих с низким заработком были меньше и составляли 24,7%, у высокодоходной группы - 29,8%. Сравнивая две крайние группы по доходу в месяц, надо сказать, что в 1960 году рабочие, получавшие до 250 рублей, тратили на

¹⁴⁰ Казанцев Б.Н. Неизвестная статистика уровня жизни рабочего класса // Социс. 1993. № 4. С. 6.

покупку промышленных товаров 63 руб., питание в столовых обходилось в 24 руб., 8 руб. шли на покупку вино-водочной продукции, на приобретение культтоваров из семейного бюджета выделялось 5 руб., а на культурно-просветительские нужды оставалось 2 руб.

Высокооплачиваемые рабочие с зарплатой 1000 руб. и выше примерно в 2 раза чаще питались в столовых, почти в 10 раз больше тратили на спиртные напитки, из семейного бюджета в 7 раз больше отводилось на покупку промтоваров и в 12 - на культтовары, в 9 раз чаще рабочие с высокими доходами посещали театр и кино.

Однако надо заметить, что государственные магазины не обеспечивали рабочих и членов их семей всем необходимым. Поэтому советский человек, не обнаруживавший нужную ему вещь на прилавках магазинов государственной торговли, мог ее приобрести там, где производилась розничная спекулятивная торговля непродовольственными товарами: на промтоварных и колхозных рынках городов; около и внутри магазинов во время продажи их работниками дефицитных товаров; на улицах, во дворах и подъездах отдельных домов. Наконец, он мог заказать вещь на дом и даже купить у спекулянтов чек на товары, которые заранее выписывались недобросовестными работниками госторговли, так же за определенную сумму имел возможность встать на очередь по приобретению дефицитных товаров.¹⁴¹

Во многих крупных городах страны имелись специальные рынки для продажи подержанных вещей, кустарных изделий и новых промышленных товаров, оказавшихся неподходящими тому или иному лицу по фасону, размеру и т.п. На этих рынках, в нарушение действовавших в 50-е годы правил, в значительных размерах

¹⁴¹ Дронкина Е.А. Уровень жизни и черты советской повседневности городских рабочих (1950-1960-е гг.). М., 2001. С. 22.

производилась спекулятивная торговля новыми непродовольственными товарами и кустарными изделиями.

Около 3% всех покупок непродовольственных промышленных товаров, сделанных рабочими и колхозниками у частных лиц в 1953 г., приходилось на вещи, бывшие в употреблении; примерно, 1-2% покупок составляли товары, перепроданные за «ненужностью» одними семьями другим семьям. Эти сделки не носили спекулятивного характера. Приобретения же у кустарей, по предположению Центрального статистического управления, не превышали 3-4% от всего количества покупок у частных лиц.¹⁴²

Как пишет Б.Н. Казанцев, из всех промышленных товаров, приобретенных обследуемыми семьями промышленных рабочих РСФСР в 1959 г. у частных лиц, у перекупщиков было куплено с переплатой 29,9%. На долю новых товаров приходилось 16,8%, а вещей, бывших в употреблении - 26% от всего объема приобретений у «частников». Покупки у кустарей составляли тогда 27,3% от общего количества купленных вещей и изделий у частных лиц. Довольно обширна была и «география» перевозок товаров спекулятивной торговли. Многие спекулянты перевозили в значительных размерах дефицитные товары в те города и районы, в которых предъявлялся большой спрос на них. Так, в 1955 г. в Куйбышев (Самара) завозились из Казани меховые пальто и фетровые валенки, а из Средней Азии — каракулевые шкурки. В Иваново привозили из Воронежской и Сталинградской (Волгоградской) областей пуховые платки, а из других городов — шерстяные и трикотажные изделия. В Ворошиловград (Луганск) незаконно доставлялись из Сталинградской (Волгоградской) и Ростовской областей шерстяные платки, из Минска — радиоприемники, швейные машины, а

¹⁴² Казанцев Б.Н. «Частично» в сфере бытового обслуживания // Социологические исследования. 1993. №11. С.51.

из Москвы и Ленинграда (Санкт-Петербурга) — меховые изделия, косынки, тенниски.¹⁴³

Вещевые рынки некоторых больших городов служили местом скрытного предложения новых товаров, которые временно хранились на стороне. Например, в 50-е годы на одном из промтоварных рынков Горького (Нижнего Новгорода) перекупщики для вида выставляли поношенные вещи. Заинтересовавшемуся вещью покупателю предлагалось посмотреть новый товар, находившийся на квартире продавца. Отдельные слои и группы населения приобретали у частных лиц различные товары и вещи по ценам, значительно превосходившим розничные цены на них в государственной торговле. Так, в 1953 г. рабочие промышленности приобретали у перекупщиков-спекулянтов промышленные товары по ценам, превышавшим государственные цены в среднем на 45-50%, в том числе платки шерстяные на 58%, платки пуховые - на 56%, сапоги кожаные и кирзовые — на 38%, пальто зимние мужские - на 32% и т.д.

По данным обследования, проведенного ЦСУ в 1955 г., оказалось, что в первом полугодии семьи рабочих переплачивали перекупщикам за платки шерстяные и суконные 86%, сапоги кирзовые - 51%, пальто зимние мужские - 35%, пальто зимние женские - 40% больше, чем они стоили в государственных магазинах.¹⁴⁴

Отставание развития сети государственных и кооперативных мастерских и ателье бытового обслуживания от запросов и потребностей по пошиву одежды и ремонту обуви жителей города и села приводило (зачастую вопреки воле властей) к возрождению деятельности кустарей в отдельных местностях России. По данным обследования бюджетов

¹⁴³ Казанцев Б.Н. «Частник» в сфере бытового обслуживания // Социологические исследования. 1993. №11. С.53.

¹⁴⁴ Там же. С. 53.

19,6 тыс. семей рабочих и служащих, проведенного на территории бывшего Союза, затраты населения на индивидуальный пошив и бытовой ремонт вещей у частных лиц составили в семьях рабочих и служащих 38 руб. в 1956 г. и 41 руб. в 1958 г.

Обращение к услугам частных лиц вызывалось не только нехваткой бытовых мастерских и ателье в ряде местностей страны. В конце 50-х годов и позднее многие семьи рабочих промышленности России договаривались с «частниками» насчет пошива того или иного платья, а также отдавали им в ремонт одежду и обувь. Это можно объяснить тем, что заказы частные лица выполняли за более короткие сроки и по более низким ценам, чем в государственных мастерских.

Израсходованные средства на продовольствие, как правило, предопределяли объем и структуру питания рабочих семей. Относительно стабильным в 1950-е гг. оставалось душевое потребление отдельных видов хлебопродуктов и картофеля, «второго хлеба» (уменьшение их потребления в отдельные годы было незначительно). Пшеничный хлеб, выпеченный из сортовой, т.е. более качественной муки, занял к началу 60-х значительное место в общем объеме потребляемого хлеба. В тоже время во второй половине 50-х годов значительно повысилось душевое потребление молока (на 48,2 л), молочных продуктов (на 3 кг), мяса и мясопродуктов (на 22 кг), яиц (на 40 шт.). Не изменилось или почти не изменилось общее количество употребляемых в пищу жиров, рыбы и рыбопродуктов (включая рыбные консервы в пересчете на рыбу), сахара и кондитерских изделий. Из других продуктов несколько неустойчивым был уровень потребления овощей, бахчевых, фруктов и ягод.¹⁴⁵

Несколько снизилось к началу 1960-х гг. потребление картофеля,

¹⁴⁵ Дронкина Е.А. Уровень жизни и черты советской повседневности городских рабочих (1950-1960-е гг.). М., 2001. С. 26.

например, на 17,9 кг в первой и на 2,5 кг в последней группах. Одновременно в низших по уровню душевого дохода группах несколько увеличилось потребление овощей и бахчевых, а также фруктов и ягод. В рационе отдельных групп рабочих семей в несколько большем количестве, чем раньше была представлена говядина, телятина и свинина.

В семьях с душевым доходом более 12 тыс. руб. в год потреблялось: фруктов и ягод в 4,5 раза, а говядины и телятины в 5,1 раза больше, чем в первой группе, в которой доход на одного члена семьи был менее 3 тыс. руб. в год. Определенные сдвиги в питании промышленных рабочих можно проследить и по данным о потребляемых калорийности продуктов. Так, суммарное количество потребленных в течение суток продуктов питания одним рабочим промышленности Российской Федерации выросло с 2 689 кал в первом полугодии 1956 г. до 2 738 кал в первом полугодии 1960 г. В целом суточная калорийность потребленных продуктов одним рабочим всей промышленности СССР в 1960 г. составляла 2 753 кал, т.е. чуть больше. Однако калорийность питания среднестатистического промышленного рабочего оставалась тогда значительно ниже физиологической нормы, определенной в середине 50-х гг. Институтом питания АМН СССР в 3 053 кал в сутки на человека.

Намного медленнее происходили изменения в химическом составе потреблявшихся продуктов. За 1959-1964 гг. в рабочей семье суточное душевое потребление белков в пище, в том числе животного происхождения, практически не изменилось. Потребление жиров увеличилось на 6 г, а углеводов на 14 г. В последующие годы химические компоненты пищи рабочей семьи становились все более

разнообразными.¹⁴⁶

Наряду с домашним питанием многие рабочие и инженерно-технические работники пользовались услугами фабричных и заводских столовых, закусочных, буфетов, которые предлагали достаточно широкий выбор блюд. Так меню столовой фабрики «Красное знамя» насчитывало до 15 первых блюд, до 25 вторых: жареная свинина, кролик, битки по-гамбургски с яйцом, котлеты, солянки различных видов, от самых сложных до так называемых домашних, пользовавшихся большой популярностью среди рабочих. Для ускорения обслуживания в столовых нередко практиковались подачи комплексных обедов, меню которых составлялось заранее, в результате чего люди могли пообедать за 15-20 минут.¹⁴⁷ В некоторых столовых был введен новый способ обслуживания – «скатерти-самобранки», на которых было представлено на выбор большое количество кушаний: различные салаты, заливная рыба, холодная телятина, многочисленные кондитерские изделия, чай и кофе.

В праздничные дни в устраивались выставки-продажи, где можно было приобрести холодец, красиво оформленные салаты, паштеты, заливную или фаршированную рыбу, зажаренного гуся или утку, а также торты, пироги, печенья. Помимо столовых в крупных городах открывались домовые кухни, готовившие по заказу обеды и любые блюда к торжеству. В магазинах полуфабрикатов работницы, занятые на производстве и не имевшие достаточно времени для ведения хозяйства, могли приобрести наборы для борща, рассольника, щей, а также вторые блюда с различными к ним гарнирами.

В целом в городах и рабочих поселках страны сеть общественного питания увеличилась с 48,2 тыс. в 1946 г. до 108,8 тыс. в 1960 г., т. е.

¹⁴⁶ Вечтомова Е. На фабрике «Красное знамя» // Работница. 1954. №1. С. 27

¹⁴⁷ Волк И. В новом Люблино // Работница. 1954. №2. С. 14.

почти в 2,3 раза. Однако, несмотря на такой ее значительный прирост за 15 послевоенных лет по стране в целом, в РСФСР и некоторых других республиках новых домовых кухонь и столовых в ряде городов за это время открылось сравнительно немного. Медленно увеличивалась сеть общественного питания и в отдельных отраслях промышленности. К концу 1955 г. в имевшихся в системе главного управления рабочего снабжения министерств 14 279 предприятиях общественного питания преобладали небольшие столовые и закусочные. Поэтому во многих заводских столовых и буфетах нередко возникали очереди, и рабочие за обеденный перерыв не успевали быстро поесть и отдохнуть.

Стоимость блюд в рабочих столовых обычно была невысока. Однако надо заметить, что в расходной части бюджетов рабочих затраты на общественное питание обычно не превышали нескольких процентов общих расходов семей на питание.

Темпы роста реальных доходов находятся в непосредственной зависимости от конкретной политики государства в области повышения уровня жизни народа в тот или иной период. Так в первой половине 50-х гг. основным рычагом в повышении материального положения трудящихся являлись массовые снижения цен на товары широкого потребления, проводившиеся в марте 1951, в апреле 1952 и апреле 1953 года, в итоге чего возросла покупательная способность советского рубля. Но чрезмерно высокие темпы снижения цен нарушали нередко экономически необходимое соотношение между ценой и себестоимостью товара. Производство потребительских товаров росло не только медленнее промышленного производства, но и медленнее намеченных планом уровней. Ассортимент товаров расширялся, но их хронически не хватало: магазины были в запущенном состоянии, с длинными очередями людей, которые охотились на дефицитные товары, неожиданно появляющимися в продаже.

Как отметил А.К. Соколов, для советского человека проблемы повседневного бытия сопрягались в сознании с памятью о невероятных трудностях и лишениях, с практически перманентным дефицитом, породившими такое специфическое социальное явление советской действительности, как очередь, ставшую одной из отличительных черт «советского образа жизни».¹⁴⁸ И уже к середине 50-х гг. советское государство отказалось от политики массового снижения цен.

Тем не менее, цены на продукты питания и промышленные товары снижались и в последующие годы, но уже в значительно большей степени учитывались экономически необходимые соответствия между уровнем цен и себестоимостью продукции, между спросом и производством. Так, в 1956-1958 гг. были снижены цены на детскую одежду, штапельные ткани, алюминиевую посуду, радиотовары, отдельные марки телевизоров и фотоаппаратов. С 1 июля 1959 г. были снижены цены на часы, велосипеды, радиолы некоторых марок, детские игрушки, виноградные и плодово-ягодные вина. С 1 марта и 1 апреля 1960 г. снижены цены на электрические швейные машины, шелковые ткани и некоторые виды радиоприемников, медикаменты. В течение 1961 г. также проводились снижения цен на галантерейные и хозяйственные товары, на некоторые швейные изделия и культтовары.¹⁴⁹

Помимо снижения цен на товары широкого потребления правительство пошло на широкую организацию торговли в кредит. Это также обеспечило достаточно высокие темпы продажи мебели, предметов культурно-бытового назначения. Однако уровень жизни повышался медленнее, чем того ожидали лидеры и население. Прогресс

¹⁴⁸ Соколов А.К. Социальная история России новейшего времени, проблемы методологии и источниковедения // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М. РОССПЭН. 1999. С.66.

¹⁴⁹ Правда. 1 июля 1959; 1 марта и 1 апреля 1960; 1 апреля и 1 октября 1961.

все-таки был, и даже скромное повышение благосостояния было ощутимым по сравнению с прошлым. Получили распространение ранее недоступные блага - наручные часы, фотоаппараты, товары для дома, радио, а затем и телевизоры.

17 мая 1962 года на заседании Президиума ЦК КПСС был одобрен проект Постановления Совета Министров СССР «О повышении закупочных цен на крупный рогатый скот, свиней, овец, птицу, масло животное и сливки и розничных цен на мясо, мясные продукты и масло животное», в соответствии с которым с 1 июня 1962 года розничные цены на мясо и мясные продукты в среднем выросли на 30-34 %, на свинину - на 19%, на животное масло - на 25%. Данное решение было необходимой мерой, так как сельское хозяйство находилось в удручающем положении. При низких ценах на сельскохозяйственные продукты и при относительном росте заработной платы возник катастрофический дефицит продуктов питания.

Многие в стране понимали сложившуюся ситуацию. Так в записке председателя комитета Государственной безопасности при Совете министров СССР В.Е. Семичастного в ЦК КПСС говорилось о том, что советские люди одобрительно отзываются о решении партии и правительства. Так, слесарь депо Курск Токарев во время чтения обращения ЦК КПСС и Совета Министров СССР к советскому народу подчеркнул необходимость данного мероприятия, оценивая повышение цен на мясо как временную меру. Рабочая Московского метрополитена Костромицкая считала, что «жертва не так велика, можно поступиться еще кое-чем, лишь бы не было войны».¹⁵⁰ Но не все советские люди согласились с правильностью принятого решения. Повышение цен, ставшее обыденной приметой дня сегодняшнего, в то время было

¹⁵⁰ Объединяйтесь вокруг Христа - большевики повысили цены // Неизвестная Россия. XX век. Книга третья. М. Историческое наследие. 1993. С.151.

воспринято большей частью населения очень болезненно. Наряду с привычным одобрением на сей раз пугающе внятно прозвучал голос народного протеста.

За полгода до повышения цен в ночь с 30 на 31 декабря 1961 года, в Чите были обнаружены листовки, иллюстрировавшие растущее недовольство народа: «Внутренняя политика Хрущева - гнилье!»; «Долой диктатуру Хрущева»; «Болтун Хрущев, где твоё изобилие?». Утром 1 января 1962 года появилась листовка такого содержания: «Ильич, Ильич проснись И с Хрущевым разберись: Водка стоит 27, Сала, мяса нет совсем, К коммунизму подойдем - И капусты не найдем».¹⁵¹ В записке заместителя председателя КГБ при Совете министров СССР П.И. Ивашутина в ЦК КПСС от 1 июня 1962 г. говорится, что в ряде городов были отмечены появления отдельных антисоветских листовок и надписей.¹⁵²

В частности в Москве на одном из домов по улице Горького (ныне Тверская) была наклеена листовка следующего содержания: «Сегодня повышение цен, а что нас ждет завтра». На Сиреневом бульваре тексты листовок призывали рабочих бороться за свои права и снижение цен. В Тбилиси говорили о том, что принятое решение свидетельствует о крахе экономической политики. Также люди высказывали суждения, основной смысл которых сводился к тому, что может быть следовало сохранить цены на прежнем уровне, а снизить зарплату высокооплачиваемым работникам, отказаться от помощи слаборазвитым странам. Заслуженный артист РСФСР заявил, что, конечно, от повышения цен на мясо никто не умрет, «но стыдно перед заграницей, хоть бы молчали,

¹⁵¹ Объединяйтесь вокруг Христа - большевики повысили цены // Неизвестная Россия. XX век. Книга третья М. Историческое наследие. 1993. С.145.

¹⁵² Там же. С. 148.

что мы уже обгоняем Америку».¹⁵³ Дежурная по перрону Павелецкого вокзала Михайлова высказывала свое несогласие по поводу запрещения иметь в пригородных поселках скот, по ее мнению, если бы рабочим разрешили его держать и разводить, то мясных продуктов было бы достаточно.

А уже вечером второго июня 1962 г. на телеграфном столбе в г. Чусовой (Пермская область) была обнаружена листовка со следующей надписью: «Кушайте суп с опилками, закусывайте углем».¹⁵⁴ Таким образом, немногие понимали искусственный внеэкономический характер подобной политики, люди ждали «новых проявлений заботы партии и правительства» о народе. Когда «забота» обернулась для населения обманутыми ожиданиями, последовала закономерная вспышка недовольства.

Руководство СССР своими собственными действиями спровоцировало конфликт и создало опасность соединения народного недовольства с идеологией политического протеста. За короткий период времени, практически одновременно, были проведены денежная реформа 1961 г., в результате которой у населения денег стало в десять раз меньше. Человек, получавший тысячу рублей в месяц, стал получать сто. Журнал «Крокодил» помещал карикатуры, смысл которых заключался в том, что раньше копейки валялись на улицах без всякого внимания, а теперь их бережно подбирают. «Правда» уверяла, что рубль стал вдесятеро полновеснее. На самом-то деле все знали, что не вдесятеро: масло за 27,50 оказалось по 3,50 за килограмм, в телефон-автомат вместо 15 копеек теперь следовало опускать две, а спички как стоили копейку - так и остались. Как пишет В.А. Козлов, на рубеже 50-

¹⁵³ Там же. С. 152.

¹⁵⁴ Объединяйтесь вокруг Христа - большевики повысили цены// Неизвестная Россия. XX век. Книга третья. М. Историческое наследие. 1993. С. 162.

60-х гг. власть попала в заколдованный круг. Экономические проблемы нельзя было разрешить, не вызывая возмущения граждан, не создавая предпосылок для роста оппозиционных настроений, не провоцируя невыгодных для власти сравнений между декларируемыми целями (строительство коммунизма) и унылой действительностью. Дисбаланс зарплаты и цен на потребительские товары и, особенно, на продукты питания, вызванный отчасти уступками рабочим во 2 пол. 50-х гг., обострял традиционную советскую проблему дефицита.¹⁵⁵

Надо сказать, что повышение цен на продовольственные товары в июне 1962 г. не повлекло за собой заметного снижения потребления основных продуктов питания. Так, несмотря на то, что цены на мясо повышались примерно на 30%, его потребление во всех экономических группах населения, в том числе и самой малообеспеченной, по уровню душевного дохода не снизилось. Потребление рыбы увеличилось на 5-6%.¹⁵⁶

В середине 50-х гг. из всех потребностей советских граждан наиболее острой была жилищная. Нельзя забывать, что в годы войны и немецкой оккупации в стране было уничтожено около 70 млн. кв. м. жилой площади, в результате чего в послевоенный период люди жили в полуподвальных помещениях, ветхих домах, бараках, землянках, ютились в коммунальных квартирах. В 1954 г. состоялся ряд совещаний, на которых было предложено перейти к строительству индустриальными методами на основе серийного производства. В 1956 году на XX съезде КПСС были осуждены парадность и излишества в архитектуре, считалось недопустимым, «чтобы миллионы рублей

¹⁵⁵ Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953-нач. 1980-х). Новосибирск. Сибирский хронограф. 1999. С. 230-231.

¹⁵⁶ Бромлей Н.Я. Уровень жизни в СССР (1950-1965)// Вопросы истории. 1966. №7. С. 12.

тратились на бессмысленное украшательство в угоду дурному вкусу некоторых архитекторов»,¹⁵⁷ был декларирован переход к индустриальным методам строительства. Настоящий план городского развития, предусматривавший увеличение темпов жилищного строительства, его удешевление и ликвидацию недостатка в жилье впервые в советской истории был одобрен в 1957 г. Его основная идея заключалась в строительстве целых серии домов по единому типовому проекту, предусматривавшему моделирование трех-четырёх вариантов конкретного дома со стандартной внутренней планировкой. После проведения Всесоюзного конкурса на новый тип жилья был утвержден ряд типовых проектов жилых зданий с так называемыми типометражными квартирами, рассчитанными на одну семью.

Предусматривались однокомнатные квартиры жилой площадью от 18 до 20 кв. м., двухкомнатные - 30 кв. м. и трехкомнатные - 36-40 кв. м. Как писала «Работница» в те годы, в каждой квартире предполагалась кухня площадью 6 кв. м. с холодным шкафом под окном, совмещенный санитарный узел, прихожая и так называемая гардеробная площадью 2-2,5 кв.м., связанная непосредственно со спальней, со встроенными шкафами и полками для платья и белья, антресолями, зеркалом и туалетным столиком.¹⁵⁸ По мнению редакции журнала, располагая такой гардеробной, жильцы избавлялись от необходимости приобретать громоздкие шкафы.¹⁵⁹ Все «дополнительные площади»: коридоры, ванные комнаты, кухни - были сокращены до физиологического минимума. Потолки опущены до 2,7 метра, лестничные пролеты сужены, кладовки, мусоропроводы и лифты ликвидированы. Все это в

¹⁵⁷ Отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду партии. Москва. Стенографический отчет. Т. 1. М. Госполитиздат. 1956. С. 78.

¹⁵⁸ Дружинина Т. Все для советского человека // Работница. 1958. №11. С.21.

¹⁵⁹ Быстро, дешево, добротнo // Работница. 1957. №9. С. 3.

конечном итоге позволило снизить трудоемкость возведения жилья, уменьшить стоимость каждой квартиры на 30-40%, сократить сроки сдачи, а главное отказаться от планирования коммуналок.¹⁶⁰

Чтобы строить еще быстрее и экономнее, было решено вести работы широким фронтом на большой площади (в Москве - это Юго-Западный район, район Кузьминок, Серебряного бора; Охта и Щемиловка в Ленинграде). Таким образом, в жилищном строительстве произошел переход на застройку городов крупными кварталами и микрорайонами. Под словом «микрорайон» подразумевался участок города до 60 гектаров, на котором кроме жилых домов размещались школы, детские сады и ясли, магазины, столовые, комбинаты бытового обслуживания, сад на три гектара и комплекс спортивных площадок.

Жилые здания располагались по меридиану в виде П-образных корпусов. Что касается городского движения, оно должно было проходить по ограничивающим его улицам, а внутри самого микрорайона предусматривались проезды шириной в 3-4 метра, по которым не было сквозного движения. Размах жилищного строительства с 1956 по 1963 гг. принял поистине грандиозные размеры, в итоге которого национальный жилищный фонд вырос почти в 2 раза - с 640 до 1184 млн. кв. м., таким образом, за данный период в СССР было построено больше жилья, чем за предшествующие 40 лет.¹⁶¹ Только в Москве в 1961 г. было построено 3700 тыс. кв. м. жилья против 500 тыс. кв. м. в 1950 г., что давало людям надежду когда-нибудь вырваться из чудовищной скученности коммуналок.

В результате массового строительства обеспеченность жилой площадью неуклонно повышалась, несмотря на высокие темпы прироста

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Бромлей Н.Я. Уровень жизни в СССР (1950-1965) // Вопросы истории. 1966. №7. С. 12.

городского населения, Например, если в 1950 г. на одного человека в городах приходилось в среднем 7 кв. м. жилой площади, то в 1952- 7,2 кв. м., 1958 - 8,7 кв. м.

Несмотря на то, что с 1940 по 1965 гг. городское население увеличилось на 93%, обеспеченность жилой площадью в расчете на одного человека повысилась за это время в среднем с 6,6 кв. м. до 9,7-9,8 кв. м.¹⁶² Надо отметить, что качество возводимого жилья было низким, но острая необходимость требовала спешить. После десятилетия массового строительства в советских городах приступили к ликвидации такого бедствия, как коммунальные квартиры. Кроме той жилой площади, что строилась на средства местных предприятий и советов, была и та, что возводилась на деньги рядовых граждан, которые теперь получили право вступать в жилищные кооперативы. При этом следовало внести сумму, составляющую 15-30% стоимости жилья, после чего, уже вселившись в квартиру, люди платили оставшуюся часть при фантастически низкой ставке в 0,5%.

В наше время нет однозначной оценки проведенного в хрущевский период жилищного строительства. Так со страниц «Комсомольская правда» говорится о том, что отличительных признаков для типового 5-этажного дома конца 50-х - начала 60-х гг. всего два. Первый - их огромное количество. Второй - у них крайняя непригодность и неудобство, 30-35 % износа.¹⁶³ Нельзя не согласиться с этими доводами, но не следует забывать, что «хрущевки» были рассчитаны на 20 лет, а целью массового строительства дешевого жилья было вывести из землянок, подвалов и бараков миллионы людей, оказавшихся там после Великой Отечественной войны.

¹⁶² Там же. С. 17.

¹⁶³ Михайлов К. Дом, который построил Хрущев: как их достроить, перестроить или... снести // Комсомольская правда. 1992. 5 сентября.

Сам Н.С. Хрущев вспоминал, что «рабочие-строители, пришедшие из деревни, размещались в барачных общежитиях с нарами и с приложением к ним в виде бытовых неудобств, которые донимали тружеников после изнурительного рабочего дня». ¹⁶⁴ «Из-за невероятной нужды в жилье, - вспоминал Н.С. Хрущев, - мы вынуждены были, пересматривая проекты, выжимать все лишнее, чтобы поскорее удовлетворить большее число нуждающихся». ¹⁶⁵ Хрущев, объясняя отсутствие лифтов в домах говорил: «Да, трудно жить без лифта, но еще труднее без квартиры». ¹⁶⁶ Такова была альтернатива.

Как верно заметил Г. Попов, наиболее важным было то, что Хрущев реабилитировал такие элементарные человеческие потребности как одежда и еда. «Новый подход, - пишет автор, - наиболее полно воплотился в курсе на жилищное строительство, на собственную квартиру. Даже если этой квартиры не было, даже если она маячила только в перспективе через десять лет - сама законность претензий на собственное жилье делала законным желание иметь отвечающую своим вкусам мебель, более того, узаконивалось само право на индивидуальные вкусы, на «я» отличное от «мы». ¹⁶⁷

Средства на строительство общего жилого фонда формировались с учетом реальных возможностей каждого, а затем квартиры распределялись общественными организациями, но не надо забывать, что ведущую роль при этом играло мнение и воля администрации, прежде всего партийных комитетов. Общественные приоритеты на практике подменялись групповыми, вопреки ожиданиям усиливалась

¹⁶⁴ Хрущев Н.С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М. Вагриус. 1997. С. 390.

¹⁶⁵ Там же. С. 393.

¹⁶⁶ Там же. С. 394.

¹⁶⁷ Попов Г. Уроки Хрущева // Диалог. 1994. №8. С. 47.

поляризация населения по жилищным условиям.

Хоскинг в своей работе «История Советского Союза» пишет, что обладание квартирой в кооперативном доме для советского человека стало в некотором смысле знаком промежуточного социального положения - между привилегированной элитой, которой кооперативы не были нужны, и простыми рабочими, которые в смысле жилья зависели от работодателей и местных советов. Советское общество стало расслаиваться и приобретать новые изменения.¹⁶⁸

Денежная реформа 1961 г. и налоговая система привели к тому, что всё население стало оплачивать жилье по единой высшей ставке по отношению к 1928 г. По мнению Стефана Мерля, в рамках системы твердых минимальных цен на товары первой необходимости и услуги большое значение придавалось субсидированной плате за жилье. Низкая квартплата взималась не только с жильцов сталинских коммуналок, но и с хозяев отдельных квартир.¹⁶⁹ Несмотря на грандиозный размах строительства жилых домов, жилищный кризис так и не удалось преодолеть, оставался понятен счастливый смысл слов «ордер на квартиру», «ордер на комнату». Как пишет Н. Верт, власти часто использовали эту ситуацию для давления на горожан.¹⁷⁰ В 60-е гг. распределение жилья подвергалось постоянной проверке, так 9 мая 1963 г. вышло постановление Совета Министров РСФСР «Об упорядочении распределения жилой площади и учета граждан, нуждающихся в

¹⁶⁸ Хоскинг Дж. История Советского Союза. 1917-1991. М. Вагриус. 1994. С. 364.

¹⁶⁹ Мерль Ст. Экономическая система и уровень жизни в дореволюционной России и Советском Союзе. Ожидания и реальность// Отечественная история. 1998. №1. С. 106.

¹⁷⁰ Верт Н. История советского государства. 1990-1991. М. Прогресс-Академия. 1995. С. 479.

жилье», предусматривавшее проверку уже распределенного жилья. Безупречное поведение позволяло надеяться на более или менее скорое получение квартиры, и, напротив, любое отклоняющееся, маргинальное поведение или протест вели за собой перемещение в конец очереди на жилье или даже потерю права на получение квартиры.

Таким образом, со второй половины 50-х гг. основной упор в повышении материального благосостояния трудящихся был сделан на увеличение удельного веса оплаты труда в общем объеме реальных доходов населения, с января 1957 г. был повышен минимум заработной платы для рабочих и служащих до 30-35 рублей. Среднегодовой темп роста заработной платы в целом по стране увеличился за 1956-1958 по сравнению с 1951-1953 гг. более чем в 2 раза. Улучшилось питание семей рабочих. Во второй половине 50-х годов значительно повысилось, по сравнению с начала 50-х гг., душевое потребление молока (на 48,2 л), молочных продуктов (на 3 кг), мяса и мясопродуктов (на 22 кг), яиц (на 40 шт.). Не изменилось или почти не изменилось общее количество употребляемых в пищу жиров, рыбы и рыбопродуктов, сахара и кондитерских изделий.

Несколько снизилось к 1960 г. потребление картофеля, например, на 17,9 кг в высокодоходной и на 2,5 кг в самой низкодоходной группах, что является показателем улучшения питания. Также улучшились и жилищные условия: отдельная квартира или отдельный дом превратились в преобладающий тип городского жилища; коммунальная теснота, бараки, трущобное жилье стали уделом не основной массы, но меньшей части горожан. Размах жилищного строительства с 1956 по 1963 гг. принял поистине грандиозные размеры, в итоге которого национальный жилищный фонд вырос почти в 2 раза - с 640 до 1184 млн. кв. м., то есть, если в 1950 г. на одного человека в городах приходилось в среднем 7 кв. м. жилой площади, то в 1952 - 7,2 кв. м.,

1958 - 8,7 кв. м. Необходимо сказать, что качество возводимого жилья было низким, но острая необходимость требовала спешить. Однако надо отметить, что жилищный кризис так и не удалось преодолеть.

В отдельном рассмотрении нуждаются такие проблемы повседневности как семейная жизнь и воспитание подрастающего поколения. В последнее десятилетие отечественная историческая наука значительно изменила свои ориентиры. Если раньше стороны повседневной жизни казались незаметны и привычны, и потому были заслонены политической борьбой, войнами, революциями, то сегодня человек становится главным объектом исторических исследований. «История - как заметил академик Ю. А. Поляков - это прежде всего повседневная жизнь, опрокинутая в прошлое»,¹⁷¹ поэтому «простые» люди со свойственными им эмоциями, предпочтениями, представлениями об окружающем мире представляют большой интерес для историка.

Во все времена людей волновали проблемы жизни и смерти, и, соответственно, голода и сытости, здоровья и болезней; любви и ревности, семейных отношений. В данной связи необходимо подробнее остановиться на проблемах любви и семьи, повседневного быта и воспитания детей. На протяжении длительного периода значение семьи в жизни общества недооценивалось. Представления об отмирании института семьи в социалистическом обществе, бытовавшие в 20-е гг. и к тому же поддерживавшиеся официальными идеологией и пропагандой, оказались весьма живучими. Исходили они из негативного отношения к старой семье, которое постепенно перешло на институт семьи вообще и укоренилось в общественном сознании. Этому в немалой степени способствовала идеологически ориентированная пропаганда,

¹⁷¹ Поляков Ю.А. Человек в повседневности // Вопросы истории. 2000. №3. С. 125.

рассматривавшая семью как нечто сугубо «личное», противостоящее интересам общественного производства, как помеху участию женщин в производственном труде.

Термин «домашняя хозяйка» сохранил пренебрежительный оттенок до наших дней. Самоценность семьи и семейной жизни для гармоничного всестороннего развития личности человека долгие годы не только не осознавалась в должной мере, но порой и прямо осуждалось. Великая Отечественная война и трудные годы послевоенного восстановительного периода внесли свои коррективы в репродуктивное поведение многих поколений женщин, ускорив переход от многодетной семьи к семье двух- и трехдетной. Анализ данных выборочного углубленного обследования рождаемости, произведенного Центральным статистическим управлением СССР в 1960 г., позволил предположить, что население большинства территорий Советского Союза широко прибегало к внутрисемейному регулированию деторождения.

Среднее число рожденных детей снижалось от поколения к поколению. Островками, где внутрисемейное деторождение к началу 60-х гг. еще не было распространено, оставались, главным образом, автономные республики с преимущественно мусульманским населением. Так же, по мнению А.Г. Волкова, в демографическом отношении чрезмерная занятость женщин побуждала семью ограничивать деторождение и тем самым стала основным фактором снижения уровня рождаемости.¹⁷²

Как пишет Г.А. Бондарская, наиболее распространенным способом предотвращения нежелательных рождений среди большей части советских женщин по-прежнему продолжал оставаться

¹⁷² Волков А.Г. Эволюция российской семьи в XX веке// Мир России. 1999. №4. С. 51-52.

искусственный аборт, запрет на который был отменен в ноябре 1955 г.¹⁷³

В период «хрущевской оттепели» из всех ценностных ориентации семья стояла на первом месте. После проведения опросов общественного мнения, Б.А. Грушин констатирует, что у советских людей в 1950-60-х гг. не было однозначного отношения к институту брака. Так одни респонденты полагали, что институты семьи и брака сохраняют в обществе чрезвычайно высокий статус, другие же, напротив, утверждали, что семья как форма человеческого существования утратила свое ценностное значение.¹⁷⁴ Так 60-летний бухгалтер из Перми констатировал снижение статуса названных институтов, говоря, что подавляющая часть молодежи мечтает о «красивой жизни» - о костюмах, ресторанах, любовницах и любовниках. По его мнению, супружество тогдашней молодежи казалось скукой и даже мукой... «Девушки, познавшие до замужества «тайный плод», вступая в брак, воспринимают семейную жизнь как пресную и скучную. Женщины на работе в обществе сослуживцев мужчин начинают мало стесняться. Они больше видят посторонних мужчин, нежели своих мужей, а посторонние мужчины не берегут чести чужих жен. Фривольные разговоры в стенах учреждений стали правилом, и часто именно женщины эти разговоры и вызывают. Отсюда легкое отношение к случайным встречам и увлечениям».¹⁷⁵

Б.А. Грушин опровергает тезис о легкомысленности тогдашней

¹⁷³ Бондарская Г. А. Изменение демографического поведения российских семей за 100 лет// Мир России. 1999. №4. С. 62-63.

¹⁷⁴ Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. М. Прогресс-традиция. 2001. С. 332.

¹⁷⁵ Там же. С. 333.

молодежи, говоря, что падение престижа семьи, если оно вообще имело место в советском обществе, в действительности характеризовалось гораздо меньшими масштабами, нежели это представлялось общественности.

При рассмотрении проблем семейной жизни нельзя обойти стороной тему любви. Надо сказать, что в советское время тематику любви не обходили вниманием, она интересовала людей не меньше, чем проблемы производства или строительства коммунизма: Мы строим коммунизм. Что в мире краше, Чем это труд! Где доблести предел? Предела нет! А кто сказал, что наша Любовь должна быть меньше наших дел.¹⁷⁶

Значительный интерес в связи с данной темой представляют письма «простых» советских людей, опубликованные на страницах журнала «Работница». За каждым таким письмом стоит человек со своей судьбой, с индивидуальными проблемами, испытавший разочарования в любви, неурядицы в семье, или, наоборот, познавший счастье в семейной жизни. В советское время жизнь человека воспринималась как своего рода приложение к производственному процессу, считалась делом общественным. «Общественные обязанности советского гражданина - носителя высокой и подлинной культуры, - его отношение к Родине, к социалистической собственности - писала «Работница» - не могут быть отделены от его обязанностей в личной жизни, в быту».¹⁷⁷

Нередко утверждалось, что «счастье советского человека - в плодотворной творческой деятельности, сочетающейся с красивой личной жизнью», хотя при этом личной жизни, хотя и красивой, все-таки отводилось второстепенное место. Партийные комитеты и профсоюзные организации не считали зазорным следить за «моральным

¹⁷⁶ Добровольский Н. Большая любовь// Работница. 1953. №6. С. 25.

¹⁷⁷ Там же. С. 27.

обликом» своих членов, вмешиваясь и разбирая семейные конфликты, служебные романы и даже сплетни. Многие полагали, что именно коллектив должен помогать в решении семейных неурядиц, поддержать в трудную минуту. «Нет ничего плохого, если жена, не сумев повлиять на мужа, обратиться за помощью к общественным организациям - поучал журнал... И жаль, что даже сейчас, после июньского Пленума, с такой ясностью определившего роль коллектива в воспитании людей, в борьбе с пережитками прошлого, не все понимают это».¹⁷⁸ Люди на самом деле не желали вмешательства в их личную жизнь, организуя ее по своему усмотрению, а та жизнь, которой им надо было жить, как верно отметила Ю. Зубкова, исходя из официально утвержденного набора моральных ценностей, существовала большей частью на экранах и в книгах.¹⁷⁹

Государство законодательно гарантировало своим гражданам право на труд, на отдых, на образование признавалось на словах «право на счастье, на любовь, право свободно строить свою жизнь».¹⁸⁰

В дискуссиях на тему любви на страницах журнала активное участие принимали не только женщины, но и мужчины. Так, на вопрос «Может ли девушка первой объясниться в любви» были разные суждения, сводившиеся в целом к одному — ничего зазорного в этом нет. Одни говорили о личном деле каждого, и если девушка «считает, что для сближения с юношей целесообразно поступиться правом выслушать признание первой, то пусть она так и сделает». Другие полагали, что «не нужно считаться с тем, кто первый скажет о своих

¹⁷⁸ Панфилова Т. Разговор о любви // Работница. 1956. № 1. С. 18.

¹⁷⁹ Зубкова Е. Ю. Общество и реформы 1945-1964. М. Россия молодая. 1993. С. 121.

¹⁸⁰ Александрова Н. Преград, которых нет// Работница. 1958. №3. С. 17.

чувствах, лишь бы эти чувства были чистыми»,¹⁸¹ поскольку девушка - равноправный член общества, постольку это признание несколько не унизит ее.

Представляют интерес и размышления читателей о настоящей любви, которая ассоциировалась, по мнению читателей, с глубоким, сильным чувством, захватывающим человека целиком. Это чувство должно было выдержать и серьезные испытания, и разлуку, и болезни, чтобы называться настоящей любовью, охватывающей не только сердце, но и разум. Например, аспирантка МГУ Ирма Попова была уверена в том, не может быть настоящей любви без общности «больших интересов». Любовь признавалась индивидуальным чувством, которое одновременно является общественным по сути. «Ибо в любви участвуют двое, и возникает третья новая жизнь».¹⁸² В этом, по мнению читателей, заключается общественный интерес и долг по отношению к коллективу.

Интересны суждения «простых» людей о любви с первого взгляда. Она не отрицалась, но любопытно, что признание в любви с первого взгляда нередко считалось вообще безнравственным, независимо от того, кто первым его сделал. Столь негативное отношение к данному явлению связано с представлением о том, что «после такого признания обычно кончается всякое взаимное изучение влюбленных и начинается в лучшем случае совместная жизнь»,¹⁸³ в большинстве своем заканчивающаяся обыкновенным сосуществованием чужих друг другу людей, либо полным разрывом отношений.

Со страниц журнала раздавались советы взыскательно относиться к своему чувству, не поддаваться случайному влечению, воспитывать в себе высокую нравственность, умение отказываться от мимолетных

¹⁸¹ Рязанова Е. Пачка писем// Работница. 1958. №3. С. 23.

¹⁸² Добровольский Н. Большая любовь// Работница. 1953. №6. С. 28.

¹⁸³ Рязанова Е. Пачка писем// Работница. 1958. №3. С. 24.

чувств ради высоких общественных интересов. Так должен был думать, по мнению «Работницы», каждый советский человек, которому дороги интересы семьи, советского общества и Родины.

Что касается ревности, то это чувство рассматривалось лишь как пережиток капитализма, «язва старого строя», от которого надо было очищать сознание советских людей. «Ревность - старая химера! - утверждала «Работница» - Почему мы покрываем ее? Ведь самое лучшее в наших отношениях - вера в порядочность, в честность человека», а это злое чувство было способно разрушить семью.¹⁸⁴

На страницах «Работницы» активно обсуждались вопросы материальной жизни молодых семей, «любви по расчету», к которой авторы писем чаще всего относились крайне отрицательно, считая, что любители «легкой жизни», гонявшиеся за материальным благополучием, заслуживали лишь презрения. В соответствии с этими критериями молодая девушка, вышедшая замуж за пожилого мужчину (явно из-за денег), называлась мещанкой.¹⁸⁵ Поскольку утверждалось в этом случае, что любовь по своей природе - «бодрое, жизнеутверждающее чувство, гибнет в мире притеснений и денег».¹⁸⁶ В целях доказательства приводился в пример брак в буржуазном обществе, который рассматривался как средство наживы. «В странах капитала любовь беззастенчиво рекламируется как всякий товар», она «превратилась в предмет купли-продажи, вокруг которого ведутся самые грязные коммерческие сделки».¹⁸⁷ В отличие от западной, любовь советского человека изображалась всегда прекрасной, торжествующей, радостной, скрепленной общностью интересов, единством жизненным устремлений

¹⁸⁴ Не позволим тащить рухлядь в новый дом // Работница. 1963. №8. С. 20.

¹⁸⁵ Воскресенская М. Мещанству – бой // Работница. 1963. №9. С. 14.

¹⁸⁶ Добровольский Н. Большая любовь // Работница. 1953. №6. С. 25.

¹⁸⁷ Там же.

- помогать своим трудом строительству коммунизма.

Подлинная свобода любви и брака в советском обществе, как утверждалось со страниц журнала, состояла в том, что здесь люди имеют возможность вступать в брак по любви, при этом исключались какие-либо экономические расчеты при выборе мужа или жены, учитывая их равноправие в обществе. Так на основании произведенных социологических опросов в 1950-60-е гг., Б.А. Грушин, сделал вывод, что именно в это время начинает пользоваться огромной популярностью идея женского равноправия, которая поддерживалась не только женской частью опрошенных, но и мужчинами, особенно молодыми. Так 55,8% респондентов полагали, что главным направлением ликвидации неравного положения женщины в быту должно было быть участие мужа и детей в введении домашнего хозяйства.¹⁸⁸

Подтверждение этим выводам можно найти и на страницах «Работницы», декларировавшей право женщины на равноправное участие в общественной жизни. Чтобы облегчить ведение домашнего хозяйства, по мнению журнала, надо так организовать быт, «чтобы мужчины наравне с женщинами хлопотали по дому».¹⁸⁹ Как заметил А.Г. Волков, высокий уровень занятости, расширение диапазона интересов и круга социального общения способствовали социально-культурному развитию женщин, заработок давал им также и экономическую независимость. Но вместе с тем, не подкрепленная

¹⁸⁸ Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. М. Прогресс-традиция. 2001. С. 335.

Волков А.Г. Эволюция российской семьи в XX веке // Мир России. 1999. №4. С. 51-52.

¹⁸⁹ Лифанов М. Коммунизм и наш быт // Работница. 1961. №11. С. 14-15.

достаточным развитием служб быта, высокая занятость женщин на работе и по дому влекла за собой «двойную нагрузку» работающих матерей и негативно сказывалась на выполнении ими как той, так и другой социальной функции. Поэтому помощь мужчин как в домашнем хозяйстве, так и в воспитании детей действительно была крайне необходима.¹⁹⁰

Часто на страницах журнала публиковались письма, опровергавшие тезис об отсутствии любви по расчету в советском обществе, как, например, эти письма молодых девушек: «Моя мама и слышать не хочет, чтобы мы были вместе. Она говорит, что он хороший, честный человек, но зарабатывает мало»,¹⁹¹ или «Я очень любила одного парня. Он был трактористом. Но мои родители захотели выдать меня замуж за инженера». То есть, как видно из процитированных писем, в представлениях многих родителей о семейном счастье главным критерием являлось материальное благополучие и социальный статус, утверждалось, что «любви как таковой не существует, есть хорошие отношения». Такие высказывания подвергались жесткой критике со страниц «женского» журнала. Отмечалось, что те, кто бегают в поисках «богатой невесты» или хлопчат о «богатом женихе», обязательно пробегут мимо своего счастья, получают вместе с готовеньким материальным благополучием лишь жалкую подделку. Такая семья никогда не сможет быть прочной, впереди ее ожидают семейные конфликты и катастрофы.

«Работница» в поисках истины проводила своеобразный опрос читателей, спрашивая: «Что нужно человеку для настоящего счастья?». Как и следовало ожидать, мнения были достаточно разнообразными,

¹⁹⁰ Волков А.Г. Эволюция российской семьи в XX веке// Мир России. 1999. №4. С. 51-52.

¹⁹¹ Умей постоять за свою любовь// Работница, 1961. №3. С. 20.

Так, одним для счастья были необходимы интересная работа, семья, дети; другим - друзья и вера в людей; третьим – общественно полезный труд, украшающий человека и мир на Земле.¹⁹²

Считалось, что человек может испытать счастье «только тогда, когда победил, когда принес пользу другому...», то есть личное счастье в соответствии с установившейся моралью на прямую связывалось выполнением общественного долга. Однако жизнь свидетельствовала о другом: «В любую погоду - пусть выюга метет, пусть шторм лютует - муж мой добывает на Каспии нефть - писала молодая девушка. - Часто так бывает: он - с ночной, а я - к себе на производство. Вернусь - и в комнате прибрано, и обед сготовлен, и белье, что я постирала, просушено. Никакую работу по дому не считает зазорной, лишь бы мне было легче».¹⁹³

Отсутствие помощи мужа в быту, пьянство, измены расценивались как позорные пережитки буржуазного общества, с которыми необходимо было бороться самым беспощадным образом. Проблема пьянства была действительно актуальна в «хрущевский период». Как пишет А.В. Немцов, в 1950 году потребление алкоголя в СССР было ниже предвоенного (1,9 л. против 2,3 л. в 1940), но затем начался рост потребления, по сравнению с 1950 годом оно удвоилось к 1956 г. и утроилось к 1962 г., несмотря на повышение цен на водку, ликеро-водочные изделия и плодово-ягодные вина в 1958 году. Перепись населения (1959 г.) показала, что в СССР существовала большая разница в продолжительности жизни мужчин и женщин, равнявшаяся 8 годам, и надо сказать, что уже тогда демографы связывали мужскую «сверхсмертность» с чрезмерным потреблением алкоголя.

Но до середины 60-х гг. ожидаемая продолжительность жизни в

¹⁹² Александрова Н. Преграды, которых нет // Работница. 1958. №3. С. 18.

¹⁹³ Воскресенская М. Мещанству – бой // Работница. 1963. №9. С. 14.

целом устойчиво росла в основном за счет резкого сокращения смертности от инфекционных болезней, особенно в детском возрасте. Это, до известной степени, маскировало неблагоприятные последствия растущего потребления спиртных напитков.¹⁹⁴ Для борьбы с этим социальным злом, читательницы-работницы настойчиво требовали увеличения количества мест для алкоголиков в больницах. Звучали и более радикальные способы борьбы с «пережитком буржуазного прошлого», включая создание лечебно-трудовых колоний, куда можно было отправлять страдающих алкоголизмом в принудительном порядке.

После анализа нескольких сотен анкет, относящихся к периоду «хрущевской оттепели», Б.А. Грушин пришел к выводу, что советские люди под словом «счастливая семья» подразумевали отношения, основанные на любви, дружбе, взаимопомощи, взаимоуважении, единстве взглядов и интересов супругов, семью, ощущающую ответственность перед обществом, в том числе за правильное воспитание детей.

В 1950-60-е гг. общественность уделяла большое внимание вопросам воспитания подрастающего поколения, «будущих строителей коммунизма». Так, в 1962 году в журнале «Работница» появляется целая рубрика «Поговорим о наших детях», ставившая своей главной задачей помочь родителям в воспитании детей. На страницах журнала публиковались письма читателей, повествующие о проблемах, возникавших в семье между родителями и детьми. Довольно часто эти письма комментировались педагогами, дававшими советы как правильно воспитывать малышей и подростков.

Счастливое детство понималось не как безделье и удовлетворение всех капризов и прихотей, а как «радостное трудовое содружество в

¹⁹⁴ Немцов А.В. Потребление алкоголя и смертность в России// Социологические исследования. 1997. №9. С. 113-114.

семье», когда родители заботятся о детях, а дети в свою очередь о родителях и близких. Создают же счастливое детство любовь и уважение друг к другу всех членов семьи, взаимное внимание, разумная трудовая деятельность, успешное учение в школе, посильная общественно полезная работа, совместные развлечения и общие радости. Со страниц журнала призывали родителей создавать «нового человека», который должен был превыше всего ставить благо советского народа, уметь жить для других, подчинять свои личные интересы интересам всего народа, и если потребуется, пожертвовать собой для общего блага. Также звучал призыв приучать детей с детства делить радость с товарищами, так как считалось, что наученный этому человек не пройдет и мимо горя другого.¹⁹⁵

Родители, по мнению «Работницы», конечно, должны поощрять успехи детей, но не должны были в этом переусердствовать. Считалось, что рано возникающая нескромность, самовлюбленность, мнимая уверенность - результат неумеренных похвал, которые родители расточают иногда по самым незначительным поводам.¹⁹⁶ Ребенок не должен был выделяться среди сверстников и по внешнему виду. Так школьная форма носила воспитательный характер, подчеркивая, что в своих правах и обязанностях все дети равны.

Что касается подарков для детей, то они, как пишет журнал, могли быть и дорогими, только с одним условием, они должны были приучать ребенка заниматься чем-то полезным. Хорошими подарками считались фотоаппарат, велосипед, набор инструментов. А вот наручные часы, по мнению «Работницы» ребенку вовсе не к чему.¹⁹⁷

¹⁹⁵ Панфилова Т. Счастливое детство - не безделье// Работница. 1956. №10. С. 27.

¹⁹⁶ Дзержинская С. Учите жить для других// Работница. 1956. №11. С. 11.

¹⁹⁷ Фонарев А. Чувства надо воспитывать// Работница. 1964. №4. С. 27.

Любовь к труду призывали воспитывать с самого раннего возраста. Именно приобретение навыков самообслуживания, посильная помощь дома, выполнение несложных заданий в саду должны были развить самостоятельность у ребенка. Привлекать детей к труду необходимо было «не ради самого труда, а во имя пользы, какую их труд приносит близким в семье, товарищам в школе и обществу». Надо было умело использовать детский труд как средство для воспитания любви к людям.

Сегодня вряд ли у кого вызовет сомнение утверждение о том, что быт является социальным пространством, которое играет такую же большую роль в развитии общества и человека, как сферы труда и общественно-политической жизни. Как пишет Г.А. Бордюгов, именно в быту как области повседневного человеческого бытия формируется и удовлетворяется значительная часть материальных, социальных и культурных потребностей, приобретаются реальные очертания различных аспектов благосостояния, складываются моральные установки, которые постоянно проецируются на другие сферы общественной жизни.¹⁹⁸ Не случайно в современных исследованиях увеличивается внимание к состоянию быта советских людей, к конкретным микросредам, в которых разворачиваются бытовые отношения. Возможность исследования различных духовных явлений и процессов быта создает условия также для изучения истории общества через образ жизни.

Организация советскими людьми жилого пространства, обустройство квартир неотъемлемо связаны с темой быта. Как известно, в 1950-1960-х гг. началось массовое переселение жильцов коммуналок, бараков, чердаков, полуподвальных помещений в отдельные квартиры.

¹⁹⁸ Протопопова А. Здесь начинается гражданин// Работница. 1964. №3. С. 29.

Перед каждым новоселом вставал важный и непростой вопрос, касающийся обустройства своего жилища. Учитывая маленькую площадь и тесноту, двухкомнатные квартиры давали семье из пяти человек, над этим вопросом, действительно, приходилось подумать ни один день. В данной связи хотелось подробнее остановиться на проблемах обустройства жилья, а также что именно понималось под словом «уют» во времена хрущевской «оттепели».

Итак, перед счастливыми новоселами вставал вопрос, как разместить все необходимые вещи и в то же время не загромождать комнаты. При обустройстве комнаты или квартиры людям часто приходилось исходить из того, какая мебель уже имелась. И очень часто владельцы отдельных квартир оказывались перед дилеммой, что можно выкинуть без ущерба, а что оставить. Со страниц «Работницы» раздавались советы убрать из квартиры все, чем люди не пользовались в быту, не быть рабами вещей, а также доносился лозунг: «В нашем жилище не должно быть ничего показного и лишнего».¹⁹⁹

Так, на помойках оказывался громоздкий антиквариат, не помещавшийся в новой квартире. Мебельные гарнитуры для больших квартир уходили в прошлое, им на смену начинали приходиться комплекты малогабаритной мебели. Например, комплект для однокомнатной квартиры включал в себя платяной шкаф с небольшим комодом, диван-кровать, стол, буфет с тумбочкой под телевизор, вешалку с зеркалом, книжный шкаф с угловым рабочим столом, четыре стула. Все предметы были отделаны под ценные породы дерева. Этот комбинированный набор занимал 30% жилой площади, то есть был соразмерен малометражным квартирам.

¹⁹⁹ Некоторые особенности формирования новой культуры быта в годы послевоенных пятилеток // Советская культура. 70 лет развития. М. Наука, 1987. С 148.

На протяжении всего периода «оттепели» бытовало представление о том, что в комнате должны находиться только нужные, необходимые, удобные вещи. А «убранство жилища всегда должно создавать впечатление простора, обилия света и воздуха, ощущение чистоты и свежести. Если же комната перегружена мебелью и различными безделушками ради «красоты», она всегда будет казаться пыльной, тесной и захламленной».²⁰⁰ Не следовало делать обстановку комнаты слишком пестрой, так как пестрота быстро надоедает. Стены предлагалось окрашивать в один спокойный тон - беж, золотистый, салатный, а накат стен трафаретным валиком считался устаревшим. В начале 60-х годов началась практика так называемой комбинированной окраски, когда одну стену делали яркой, а три другие окрашивали в спокойные тона. Эта выделенная цветом стена становилась как бы главной в декоративном оформлении комнаты, она служила фоном для мебели или для картины. Не противоречило понятию «уют» применение обоев вместо краски.

В планировании обстановки комнаты обязательно учитывался тот факт, что в ней не только отдыхают, но и работают. Поэтому большой популярностью пользовались секретеры-шкафчики с откидной доской. «Когда доска захлопнута, столик превращается в шкаф, где хранятся письменные принадлежности. Такие секретеры удобны для учащейся молодежи, для школьников. Очень выручают в общей комнате, так как они компактны, невелики по размерам и в то же время вполне заменяют громоздкий письменный стол».²⁰¹

Считалось удобным иметь вдоль одной из стен комнаты сплошной шкаф во всю ширину и высоту стены. В таком шкафу делались с одной или с обеих сторон глухие и остекленные дверцы, а также открытые

²⁰⁰ Войкова И. Как обставить свою комнату // Работница. 1955. №11. С. 30.

²⁰¹ Черсийская М. Уют// Работница. 1960. №6. С. 30.

полки. Здесь можно было устроить гардероб для одежды, на полках можно было разложить белье и мелочи, на открытых полках и за стеклом расставить книги и посуду. Для любителей чтения, имеющих большое количество книг, предлагалось сделать своими руками или купить застекленные книжные секционные полки, вместо книжных шкафов, занимающих большое пространство в квартире. Не обязательно было размещать их строго одна над одной или рядом друг с другом, лучше было их ставить, смещая как по вертикали, так и по горизонтали, чтобы между ними были просветы, «где можно было бы разместить керамические изделия, вазы с цветами, сувениры, часы, радиоприемник, художественные фотографии или картины».²⁰²

Что касается мягкой мебели, то с целью предотвращения загрязнений и повреждений на нее надевались чехлы светлого оттенка. Так как сборки, оборки, придавали обстановке «жеманный и несовременный» стиль, их всячески старались избегать.

Занавески и шторы должны были служить только практической цели, например, «для того чтобы отделять часть комнаты, или закрывать открытый проход между комнатами, или затенять окно на время сна».²⁰³ Декоративные ткани предлагалось подбирать таким образом, чтобы они по своему цвету гармонировали с остальной обстановкой комнаты, а вешать шторы с учетом того, что их необходимо сдвигать и раздвигать с помощью шнура. От ламбрекенов, поперечных полосок ткани наверху, надо было отказаться, поскольку они считались «негигиеничными», собирающими на себе пыль и ухудшающими освещенность комнаты. Старомодным считалось также украшать занавески оборками, бантиками и кружевами.

Осуждалась «громоздкая и излишняя роскошь, которой кичились

²⁰² Шихеев В. Как повесить книжные полки // Работница. 1962. №1. С. 31.

²⁰³ Гольдштейн А. Что такое уют // Работница. 1959. №1. С. 30.

купцы и любят хвастаться богатей капиталистических стран, подчеркивая дикой, в глаз шибяющей пышностью свое денежное богатство». Всячески критиковался «мещанский» быт, в котором «кроются зловещие опасности».²⁰⁴

В годы, предшествовавшие «оттепели» стол ставили посреди комнаты и вешали над ним лампу или люстру, в «хрущевках» же стол часто ставили в стороне, чтобы в комнате было просторнее, поэтому источники света начали крепить к стене, а также пользоваться переносными светильниками: настольными лампами и торшерами. Светильники должны были быть просты, легки, гигиеничны, скромны и изящны.²⁰⁵

Существовало мнение, что ничто так не украшает комнату как живые цветы. Даже одна зеленая веточка способна придать комнате праздничный вид. Не советовалось ставить цветы на подоконник, т.к. от этого в комнате становилось темнее. Высокие растения с крупными листьями предлагалось располагать на полу. Борясь за лишние сантиметры жилой площади, часто цветы ставили на специальной полочке, укрепленной на уровне поперечной перекладины рамы.

Что касается ковров, то их не развешивали «для красоты». Их стелили на пол, с целью заглушить шаги и чтобы ногам было теплее, и вешали над тахтой без спинки, чтобы не прислоняться к холодной стене, а также над постелью, чтобы не вытирать стенку. Со страниц журнала предостерегали хозяек, увлекавшихся большим количеством ковров в квартире, говоря, что это полнейшая безвкусица, и намекая на тот факт,

²⁰⁴ Кассиль Л. Девушка со вкусом // Работница. 1958. №4. С. 27.

²⁰⁵ Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. М. Прогресс-традиция. 2001. С. 335.

что ковер является хорошим пылесборником.

Безвкусием было иметь в квартире большое количество безделушек. К отбору вещей надо было подходить с практической стороны. Именно полезность и удобство считались неременными спутниками подлинной красоты вещей. Например, «безвкусием» отличались «часы в виде домика, флаконы для духов в виде кошек, собачек, мальчиков и прочее».²⁰⁶ А вот красивыми находили «фарфоровые фигурки балерины, девушки-украинки, узбечки с хлопком», различные изделия мастеров народного творчества: украинские кувшины или вазы для цветов, резные деревянные блюда, расписные чаши, ковши, вышитые полотенца.²⁰⁷

Читательницы «Работницы» нередко задавали вопрос о месте вышивки, которое должна занимать вышивка в новых квартирах, обставленных малогабаритной мебелью. На что со страниц журнала могли найти следующий ответ: «Конечно, ничего дурного нет в занятиях рукоделием, но не обязательно вывешивать все выполненные работы и превращать комнату в выставочный зал. В таких комнатах, очень чистых, все накрахмалено и наглажено, а человеку все-таки становится душно, в глазах рябит от обилия мелких предметов».²⁰⁸ Констатировался тот факт, что с четкой и простой конструкцией комнат, обставленных современной мебелью, гармонируют геометрические узоры вышивки, они были более строгими и некричащими, а все что выглядело скромным, считалось красивым. «Наличие в квартире вышитых изделий с бесконечным количеством оборочек или отороченными шелковыми пшурками, помпонами, зубчиками» находили дурным вкусом хозяйки, так как все эти украшения считались ненужными и неудобными в быту,

²⁰⁶ Салтыков А. О художественном вкусе в быту// Работница. 1959. №7. С. 26.

²⁰⁷ Войкова И. Как обставить свою комнату// Работница. 1955. №11. С. 30.

²⁰⁸ Черейская М. Уют// Работница. 1960. №6. С. 30.

собирающими много пыли.²⁰⁹

Для убранства новой квартиры часто использовались эстампы и гравюры, выполненные в художественных мастерских с печатных камней, досок, на которые был нанесен рисунок самим художником. Обычно эстампы и гравюры вставлялись в строгие темные рамки. Было вполне достаточным наличие в одной комнате двух-трех картин. Что касается расположения картин, удачно считалось их повесить над сервантом или в уголке отдыха, над письменным или обеденным столом.

А вот коврики с лебедями, лилиями и замками, написанные масляной краской по сатину, считались грубыми, некрасивыми и портящими вид комнаты, также они считались отголосками «мещанского» стиля, поэтому наличие этих предметов в современном интерьере было неприемлемо. Не последнюю роль в интерьере играла скатерть. Днем рекомендовалось покрывать стол декоративной скатертью под цвет мебели или портьер, а для обеда или чая белой или цветной полотняной скатертью. Эти условия распространялись на некрасивый стол с дефектами, а вот стол, имеющий красивую форму, цвет и фактуру, не стоило закрывать от взоров. Если на столе стояла ваза, то под нее можно было подложить салфетку или дорожку.

Но об уюте и красоте в жилище не могло идти никакой речи, если в квартире беспорядок, на вещах пыль, в углах сор. Хорошее впечатление производила квартира, в которой все предметы, большие и малые, видимые и спрятанные, были расставлены и разложены аккуратно и имели каждый свое постоянное место. Старались, чтобы вещей в комнате было как можно меньше, а разные мелочи не следовало держать на виду.

Таким образом, тема любви и счастья в связи с начавшимся

²⁰⁹ Супницкова З. Чтобы было уютно//Работница 1961. №11. С. 29.

раскрепощением общественного сознания была актуальна для эпохи «оттепели», когда общество, привыкшее иметь дело исключительно с «человеческим материалом», вдруг начало открывать для себя новую ценность - человека. За советскими людьми признавалось право на любовь и семейное счастье. Анализируя многочисленные письма «простых» советских людей, опубликованные в журнале «Работница», следует признать, что проблемы в семье, неудачи и разочарования в любви, ревность, или, наоборот, счастливая семейная жизнь и настоящая любовь волновали не меньше, чем проблемы производительности труда и строительства коммунизма. Осуждались «позорные пережитки буржуазного общества»: разврат, измены, проституция и ревность. Люди жили своей жизнью: влюблялись, вступали в брак, растили детей. Они верили в настоящее чувство, охватывающее не только сердце, но и разум, признавали любовь с первого взгляда. Для полного счастья человеку требовалась семья, дети, интересная работа, друзья и одновременно общественное служение своему народу.

Что касается обустройства квартиры, то чтобы она считалась современной и красивой, ее стены должны были быть оклеены обоями или окрашены в спокойные тона, на окнах - строгие портьеры без ламбрекенов, оборок и кружев, в комнатах - комплекты малогабаритной мебели, в которых кровать заменена диваном или тахтой, а стол - секретером, на полу - ковер, на стенах - эстампы и гравюры, несколько вышивок с правильным геометрическим рисунком, а также книжные полки. В доме нужны были только те вещи, которые удобны, а уют, как уже говорилось, заключался в чувстве меры и отсутствии излишеств во всем, касавшегося быта. Истинный уют - скромность в предметах интерьера, когда обстановка квартиры удобна, целесообразна, экономична и гигиенична, вызывает ощущение теплоты, внушает бодрость, успокаивает, радует. Необходимо было придерживаться

простого правила: «Лучше меньше, да лучше!».

Настойчиво рекомендовалось в обустройстве квартиры придерживаться двух принципов: простоты и скромности. Почти каждая деталь интерьера должна была быть использована в быту. Наличие в квартире дорогих «безделушек» интерпретировалось как полное отсутствие вкуса у хозяйки. Согласно мнению «Работницы» советские люди не должны были отступать от этих принципов в обустройстве своего жилища. На самом же деле, черпая со страниц журналов всю «полезную» информацию, читатели применяли на практике только те советы, которые считали действительно полезными и необходимыми. И, несмотря на все настойчивые рекомендации, публиковавшиеся на страницах «Работницы», люди устраивали свой быт согласно своим вкусам и предпочтениям, а также своим представлениям об уюте и красивом интерьере.

Постоянно был слышен в годы «оттепели» призыв «не сползать в быт», а стараться оставаться над ним. Боязнь быта, больше свойственная революционному романтизму, все-таки имела место и в годы правления Н.С. Хрущева. «Протест против «сползания» в быт, пусть выраженный в крайних и не всегда оправданных формах борьбы с «фикусами», канарейками в клетках, тюлевыми занавесочками «обозначал серьезную проблему, которая заключалась в осознании людьми главного: поворот к человеку»²¹⁰ и поворот к быту были вещами разного порядка и совсем не совпадающими. Со страниц журнала заявлялось, что коммунистический быт - это не только несколько жилых комнат, это прежде всего «коммунистические взаимоотношения людей, основанные на высокой сознательности, на высокой культуре».²¹¹

²¹⁰ Зубкова Е.Ю. Общество и реформы. 1945-1964. М. Россия молодая. 1993. С. 126.

²¹¹ Лифанов М. Коммунизм и наш быт// Работница. 1961. №11. С.15.

И даже говоря о «повороте к человеку», надо заметить, что этот поворот был направлен только к рабочим людям, труженикам, призванным служить на благо родине. Об этом можно судить и по предметам интерьера, которыми предлагалось со страниц журнала украсить жилище любого советского гражданина. Предпочтение, например, отдавалось фарфоровым «узбечкам с хлопком», но не как не кошечкам и собачкам. Если общество, привыкшее иметь дело исключительно с «человеческим материалом», и начало в годы «оттепели» открывать для себя новую ценность - человека, то это совсем не означало, что быт человека стал играть в его жизни первостепенную роль, считалось, что сначала - работа, а уж семья и быт потом. И с пониманием этого факта, человек пытался по мере возможности остаться «над бытом».

В заключение необходимо подвести общие итоги раздела. Автор отмечает, что вопреки ожиданиям лидеров государства и широких слоев населения уровень жизни повышался медленно, хотя во второй половине 1950-х гг. даже скромное повышение благосостояния было ощутимым по сравнению с прошлым. В народную жизнь вошла сложная современная техника, а также ранее недоступные блага - наручные часы, фотоаппараты, товары для дома, радио, а затем и телевизоры, составлявшие обыденный, привычный элемент повседневного быта, а не элемент быта небольшого меньшинства, какими они были еще четверть века назад.

В то же время, в разделе показано, что основной и наиболее характерной чертой повседневности советского общества в исследуемый период и развития страны в целом являлась нехватка жилья. До середины 1950-х гг. широко известные коммуналки являлись единственным средством решения жилищного вопроса в условиях массовой миграции населения из деревни в город. Новое руководство

уделяло этой проблеме особое внимание и уже к концу 1950-х гг. жилищное строительство существенно возросло. Стала поощряться организация жилищных кооперативов на весьма льготных для населения условиях. Значительно увеличилось строительство жилых домов городскими властями, предприятиями и министерствами. С 1950 по 1964 гг. городской жилищный фонд страны увеличился с 513 до 1182 миллионов кв. метров или в 2,3 раза. Если в 1951-1956 годах жилищные условия улучшили 38,4 миллиона человек, то в 1957-1961 годах - уже 57,7 миллиона. В 1956-1960 годах было введено в строй жилья почти в 2 раза больше, чем в предыдущей пятилетке.²¹²

Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что, если в 1950 г. на одного человека в городах приходилось в среднем 7 кв. м. жилой площади, то в 1958 г. уже 8,7 кв. м. Несмотря на то, что с 1940 по 1965 гг. городское население увеличилось на 93 %, обеспеченность жилой площадью в расчете на одного человека повысилась за это время в среднем с 6,6 кв. м. до 9,7-9,8 кв. м.²¹³ В то же время, автор отмечает, что качество возводимого жилья было низким, лишь острая необходимость оправдывала методы власти.

Исследование массовых настроений горожан показало, что в начале 1960-х гг. основное недовольство было связано с ростом цен на товары и услуги, хотя в исследуемый период государство всеми мерами стремилось сдерживать инфляционные тенденции. Для новых лидеров эта мера была необходима, по крайней мере, для сохранения собственного авторитета в глазах народа. Некоторое подорожание жизни компенсировалось увеличением заработной платы. Уже опробованный путь скрывания инфляционных процессов состоял в обмене

²¹² Народное хозяйство СССР в 1970 г. М., 1971. С. 538-545.

²¹³ Левский А.А. На путях решения жилищного вопроса в СССР // История СССР. 1962. № 4. С. 25.

денег, в проведении денежной реформы, которая и состоялась в 1961 г. Формально произошел обмен старых банкнот на новые по соотношению 10:1 и при пропорциональном изменении цен и заработной платы. Однако покупательная способность граждан постепенно падала, особенно негативно обмен денег сказался на рыночных ценах на продукты питания.²¹⁴ Показательно, что значительную часть вырученных реформой средств государство направляло развивающимся странам социалистического лагеря, в связи с чем, например, среди московских рабочих распространялись следующие высказывания: «Наше правительство раздает подарки, кормит других, а сейчас самим есть нечего».²¹⁵

Несмотря на подобные высказывания, автор отмечает, что на рубеже 1950-60-х гг. уровень жизни населения в целом повысился. Существенное значение в бюджете семей имели выплаты и льготы из общественных фондов потребления - бесплатное медицинское обслуживание, бесплатное обучение, различные виды пенсий и пособий. Эти выплаты, например, в 1960 г. составили 27,3 миллиарда рублей, т.е. были почти в 6 раз больше, чем в 1940 г.²¹⁶ Таким образом, в послесталинское десятилетие правительство стремилось улучшить жизненный уровень трудящихся, пенсионеров, колхозников. Массовое недовольство граждан, скорее вызывала ощутимая социальная несправедливость, те особые привилегии, которые имели работники партийного и государственного аппарата. Хрущев явно не обладал тем необходимым для послесталинского руководителя комплексом харизматических черт, в которых нуждалось централизованное под

²¹⁴ Геллер М. Некрич А. Утопия у власти. Т. 2. М., 1995. С. 130-131.

²¹⁵ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 46. Л. 244; См., также: Неизвестная Россия. XX век. 1993. С. 50-51.

²¹⁶ Народное хозяйство СССР в 1970 году. М., 1971. С. 537.

единым началом общество. Для большинства он ассоциировался скорее с типичным аппаратным работником, нежели лидером сверхдержавы, какой являлся СССР в 1950-е – 1960-е гг.

В заключительной части раздела автор отмечает, что в советском образе жизни было много негативного, порожденного уравнильностью, бедностью, небывалой идеологической и административной ролью государства. Вместе с тем появилось немало новых позитивных черт, обусловленных стремлением укрепить коллективизм, повысить образовательный и культурный уровень населения, включить его в общественную жизнь.

Раздел III. Материальные и социокультурные перемены в жизни колхозного крестьянства в 1953-1964 гг.

Аграрный вопрос в России - ведущий на протяжении многовековой истории и современности. От его решения, как правило, зависели все остальные социально-экономические преобразования в стране, с ним были связаны и трагические страницы истории государства. Исследование проблем аграрной истории актуально для всех периодов развития страны, однако трудный и противоречивый исторический путь послевоенной деревни заслуживает особого внимания. Как представляется, созрела острая необходимость ответить на основной вопрос: почему масштабные социалистические преобразования и несомненные общие достижения СССР сопровождались экономическим разорением и запустением села, а сельская жизнь становилась все более непривлекательной.

Политические и экономические кампании по ее переустройству ожидаемых результатов не приносили. Не случайно ряд авторов, исследуя российскую деревню 40 - 80-х гг. все чаще используют эпитет «исчезающая».²¹⁷ Поэтому и для высшего партийного руководства решение сельскохозяйственных проблем было напрямую связано с собственным закреплением на властных высотах.

История хрущевского «славного десятилетия», как его окрестили близкие к Н.С. Хрущеву (или стремящиеся быть близкими) журналисты, а может быть, партийные работники по идеологии, еще не написана. Исчерпывающая оценка самого Хрущева, его политической деятельности, ее мотивации, ее истинного содержания и значения, ее

²¹⁷ Денисова Л.Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960 - 1980-е гг. М. 1996; Никитаева Е.Б. Исчезающая деревня (1960 - середина 80-х гг.) // Судьбы российского крестьянства. М., 1996.

последствий невозможна без анализа всего его предшествующего пути к власти, - а здесь даже фактическая сторона дела освещена явно недостаточно. Поэтому анализ содержания и значения его аграрных реформ будет более или менее точен при четком разделении начального периода его деятельности на посту первого секретаря ЦК КПСС, - когда он продолжал подготовленные не по его инициативе реформы, - от его собственного вклада в управление сельским хозяйством СССР, причем вклад этот можно подразделить тоже на две части: первая - заимствование известного ему (в основном зарубежного) опыта и вторая - воплощение в конкретных партийно-государственных решениях его собственных представлений о путях развития сельского хозяйства страны, вообще о судьбах села.

Поскольку два указанных периода в руководстве Н.С. Хрущевым развитием сельскохозяйственного производства достаточно ясно разделяются по своей направленности, имеется достаточное основание все изменения в аграрной политике времен Н.С. Хрущева разделить на две группы, различные (и во многом противоположные) по своей направленности и, как показал исторический опыт, по своим последствиям: реформа и контрреформа.

Первый период - реформа - открывается известным, но, к сожалению, забытым экономистами и частью историков сентябрьским Пленумом ЦК КПСС, состоявшимся 3-7 сентября 1953 года, на котором Н.С. Хрущев выступил с докладом и было принято постановление «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР». То, что меры, предусмотренные этим постановлением, были радикальными, подтверждается многочисленными данными об успехах развития практически всех отраслей сельскохозяйственного производства за целый ряд лет. Не случайно этими данными оперируют последующие

партийные и государственные решения в подтверждение правильности всей политики партии, начиная с 1953 года.

Однако уже сама радикальность принятых сентябрьским Пленумом ЦК мер по развитию сельского хозяйства не позволяет не только утверждать, но даже предположить, что они были разработаны по инициативе Н.С. Хрущева: такой коренной и глубоко обоснованный поворот в аграрной политике не мог быть подготовлен и осуществлен за столь короткое время: после смерти И.В. Сталина прошло всего полгода.

Н.С. Хрущев это время занимался сельским хозяйством не в первую очередь. Более того, его избрание первым секретарем ЦК КПСС и проведение сентябрьского пленума ЦК по времени совпадали. Иначе говоря, первоначальный период деятельности Н.С. Хрущева по руководству сельским хозяйством, который как раз и правомерно назвать реформой, не был осуществлением его собственных взглядов на развитие сельскохозяйственного производства и села в целом.

Настоящие хрущевские реформы, которые правильнее было бы назвать контрреформами, ибо они сводили на нет и даже выкорчевывали намеченные сентябрьским Пленумом ЦК КПСС меры, начались позднее. Поэтому-то при анализе аграрной политики партии и государства в период хрущевского правления (1953-1964 г.) и необходимо выделять две различные (и во многом противоречащие друг другу) линии - линию реформы и линию контрреформы²¹⁸.

Противоречие двух названных линий между собой несомненно. Вполне вероятно, что это признавал и Н.С. Хрущев. Во всяком случае, такое предположение может быть подтверждено тем, что изменение линии партии в последующем маскируется обилием идеологически-

²¹⁸ Романченко В.Я. Государственные сельские хозяйства России: ист. опыт, проблемы, уроки развития. На материалах регионов европейской части России. (1965-1985 гг.) Дис... докт. ист. наук. Саратов, 2000. С. 132.

пропагандистских тезисов, которыми перенасыщены документы, проводящие контрреформу, и которые имеют сугубо лозунговое значение, не дают научно-практического обоснования необходимости смены курса, а лишь подменяют собой такое обоснование, декларируя верность принципам, которые на деле игнорируются или просто разрушаются.

Прослеживание подобной особенности партийно-государственных решений приводит к выводу не столько о некомпетентности или нечестности Н.С. Хрущева (это мало существенно, хотя и дает верную его характеристику как политического деятеля), сколько об отходе партии под руководством Н.С. Хрущева от реализма, от научного обоснования политики, о начавшемся перевесе в ее мотивах и решениях чисто пропагандистской стороны, а иначе говоря - политической трескотни, которой можно было прикрывать любые просчеты и ошибки; опасную составную часть этого процесса образовало формирование целого слоя партийных, государственных и хозяйственных работников, работающих в таком ключе, то есть провозглашающих «для народа» одно, а проводящих в практической работе нечто совсем иное.

Подобные явления нельзя связывать только с фигурой Н.С. Хрущева хотя бы потому, что наблюдались они и дальше, приведя, в конце концов, к теоретическому бесплодию и практическому бессилию политики партии, к накоплению в ее руководящем слое лицемеров и двурушников, а далее - и к полному краху КПСС.

В этом отношении аграрная политика Н.С. Хрущева в сжатом виде представляет собой практическую модель дальнейшей судьбы КПСС и поражения социализма в целом. И в этом плане анализ аграрной политики Н.С. Хрущева как состоящей из двух разнонаправленных линий особенно интересен. Как известно, первое неудачное знакомство Н.С. Хрущева с аграрной проблемой началось в 1951 году, когда он

написал свою знаменитую статью «О строительстве и благоустройстве в колхозах». Эта статья послужила одним из поводов для принятия 2 апреля 1951 года Закрытого письма ЦК ВКП (б), в котором позиция Хрущева подверглась решительной критике, в том числе и по вопросу недооценки значения личных подсобных хозяйств для жителей деревни. Репутация Хрущева как «аграрника» была сильно подорвана, что породило комплекс неблагоприятных последствий.

На наш взгляд, из этой первой неудачи родилось дальнейшее, роковое для сельского хозяйства, стремление Никиты Сергеевича реабилитироваться в аграрном вопросе, причем именно отстаив свое видение социалистического села без личных подсобных хозяйств.

Значительно более компетентным в проблемах развития деревни был Г.М. Маленков, который в течение семи лет при Сталине (с 1945 по 1952) занимался аграрными вопросами. После смерти вождя, в 1953 году он первым почувствовал исторический момент для «социальной переориентации экономики» и, прежде всего, ее самого уязвимого места - сельского хозяйства. В марте 1953 года Министерством финансов для Маленкова был подготовлен проект докладной записки о налоговой политике в деревне, суть которой сводилась к выводу о диспропорции в сторону экономической неоправданности увеличения налогового обложения крестьян. Именно с этого времени Маленков начинает делать ставку на материальную заинтересованность крестьянина, что, по сути, являлось новшеством для советской системы. В августе 1953 г. на сессии Верховного Совета он говорит о необходимости смены приоритетов во внутренней политике, о повороте экономики лицом к человеку. Под этим углом зрения предлагалось пересмотреть соотношение темпов роста тяжелой индустрии и промышленности, работающей непосредственно на нужды населения, развернуть социальные программы, включающие развитие жилищного

строительства, торговли, здравоохранения и т.д.

После этого выступления имя Маленкова стало особенно популярно среди крестьянства и столь же неприятно для Хрущева, который осознал весь масштаб и политический вес своего основного конкурента. Таким образом, внутривластные интриги начали определять экономические приоритеты страны, что в условиях советской системы исключало позитивные результаты реформ. В принципе, как справедливо считают многие исследователи, именно Маленков первым начал борьбу с культом личности Сталина и сделал первые важнейшие шаги по реформированию сельского хозяйства.²¹⁹ В частности, были значительно снижены налоги на колхозы и колхозников, уменьшены поставки натуральной продукции личных подсобных хозяйств. В докладе на сентябрьском пленуме ЦК 1953 года Хрущев практически дословно воспроизвел ряд формулировок из речи Маленкова на сессии Верховного Совета СССР, разумеется, без каких либо ссылок на нее, а позже, в январе 1955 г. резко критиковал ее основные положения.

На сентябрьском пленуме некоторые секретари обкомов партии в своих выступлениях, как бы дополняя доклад Хрущева, отмечали заслуги Маленкова в реформировании сельского хозяйства. Отчасти поэтому Хрущев запретил публикацию стенограммы этого пленума, поскольку претендовал на пост главы государства. Примерно с середины 50-х гг. аграрный курс 1953 года, стержнем которого была ставка на материальную заинтересованность колхозников, на подъем личных подсобных хозяйств (курс Маленкова), претерпел настолько серьезные изменения, что от него по сути уже ничего не осталось. Наступление на личные подсобные хозяйства началось в марте 1956 г., когда

²¹⁹ Жуков Ю.Н. Тихая десталинизация // Независимая газета. 1997. 27 мая. С. 3.

принимается постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели», в котором наметилась тенденция к сокращению приусадебного участка колхозника. Здесь же был закреплён принцип ограничения количества скота, находящегося в личной собственности колхозников.

27 августа 1956 года постановлением Совета Министров СССР колхозникам и другим гражданам, держащим скот в личной собственности, запрещалось использовать в качестве корма для скота хлеб, крупу и другие продукты, приобретаемые в государственных и кооперативных магазинах.²²⁰ При отсутствии других доступных источников обеспечения личного хозяйства кормами, не считая, естественно, сенокос и огород, это постановление ставило крестьянина в тупик. Ему приходилось либо нарушать только что принятое постановление, либо сокращать количество скота в своем хозяйстве. В целом, вся последующая аграрная политика Хрущева ограничивала и сводила на нет всякую личную материальную заинтересованность крестьян-колхозников, что приводило к опустению российских сел и деревень.

Сентябрьский 1953 г. Пленум ЦК КПСС продемонстрировал по-настоящему новые приоритеты в аграрной политике, которая должна была определить свое долговременное содержание после того, как были в основном залечены раны, нанесенные войной и была в общем и целом достигнута довоенная ситуация с сельскохозяйственным производством. Надо было идти дальше. Радикальные меры назрели. Они были необходимы, прежде всего, потому, что перед страной встала задача

²²⁰ Директивы ЦК КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. Т. 4. М., 1953. С. 68.

продолжения (или завершения) индустриализации и обеспечения продукцией сельского хозяйства быстро растущего городского населения и развивающейся легкой промышленности. Они были необходимы также и потому, что развитие промышленности оттягивало из села трудовые ресурсы, и без того сильно поредевшие вследствие военных потерь, - это следовало компенсировать резким увеличением производительности труда.

Как известно, производительность труда может значительно расти двумя путями: во-первых, сменой технической основы производства на новую, существенно более эффективную, что в свою очередь повлечет за собой совершенствование профессиональных навыков работников, более высокий уровень их подготовленности т.д., во-вторых, посредством резкого увеличения отдачи живого труда все равно какими методами. Первый путь не мог быть плодотворно использован в кратчайшие сроки: и необходимые капиталовложения, и разработка новой техники и технологии, и создание соответствующих производств требовали длительного времени. Значит, оставалось идти по второму пути, и это решение легло в основу системы мер, выработанных сентябрьским Пленумом и узаконенных вытекающими из его постановления государственными решениями.

Суть этой реформы - акцент на экономические методы, на экономические рычаги управления сельскохозяйственным производством, на активизацию стимулов к его развитию, к повышению эффективности действий его главной производительной силы - работника сельского хозяйства и производственных единиц сельскохозяйственного производства, созидательных возможностей колхозного строя²²¹.

²²¹ Зеленин И.Е. Совхозы СССР. 1941-1950 гг. М., 1969. С. 23.

То что последний оказался жизнеспособен, доказали война и послевоенное восстановление сельскохозяйственного производства. Предстояло, однако, проверить, способен ли он на качественный скачок вперед. Упор на максимальное развертывание производительной силы колхоза и был приоритетным направлением аграрной политики партии и государства периода реформы, настолько отличающегося от периода контрреформы, что следует говорить о двух совершенно разных моделях развития села и сельскохозяйственного производства, причем первый правомерно назвать периодом подъема колхозного крестьянства, а второй - периодом раскрестьянивания села, превращения колхозного крестьянства в далекое от совершенства подобие индустриального рабочего класса.

Суть реформы отразили решения сентябрьского Пленума. В постановлении «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР» отмечалось, что «...огромные возможности крупного социалистического сельского хозяйства используются еще плохо», что и подтверждалось реалистическим критическим анализом состояния сельского хозяйства, точными оценками положения в различных его отраслях.

Назревшие меры обосновывались не только острой потребностью, но и тем, что к этому времени появились возможности для их проведения - технико-экономические и кадровые.

Отмечая субъективную причину отставания сельского хозяйства - недостатки в руководстве его развитием, постановление особо подчеркивало «нарушение в сельском хозяйстве принципа материальной заинтересованности работников в развитии производства, в увеличении его доходности - одного из коренных принципов социалистического хозяйства. Практика показывает, что этот принцип материальной заинтересованности, успешно применяемый при производстве хлопка,

сахарной свеклы, чая, citrusовых, не проводится применительно к ряду других отраслей сельского хозяйства»²²². Такие нарушения состояли, например, в увеличении передовым колхозам заданий поставок продукции полеводства и животноводства с гектара пашни или закрепленной за колхозом площади, чем они ставились в менее выгодное положение по сравнению с отстающими колхозами. Но были и другие не столь субъективные, администраторские, нарушения: производство продукции животноводства, а также овощей и картофеля сдерживалось недостаточным поощрением со стороны государства, низкими заготовительными и закупочными ценами, - пункт № 9 постановления коренным образом исправлял эту ошибку.

Как наиболее принципиальный момент необходимых преобразований в постановлении отмечалось одновременное развитие общественного хозяйства колхозов и личного подсобного хозяйства колхозников, правильное сочетание общественного и личного в производственно-экономической жизни сельскохозяйственной артели .

«Нарушение этого принципа, завышенные нормы поставок продуктов с приусадебного хозяйства, имевшиеся у нас недостатки в налоговой политике в отношении личного хозяйства колхозников привели к сокращению поголовья коров, свиней и овец в личной собственности колхозников. Такое положение не только ущемляет интересы колхозников, но и ведет к извращению природы артельной формы колхозов, являющихся единственно правильной формой коллективного хозяйства на весь период социализма»²²³.

²²² См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8. М., 1985. С. 304.

²²³ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8. М., 1985. С. 306.

Приведенное положение, сформулированное в достаточно категоричной форме («на весь период социализма»), и было положено в основу намеченной сентябрьским Пленумом системы мероприятий - было их, так сказать, социально-экономическим стержнем. Реализация этих мер была, как показывают факты и цифры развития сельского хозяйства СССР, весьма плодотворна. Не случайно на показатели развития сельского хозяйства именно после сентябрьского Пленума Н.С. Хрущев продолжал ссылаться (имеются в виду документы партии, а также совместные постановления ЦК и Совета Министров) уже после поворота от реформы к контрреформе, когда реформа была фактически убита, подменена контрреформой. Все остальные необходимые направления подъема сельскохозяйственного производства, образно говоря, нанизывались на этот стержень. Были предусмотрены: максимальная, а в перспективе - комплексная, механизация работ в полеводстве, особенно в производстве овощей и картофеля; новые ориентиры в урожайности сельскохозяйственных культур; обеспечение хозяйств строительными материалами, удобрениями; применение более совершенной агротехники, обучение кадров.

Второй спорный момент осуществления реформы состоял в повышении роли машинно-тракторных станций (МТС) как государственных предприятий, обеспечивающих правильную связь сельского хозяйства с обслуживающими его отраслями промышленности. Имея на селе МТС, государство тем самым брало на себя значительную долю непосредственной ответственности за успех сельскохозяйственного производства в колхозах. В постановлении сентябрьского Пленума ЦК эта идея была сформулирована следующим образом: «Машинно-тракторные станции с их высоким уровнем технического оснащения осуществляют организующую роль и являются крупными государственными предприятиями, выполняющими около

трех четвертей всех сельскохозяйственных работ в колхозах. Поэтому дальнейший крутой подъем всех отраслей колхозного производства зависит прежде всего от машинно-тракторных станций»²²⁴.

Эта общегосударственная ответственность за значительную долю процессов сельскохозяйственного производства подкреплялась в решении Пленума общегосударственными же мероприятиями, например, укреплением ремонтной базы МТС. Но не только. Пленум намечал и такие меры, которые должны были обеспечить качественный сдвиг в развитии колхозного производства: «В нынешних условиях, когда колхозы стали крупными, многоотраслевыми хозяйствами, а машинно-тракторные станции оснащены современной техникой и являются решающей силой в сельскохозяйственном производстве, важнейшее значение приобретает задача дальнейшего укрепления колхозов и МТС квалифицированными кадрами, способными умело руководить хозяйством и обеспечить выполнение задач, стоящих перед сельским хозяйством»²²⁵. На обслуживание колхозов постановление предусматривало направить 100 тысяч агрономов и зоотехников.

В перспективе ставились очередные задачи, предполагалось превратить систему МТС в своего рода планируемую сеть индустриальных предприятий с развитой инфраструктурой. На языке партийного постановления это выражалось так: «Придавая большое значение укреплению производственно-технической базы МТС, установить, что каждая машинно-тракторная станция, как правило, должна иметь типовую ремонтную мастерскую, отвечающую требованиям ремонта, не менее двух-трех гаражей для хранения тракторов, двух-трех сараев для хранения комбайнов, необходимое

²²⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8. М., 1985. С. 330.

²²⁵ КПСС в резолюциях... С. 336.

количество навесов и открытых бетонных площадок для хранения сельскохозяйственных машин, нефтебазу, автокран, склад запасных частей, контору, водоснабжение и простейшую канализацию»²²⁶.

Если подобное предприятие выглядит с современной точки зрения примитивным, то вспомним, что это было четыре с половиной десятилетия назад, что не прошло и десяти лет после самой разрушительной войны в истории человечества и, далее, что сельскохозяйственные предприятия нынешней России могут кое в чем позавидовать только-только встающим на ноги после военной разрухи колхозам и МТС. А ведь тогда намечались и другие меры подъема МТС: строительство мастерских и других сооружений, жилой площади (включая систему льгот для индивидуального строительства домов), первоочередное выделение строительных материалов для МТС, строительство детских и детсадов, родильных домов, клубов и других культурно-просветительных учреждений.

Обеспечение МТС рабочими кадрами предполагалось через систему сельскохозяйственных училищ. Кроме того, на 1954-1955 годы намечалось реконструировать и расширить 41 ремонтный завод и 125 межрайонных мастерских капитального ремонта. Вряд ли надо приводить доказательства того, что в то время все намеченное полагалось сделать вовремя и на должном уровне.

Как и всякое крупное партийное постановление, анализируемый документ содержал специальный раздел «О партийно-политической работе на селе». Эта мощная форма социальной ответственности работников за порученное им дело, за выполнение партийно-государственных решений усиливала исполнительскую дисциплину, давала дополнительную гарантию обязательного осуществления

²²⁶ Там же. С. 333.

намеченного. При этом в Постановлении сентябрьского Пленума ЦК КПСС раскрывалось основное содержание проводимой аграрной реформы - сломать преграды на пути местной инициативы, не мешать проявлению творческой самостоятельности коллективов всех основных производственных единиц села.

Именно этому посвящен пункт 2 VII раздела постановления: «Обязать обкомы, крайкомы и ЦК компартий союзных республик изменить методы руководства сельским хозяйством, покончить с поверхностным, бюрократическим подходом к руководству колхозами, МТС и совхозами, пресекать администрирование в руководстве колхозами, усилить связи с районами и колхозами, хорошо знать положение дел в каждом районе»²²⁷, для чего, в частности, укрепить состав секретарей «партийных организаций колхозов, МТС и совхозов за счет подготовленных и опытных партийных работников»²²⁸.

О том, что речь шла об инициативе не только парторганизаций села, свидетельствует указание на необходимость разворачивать самостоятельную инициативу молодежи, комсомольских организаций и подчеркивание роли женщин (которые в послевоенное время, конечно, составляли большинство трудящихся на селе). И, кроме того, речь шла не об опоре только на энтузиазм и не о лозунговой пропаганде, а о подкреплении общественно-трудовой мотивации сельских тружеников, улучшением культурно-бытового обслуживания сельского населения, развитием сети лечебных и детских учреждений, обеспечением бесперебойной торговли товарами народного потребления. Эту сторону дела постановление закрепляло следующим положением: «Пленум ЦК КПСС считает, что постоянная забота о повышении материально-культурного уровня жизни трудящихся колхозной деревни является

²²⁷ КПСС в резолюциях .. С. 343.

²²⁸ КПСС в резолюциях... С.343.

важнейшей обязанностью всех партийных и советских организаций»²²⁹. Директивный характер этой формулы сомнений не вызывает, а 1953 год еще относился к тому периоду, когда исполнительная дисциплина не была расшатана и нарушить либо игнорировать директивы принципиального порядка было небезопасно руководителям, должностным лицам любого ранга.

Смысл аграрной реформы, намеченной сентябрьским Пленумом, проясняется еще больше, если мы примем во внимание еще два момента. Во-первых, даже в нескольких цитированных отрывках из постановления обращает на себя внимание то, что на первое место среди сельскохозяйственных предприятий настойчиво выдвигались колхозы. Речь не шла ни об их насильственном преобразовании в совхозы, как это практиковал позднее Н.С. Хрущев, ни о более позднем, уже в «брежневские» времена, лицемерном «подтягивании кооперативно-колхозной собственности до уровня общенародной», «сближении двух форм собственности», - обе эти формулы на практике означали то же, наметившееся еще в «хрущевское время», усиление административного насилия по отношению к колхозам.

В решениях же сентябрьского Пленума ЦК 1953 года очевиден был упор на развязывание инициативы, самостоятельности колхозов и колхозников, при государственной помощи, нацеленной не только на максимальное получение от них сельхозпродукции, но и - в не меньшей мере - на обеспечение их зажиточности, на достижение достойного материально-культурного уровня их жизни ; например, специально была отмечена необходимость помощи колхозникам в их личном подсобном хозяйстве²³⁰.

²²⁹ Там же

²³⁰ См.: КПСС в резолюциях... С.344.

Таким образом, развитие колхозного строя - именно как уже сложившейся своеобразной формы коллективной организации производства, труда и социальной жизни на селе - было одним из ведущих приоритетов аграрной реформы, начавшейся в 1953 году и столь преждевременно оборвавшейся через считанные годы; в ряде последующих партийно-государственных постановлений та же формула о «развитии колхозного строя» повторяется уже как «дежурный», малосодержательный, а то и просто демагогический речевой оборот, имеющий в основном пропагандистско-психологическое значение.

Самостоятельность колхозов, как она просматривается в мерах аграрной реформы 1953 года, не может быть понята как перекалывание всех тягот задачи подъема сельского хозяйства на плечи самих колхозов.

Государство отнюдь не снимало с себя ни ответственности за создание благоприятных условий для более эффективной работы колхозов и колхозников, ни своей обязанности значительную часть этой работы осуществить собственными силами. Но это вовсе не означало какого-либо «отцовского» внимания со стороны государства или, наоборот, иждивенчества со стороны колхозов. В постановлении сентябрьского пленума решительно, даже категорически подчеркивается огромная и все возрастающая роль МТС в развитии сельского хозяйства.

Развитие колхозного строя, как он возник и сформировался со времен коллективизации, было немислимо без активной роли МТС. Машинно-тракторные станции и колхозы работали в единой связке, их взаимосвязь не ограничивалась производственным обслуживанием и расчетами за это обслуживание. Это была производственная взаимосвязь не двух вступающих во взаимодействие хозяйственных единиц, а технологические, экономические и социально-культурные взаимоотношения двух различных элементов единого производственного и социально-экономического целого. Такой подход к

практическому развитию колхозного строя наиболее ярко иллюстрируется тем, что МТС были непосредственно заинтересованы в успешной работе колхозов, в получении высоких урожаев и в увеличении их доходов, - хотя бы потому, что за проделанную работу МТС получали натуроплату, размеры которой зависели от достигнутого урожая сельскохозяйственных культур. С 1954 года устанавливались «твердые дифференцированные по зонам ставки натуральной оплаты за работы МТС по видам выполняемых ими работ в колхозах с применением поощрительной премиальной платы за высокие урожаи»²³¹

Вполне очевидно, что такая система взаимоотношений не только обеспечивала передачу в государственные фонды возрастающего количества сельхозпродукции, но и усиление заинтересованных колхозов в высоких урожаях: твердые ставки натуроплаты МТС гарантировали им в таком случае возрастающее количество сельхозпродукции, остающееся в полном распоряжении колхозов и колхозников.

Таковы были приоритеты аграрной реформы, начатой сентябрьским Пленумом ЦК КПСС 1953 года, таково было содержание той реформы. Полное и последовательное ее осуществление означало бы развитие советского сельского хозяйства, колхозного строя СССР а, значит и социализма в стране, совсем по иной «модели», чем оно происходило в дальнейшем, при совершенно других приоритетах - в условиях хрущевской контрреформы.

В значительной степени борьба с частной инициативой при Н.С. Хрущеве проводилась в угоду советской идеологии коллективизма. Возможно, часть руководителей среднего звена вполне искренне верила в успех коллективных форм обработки земли, однако борьба с личными

²³¹ КПСС в резолюциях... С. 335.

хозяйствами для представителей высшей власти определялась исключительно государственными интересами. В то же время не понимать всю степень опасности сельскохозяйственного кризиса, усугубление которого происходило за счет политических и идеологических игр на аграрном пространстве, ни Хрущев, ни в целом партийное руководство не могли. Поэтому определенные провалы в этой области были признаны довольно скоро²³².

Реформа Хрущева задавала совсем иное направление развития агрокомплекса в дальнейшем.

Называть контрреформой большинство последующих крупных мероприятий в области сельского хозяйства правомерно потому, то выделенные выше приоритеты реформы в дальнейших решениях либо игнорировались, либо прямо отвергались. Жизнеспособность, перспективность мер реформы была достаточно хорошо подтверждена практическими результатами, так же как практические результаты последующих лет могут свидетельствовать о необоснованности, бесполезности или даже вредности контрреформы, какими бы прекрасными идеологическими соображениями она ни подкреплялась и какие бы замечательные обещания ни выдавались при этом от имени партии и государства, постепенно подрывая народное доверие к ним.

Отдельные полезные мероприятия и даже целые новые направления по улучшению той или иной стороны сельскохозяйственного производства, давшие хороший эффект (например, существенное расширение кормовой базы животноводства за счет широкого - как известно, зачастую непродуманного внедрения кукурузы; развитие химии, особенно производство минеральных удобрений), не меняют общей картины. Последующая аграрная

²³² Богденко М.Л. Совхозы СССР. 1951-1958. М., 1972. С. 241.

политика должна рассматриваться как контрреформа, сломавшая жизнеспособную, высокоэффективную социально-экономическую модель развития социалистического сельского хозяйства в целом, советского колхозного строя в особенности, ради создания «обилия сельскохозяйственных продуктов», «как насущной, всенародной задачи»²³³.

Как показали общепартийные решения уже первого года осуществления аграрной реформы, Н.С. Хрущев не верил с самого начала в ее успех, не считал правильными ее приоритеты, видимо, имея свои, во многом противоположные, взгляды на развитие сельского хозяйства в СССР, на взаимоотношения государства с сельскими тружениками, с сельскохозяйственными предприятиями, в особенности с колхозами. Он просто еще не был в силах отменить выработанную без него новую аграрную политику.

Ничем иным нельзя объяснить совпадение во времени, с одной стороны, развертывания предусмотренной решениями сентябрьского Пленума ЦК КПСС аграрной реформы и проведения, с другой стороны, столь масштабного, требующего большого напряжения сил государства и общества, как освоение целинных и залежных земель. Пленум ЦК КПСС, посвященный этому вопросу, состоялся менее, чем через полгода, 23 февраля - 2 марта 1954 года.

Можно вполне понять и принять мотивы такого начинания, изложенные в докладе Н.С. Хрущева и затем в постановлении Пленума: важность зерновой проблемы для страны и необходимость решить ее в кратчайшие сроки. Именно так оно и было воспринято партией и обществом, породило надежды на успех и даже взрыв энтузиазма, особенно среди молодежи. Естественно, что на фоне этого

²³³ См.: КПСС в резолюциях... С. 345.

общественного возбуждения, хорошо поддерживаемого средствами массовой информации, мало кто задавался вопросом (во всяком случае, публично), а как же быть с проведением аграрной реформы, с выполнением столь своевременных и сразу же воспринятых как плодотворные решений сентябрьского Пленума?

Вопрос этот тем легче отходил в общественном сознании на второй план, что глубокое социально-экономическое содержание намеченной сентябрьским Пленумом реформы в полном его объеме так и не было доведено системой пропаганды и массовой информации до общества и даже партии. Не возникло и столь необходимой для этого научно-аналитической и научно-популярной литературы. Все это и привело к тому, что кампания по освоению целинных и залежных земель в восточных районах европейской части России, в Казахстане, на Алтае и на юге Западной Сибири и вся совокупность разнообразных мероприятий, связанных с этой кампанией, стали главной темой при обсуждении проблем подъема сельского хозяйства.

Так началась идейно-психологическая подготовка свертывания реформы. Но дело не только в размещении идейно-политических акцентов. Материальные, финансовые и кадровые возможности страны еще не были столь велики, чтобы было в равной мере уделено внимание решению этих двух крупнейших задач.

Совершенно очевидно, что подъем сельского хозяйства в целом в плане аграрной реформы тем самым замедлился, отходил в тень, приоритеты, намеченные сентябрьским Пленумом, признавались лишь словесно, хотя инерция исполнительской дисциплины, подкрепленная уверенностью в правильности, даже в жизненной необходимости мероприятий реформы, способствовала проведению реформы в жизнь даже при сокращении возможностей для этого. А такое сокращение было фактом: лучшую технику, лучшие кадры руководителей,

специалистов, механизаторов в соответствии с решением февральско-мартовского Пленума требовалось бросить на поднятие целинных и залежных земель.

На 1954-1955 г.г. их намечалось освоить 13 млн. га, причем предписывалось полностью укомплектовать кадрами МТС и совхозы, издаваемые на новых землях²³⁴, в частности, направить туда 100 тысяч механизаторов (имелись в виду, конечно, не только работающие кадры, но и в скоростном порядке подготовленные с помощью комсомола, так что полного кадрового обескровливания села не произошло).

Именно освоение новых земель стало главным ориентиром в развитии сельского хозяйства, оттеснив приоритеты аграрной политики. Это фактически подчеркивалось и в постановлении Пленума: «Каждое предприятие, учреждение и организация должны считать для себя почетным долгом посылку специалистов и квалифицированных рабочих из состава своего коллектива, изъявивших желание поехать на работу в районы освоения новых земель»²³⁵.

Одновременно в постановлении февральско-мартовского Пленума фактически констатируется, «что невнимание к осуществлению реформы сказалось уже на начальных стадиях – отмечаются факты срыва помощи сельскому хозяйству машинами, запасными частями, кадрами, строительными работами, а также то, что уровень руководства хозяйствами еще не отлажен»²³⁶.

Незавершенность реформы, похоже, не беспокоила руководство ЦК и лично первого секретаря (им и определялись содержание, тональность партийных решений, считавшихся выражением «коллективного разума»). В этом постановлении фактически уже

²³⁴ КПСС в резолюциях... С. 367..

²³⁵ Там же. С. 368.

²³⁶ КПСС в резолюциях... С. 362-363.

начинает утрачиваться дух, смысл коренной аграрной реформы, наконец-то предпринятой после истощения села, отдавшего свои силы войну и послевоенное восстановление.

Уже намечается отказ экономических методов управления развитием колхозного производства. Ибо под «организационно-хозяйственным укреплением колхозов» понимается осуществление таких указаний, как: укрепить дисциплину, улучшить организацию труда, внедрять прогрессивные нормы выработки, рационально использовать земли...»²³⁷.

При таком подходе очень двусмысленно звучит критика «бумажного стиля руководства» - под этим вполне можно подразумевать и «конкретное руководство» посредством обязательных к выполнению административных указаний, что противоречит духу сентябрьского Пленума.

Подобное предположение имеет основание и в решении ввести должность председателя колхоза (выборную, подлежащую не назначению, а избранию общим собранием колхозников) номенклатуру обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик, что, с одной стороны, было, вроде, и почетно, поднимало авторитет и укрепляло гарантии материальной обеспеченности председателей колхозов, но, с другой стороны, ущемляло колхозную демократию. Если оно и не отрывало председателей колхозов от руководимых ими коллективов, то создавало между ними заметную дистанцию, ставило председателей над колхозами, переводило их из подчинения коллективам в подчинение руководителям обкомов и работников их аппарата.

Наводит на размышление и впервые сделанный в общепартийном документе перенос главных акцентов на совхозы (раздел VII

²³⁷ Там же. С. 389.

постановления), причем подъем их деятельности формулируется в терминах «улучшить», «усилить контроль» и т.д. без явно выраженного внимания к экономическим методам управления сельским хозяйством и к совершенствованию материального стимулирования производства и труда. Так, уже спустя всего полгода Н.С. Хрущев начал отказ от намеченной сентябрьским Пленумом ЦК КПСС аграрной реформы, начал слом системы ее приоритетов. Начался переход к сугубо администраторским, даже бюрократическим методам руководства сельским хозяйством.

Это вполне подтверждает анализ постановления следующего Пленума по проблемам сельского хозяйства, состоявшегося 21-24 июня 1954 года, «Об итогах весеннего сева, уходе за посевами, подготовке к уборке урожая и обеспечении плана заготовок сельскохозяйственных продуктов в 1954 году»²³⁸.

Этот Пленум не рассматривал проблему подъема сельского хозяйства ни с общеполитической, ни с социально-экономической точек зрения, он проводился как ведомственное (межведомственное) хозяйственное совещание, о чем свидетельствует и подбор докладчиков (руководители ведомств). Само постановление фактически представляет собой длительный перечень конкретных работ, чуть ли не по всем культурам, своего рода отраслевую инструкцию, наполненную характерными для такого рода документов терминами.

Еще на сентябрьском пленуме 1953 года последний раз прозвучало необоснованное утверждение о том, что зерновая проблема в СССР успешно решена. Фактическим признанием обратного было принятие на февральско-мартовском Пленуме ЦК КПСС 1954 г. решения о широком включении в хозяйственный оборот целинных и залежных земель. Хотя

²³⁸ КПСС в резолюциях... С. 392-427.

в директивах XIX съезда КПСС эта задача не ставилась, принятое решение едва ли можно считать неожиданным. Когда в 1946 г. сильнейшая засуха поразила основные хлеботородные районы европейской части СССР, в зерновых зонах Казахстана, Западной Сибири и Алтая сбор урожая к предыдущему году вырос в 1,5 - 2 раза. В 1954 г. были выбраны те же районы: Алтайский и Красноярский края, Новосибирская, Омская, Челябинская области РСФСР, Акмолинская, Павлодарская, Северо-Казахстанская, Кустанайская, Семипалатинская, Восточно-Казахстанская области Казахской ССР.

Постановление предписывало провести учет пахотнеспособных угодий, расширение пашни вести, прежде всего, на землях, требовавших крупных вложений, организовать на целине колхозы, совхозы, машинно-тракторные станции и мастерские, построить крытые навесы для сушки зерна, направить в Приобье и другие регионы специалистов и технику. Новоселам запрещалось применение мелкой вспашки паров и взмет зяби.

Освоение целинных и залежных земель в 1950-60-е годы осуществлялось в традиционных формах широкомасштабной плановой кампании по созданию новой зерновой базы страны, способной принести быструю отдачу. В 1953 г. заготовки хлеба едва достигли 31 млн. т. зерна и были меньше продовольственных потребностей населения и других затрат государства. Разница покрывалась госрезервами.

Уже в первые три целинных года было распаханно свыше 31 млн. га земли - столько же, сколько прирастила к своему земельному фонду вся страна в 20-е – 30-е гг. В результате хлебозаготовки выросли до 54 млн. т., валовой сбор зерна увеличился в 1953-1956 гг. с 82,5 до 125 млн. т. Особенностью целины были относительная дешевизна выращенного урожая и высокая товарность зернового производства. С начала 60-х гг.

средства, вложенные в новые земледельческие районы, стали приносить прибыль. Через год после решения выхода на целину личную ответственность за неблагоприятное положение сельского хозяйства решили возложить на Г.М. Маленкова. От его имени в печати была опубликована записка с просьбой об освобождении от обязанностей председателя Совета Министров СССР. Тем самым Хрущев очередной раз связал решение своих внутрипартийных проблем, связанных со стремлением единоличного господства в партии и государстве, с аграрной политикой.

Резервный запас зерна государства в середине 1950-х годов подошел к концу. Лишь 1956 г. принес облегчение. После засушливого предыдущего года первый крупный успех был достигнут на целине. 40 млн. га распаханых земель (в том числе 23,6 млн. га под зерновые) обеспечили миллиард пудов казахстанского хлеба. Урожай был такой, что из-за отсутствия элеваторов тысячи пудов убранный зерно свалили в поле в гурты. На следующее лето созревшей частью урожая засыпали овраги и русла рек. Было решено продолжить освоение целинных и залежных земель, не требовавших больших затрат.

Тем не менее, при вовлечении в сельскохозяйственный оборот зауральской целины и залежи, только в лесных районах европейской части страны было утрачено 15 % пахотных угодий. Да и потери сельскохозяйственной продукции в 75, 6 млрд. руб. были сопоставимы с денежными доходами всех колхозов страны. На самой целине, не смотря на предупреждения ученых (А. Бараева, Т. Мальцева и др.), разрушение плодородного слоя глубокой вспашкой через 2-3 урожая обернулось крупными потерями. Усилилась водопроницаемость земель, выдувание почвы породило «черные бури».

Ветровая эрозия повредила сотни тысяч гектаров легких почв в Зауралье, Павлодарской, Кокчетавской, Целиноградской областях,

Красноярском крае. Только в Казахстане около 35 % пахотнопригодных земель попали в зону бедствия. Сам Н.С. Хрущев в феврале 1964 г. заявил, что из-за эрозии часть новых пахотных угодий Казахстана будет переведена в пастбища. Тогда же он перестал противиться и парованию пахотных земель, согласившись на ежегодный пар в 20 % земель, которые нуждались в отдыхе. Провал политики освоения целины был осознан многими. Однако далеко не все были готовы признать, что в целом правильное решение было загублено бездарными и поспешными действиями, санкционированными на уровне высшего партийного руководства.

В.М. Молотов, которого первоначально представляли противником освоения целины, позже, после смещения Н.С. Хрущева, признался в беседе с Ф. Чуевым: «Целину начали осваивать преждевременно. Безусловно, это была нелепость. В таком размере авантюра. Я никогда не был против освоения целины, хотя Хрущев меня обвинял главным противником целины. Но я с самого начала был сторонником освоения целины в ограниченных масштабах, а не в таких громадных, которые нас заставили огромные средства вложить, нести колоссальные расходы вместо того, чтобы в обжитых районах поднимать то, что уже готово. А ведь иначе нельзя... Я предлагал деньги вложить в наше Нечерноземье, а целину поднимать постепенно»²³⁹.

В целом благодарный Н.С. Хрущеву за десталинизацию А.Д. Сахаров, отметил: «...Хрущев с одинаковой энергией и упрямством проводил и свои правильные, и ошибочные идеи; таких у него было тоже более чем достаточно».²⁴⁰ Целина, «кукурузная лихорадка» - яркое подтверждение непродуманности и излишней поспешности Хрущев-реформатора, чья увлеченность новыми идеями, граничившая со

²³⁹ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 346-347.

²⁴⁰ Знамя. 1990. № 12. С. 66-67.

страстью или даже фанатизмом, делала бесперспективными даже весьма своевременные начинания. В данном субъективном факторе, основанном на личных качествах Председателя Совета Министров СССР, - одна из причин провала экономических реформ.

Один из путей достижения аграрного благополучия увидели в укрупнении колхозов и совхозов, строительстве крупных сельских поселков по городскому типу. В связи с этим началась ликвидация так называемых неперспективных деревень. Исходной посылкой массового сселения мелких деревень, не говоря уже о хуторах, стало укрупнение колхозов. Начатое еще в 1950 году, оно развивалось форсированно. Укрупнение происходило постоянно, хотя и неравномерно. Качественные изменения, вызванные этим процессом, постепенно нарастали, преобразуя всю производственную и социальную инфраструктуру села.²⁴¹ При подведении итогов специальных исследований по определению оптимальных размеров сельскохозяйственных предприятий и их внутрихозяйственных подразделений, проведенных в 1961-1964 гг., его авторы констатировали, что «в целях более рационального использования капитальных вложений сельские населенные пункты по своему хозяйственному значению подразделяются на три основные группы: а) поселки перспективные, в которых производится строительство зданий всех типов и полное благоустройство; б) относительно крупные поселки при животноводческих фермах; в) неперспективные поселки, в которых не разрешается никакого нового строительства и которые постепенно переносятся в другие»²⁴².

²⁴¹ Русинов И.В. «Неперспективная» деревня: от домыслов к истине // Вопросы истории КПСС. 1990. № 8. С. 54.

²⁴² Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий. М., 1965. С. 109, 112.

Особенно интенсивно процесс укрупнения хозяйств шел в 1957 - 1960 гг., когда ежегодно исчезало около или более 10 тысяч уже укрупненных ранее колхозов. В 1963 г. их осталось 39 тысяч против 91 тыс. в 1955 г. Самая демократичная и наиболее эффективная форма управления артелью - общее собрание колхозников - подменялась, как правило, собранием представителей. Средние размеры посевов совхозов за 1954-1962 гг. возросли в результате их укрупнения в 3 раза²⁴³. Это представлялось официальной пропагандой и наукой как концентрация производства.

На деле имел место, как правило, худший, малоподготовленный вариант его централизации с последующими отрицательными показателями эффективности. Были созданы гигантские неуправляемые колхозы и совхозы. Негативные результаты укрупнения хозяйств отмечали и сами сельские жители. Так, житель деревни Никольщины Вологодской области А.П. Крутов отметил: «Когда колхозы были маленькие (это до 1959 г.), то они были лучше управляемы... А сейчас председатель колхоза, может раз в год и заглянет в Никольщину»²⁴⁴.

В Кировской области некоторые колхозы имели площадь пашни до 30 тысяч га, насчитывали по 120 деревень. Это было в лесной пересеченной местности.²⁴⁵ Анализ деятельности совхозов, проведенный в середине 60-х гг., привел к выводу о том, что «обратная связь между интенсивностью и размерами хозяйств ...является настолько постоянной и повсеместной, что выступает как определенная закономерность. И она будет проявляться до тех пор, пока хозяйства не в состоянии по своим

²⁴³ Сельское хозяйство СССР. М. 1960. С. 50; Сельское хозяйство СССР. М., 1971. С. 479; Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий. С. 49.

²⁴⁴ Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. М., 1996. С. 24.

²⁴⁵ Пленум ЦК КПСС. 24-26 марта 1965 г. С. 47.

материальным возможностям на всей земельной площади вести производство в равной мере интенсивно»²⁴⁶. Такими возможностями они в те годы не располагали.

Однако есть и более радикальные точки зрения. В.П. Попов пишет: «Истинной причиной укрупнения мелких колхозов, повлекших за собой сселение «неперспективных» деревень и их запустение, было желание властей организовать очередную коренную ломку деревенского уклада, разрушить остатки сельского общежития, унифицировать деревню и ее людей, заставить их продолжать покорно трудиться в колхозах, еще более централизовать управление крестьянами...». И как результат этой политики «объединение «бедных» с «богатыми» приводило к внутридеревенским раздорам, усиливало социальную напряженность, не повысило эффективность колхозного производства. Не в силах противостоять дурной воле «преобразователей» крестьяне еще гуще побежали из села».²⁴⁷ По подсчетам В.П. Попова «абсолютная цифра убежавших из деревни за 1960-1964 гг. людей почти 7 млн. человек».²⁴⁸

В отечественной историографии Хрущева-реформатора освещали зачастую с позиций тех идеологических процессов, которые происходили в нашей стране на высшем политическом уровне. Отсюда и частая противоречивость в оценки личности и определенная тенденциозность. Одним из первых попытался снять идеологическую нагрузку с данных оценок И.Е. Зеленин. Отмечая чрезмерную персонификацию термина «аграрная политика Хрущева», он предложил

²⁴⁶ Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий. С. 57.

²⁴⁷ Попов В.П. Российская деревня после войны (июнь 1945 - март 1953). С. 10-11.

²⁴⁸ Попов В.П. «Второй и важнейший этап» (об укрупнении колхозов в 50-ые - нач. 60-х гг.) // Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 35.

не снимать ответственности со всего партийного аппарата данных лет, тех партийных структур, которые вместе с Председателем Совета Министров СССР вершили аграрную политику.²⁴⁹ Условия для более объективного исследования данной проблемы стали складываться, по сути, лишь с начала 90-х, когда были опубликованы стенограммы июньского 1957 г. и октябрьского 1964 г. пленумов ЦК, документы о событиях в Новочеркасске, подборки документов из архива президента РФ и ЦА ФСБ («Исторический Архив», «Советские Архивы», «Источник» и пр.).

В целом, историография по проблеме аграрной экономики эпохи «оттепели» весьма небогата, что, впрочем, легко объясняется: после безудержного захваливания реформатора, когда он находился у власти, последовало многолетнее забвение. Часто наиболее очевидные «руководящие заслуги», например, в освоении целины, приписывались Л.И. Брежневу, не без участия последнего в этой явной фальсификации. А затем, вплоть до конца 80-х годов, - практически полная потеря интереса историков, уставших от перемен оценок и точек зрения.

Из работ 1990-х гг. можно отметить исследования М.А. Безнина и Л.Н. Денисовой, посвященные российскому Нечерноземью и более широкого плана монографию О.М. Вербицкой, охватывающую первые послевоенные годы и первый этап хрущевских реформ.²⁵⁰ Особое место в новейшей историографии данной темы занимает обобщающее исследование академика А.А. Никонова об аграрной науке и политике

²⁴⁹ Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство // Труды института российской истории РАН 1997-1998 гг. Вып. 2. М., 2000. С. 394.

²⁵⁰ Безнин М.А. Крестьянский двор в российском Нечерноземье. 1950-1965. Вологда. 1991; Денисова Л.Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960-1980 годы. М., 1996; Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х - начало 60-х годов. М., 1992.

России с XVIII по XX век. Специальные разделы в нем посвящены первым послевоенным годам и аграрной политике Хрущева, которую автор постигал на практике, занимая должность министра сельского хозяйства Латвии (вплоть до 1961 г.). Никонов участвовал в ходе проходивших в то время пленумов ЦК, в том числе «целинного» февральско-мартовского 1954 г., в стенограмме которого значится и его выступление. Поста министра, как выясняется из книги, будущий академик, президент ВАСХНИЛ, директор аграрного института лишился вскоре после «обмена мнениями» по поводу кукурузы с внезапно нагрянувшим в Латвию Хрущевым. «Вы не любите кукурузы», - сделал вывод глава партии и государства²⁵¹.

Послевоенная деревня перенесла целый комплекс экономических преобразований. При этом, она жила и сама кормила Россию. Очередные ощутимые перемены произошли в деревне в 1958 году. Прошла реорганизация МТС и на колхозы обрушилась огромная сумма долга, вызванная необходимостью выкупа техники у государства. Большинство из них снизило оплату трудодня. А реорганизации продолжались. В то же время материально-техническая база народного хозяйства, энерговооруженность работающих в ней людей, являющиеся основой аграрного развития страны, оставляла желать лучшего. За 1918 - 1987 гг. на сельское хозяйство было отпущено 620,2 млрд. руб., или по 42 руб. на 1 га посевной площади. Доля капитальных вложений в сельское хозяйство составляла в 1918 - 1949 гг. - менее 1 % национального дохода. В последующие годы - менее 5 %. Однако эти капитальные вложения не были направлены на улучшение плодородия земли и технологий выращивания сельскохозяйственных культур: 40 % ассигнований шло на приобретение дорогостоящей и зачастую

²⁵¹ Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII - XX вв.). М., 1995.

некачественной техники и оборудования, до 20 % - на водохозяйственное строительство и до 10 % - на строительство и оборудование ферм и животноводческих комплексов.²⁵²

На рубеже 1950-60 гг. в ходе составления районных и областных планов землеустройства были названы неперспективными многие тысячи сел и деревень страны. Объективно к этому вело и укрупнение хозяйств. Сотни тысяч крестьян потянулись в центральные поселки, а чаще - в город. Парализуя и без того ослабленное личное подсобное хозяйство, развернулось насаждаемое сверху строительство многоэтажных жилых домов в сельской местности. Перестраивалась по территориальному принципу система управления народным хозяйством, а затем, наоборот, по производственному, отраслевому - организация его партийного руководства. Реорганизовывались структуры управления сельскохозяйственных органов, Министерство сельского хозяйства. Потом все возвращалось на свои места.

Большое значение имело преобразование колхозов в совхозы. Оно начало осуществляться с осени 1954 г. В первой половине 60-х гг. преобразование приняло массовый характер. Прежде всего, в совхозы преобразовывали экономически слабые колхозы, имевшие низкие производственные показатели, большую задолженность государству и колхозникам по оплате труда. В специализированные совхозы было преобразовано значительное число пригородных колхозов, в том числе экономически сильных, с целью увеличить производство продуктов и улучшить снабжение горожан.

Многие вновь организованные совхозы повысили производственные показатели, прежде всего, целинные. Однако в целом, преобразование колхозов в совхозы не привело к ускоренному росту

²⁵² Аргументы и факты. 1990. № 10.

сельскохозяйственного производства, значительному повышению его эффективности. В конце 1959 года была проведена выборочная проверка результатов производственно-финансовой деятельности свыше 100 совхозов, созданных в колхозных землях в разных районах страны. Общий вывод, сделанный по итогам проверки: организация новых совхозов на базе колхозов только при условии их рентабельной работы не осуществлялась. По примерным подсчетам 70-75 % вновь организованных совхозов являлись убыточными²⁵³.

За 1959 - 1970 гг. число колхозов Центральных областей Нечерноземья сократилось с 4844 до 1782 при одновременном росте числа совхозов с 380 до 1403. Как правило, каждый совхоз создавался на базе 2-3, а иногда и 4 колхозов. Только за 1958-1959 гг. в совхозы были преобразованы 512 колхозов, из них в Тульской области - 130, Московской - 141, Калининской - 107 колхозов²⁵⁴. С 1954 года по апрель 1960 г. в СССР было преобразовано в совхозы около 14,6 тыс. слабых колхозов, в том числе 9,7 тыс. по России, главным образом в областях и республиках Нечерноземья. В 1960 г. в Московской области в совхозы было преобразовано 365 колхозов, которые имели имущества на 11,7 млн. рублей при долге государству 7,4 млн. руб. Затраты государства на преобразование слабых колхозов в совхозы за период с 1954 года по 1960 г. достигли 25,4 млн. руб.²⁵⁵ В 1961 - 1964 гг. этот процесс несколько замедлился, однако в 1965 г. вновь произошло резкое сокращение числа колхозов. Во Владимирской, Ивановской,

²⁵³ Гюрина А.П. К вопросу о преобразовании колхозов в совхозы // История СССР. 1983. № 5. С. 5, 9.

²⁵⁴ ГАРФ. Ф. 310. Оп. 1. Д. 1980. Л. 104.

²⁵⁵ Чигринов Г.А. Некоторые вопросы развития сельскохозяйственного производства Нечерноземной зоны РСФСР во второй половине 40-50-х гг. // История СССР. 1982. № 4. С. 123-124.

Калининской, Рязанской областях было организовано 259 совхозов на базе земель и имущества 501 колхоза. Такая же картина была характерна и для других областей региона.

В целом по республике в 1965 г. было преобразовано в совхозы более 1,5 тыс. колхозов, или 9,4 % всего их числа на конец года²⁵⁶. В дальнейшем количество колхозов продолжало сокращаться, в том числе и за счет преобразования их в совхозы. Этот процесс захватил Нечерноземье, Урал, Сибирь, Дальний Восток. Он был характерен и для некоторых союзных республик, например, Казахстана. В целом по стране за 1959-1965 гг. было преобразовано в совхозы 13263 колхоза.

Многие колхозники поддерживали преобразование колхозов в совхозы, так как в этом случае они получали гарантированную оплату труда и пользовались государственным пенсионным обеспечением, чего в колхозах ранее не было. И действительно, колхозники, перешедшие на работу в совхоз, по достижении пенсионного возраста получали государственные пенсии. Остальные, а их оказалось немало, кто получал колхозную пенсию - до 20 рублей в месяц и не смог по каким-то, в том числе объективным причинам (возраст, болезнь, временный отъезд) войти в совхоз, несмотря на 40-50-летний трудовой стаж и наличие дома и участка в деревне лишались более высокой пенсии от государства. Из деревни Сослово Одинцовского района Московской области жители писали о своей односельчанке в 1965 г. «Буханова П.А. с первых дней основания колхоза работала на полях и фермах. В 1958 году правление, оценив ее работу, назначило ей пенсию. Ей в то время было 84 года. В 1960 г. колхоз «Большевик» вошел в состав совхоза «Горки-II». С тех пор про нее забыли и пенсию отменили. Человек остался без средств к существованию. У нее нет сил работать, она решила идти сторожем в

²⁵⁶ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1781. Л. 2.

совхоз охранять территорию сельхозмашин. И это в 86 лет.²⁵⁷

По данным на 1961 год в России заработок бывших колхозников, перешедших на работу в совхозы, повысился с передовыми колхозами в 1,8, а с отстающими - в 3 раза. Однако часто местные органы стремились подменить работу по укреплению экономики отсталых хозяйств преобразованием колхозов в совхозы, рассматривая эту меру как единственный путь подъема сельского хозяйства.

Такого рода укрупнения и реорганизации обернулись трагедией для села. Жители тысяч деревень лишались перспектив стать самоуправляемыми коллективами, а рабочие места большинства из них теперь оказались разбросанными, как правило, по всему массиву укрупненного колхоза или совхоза. Таким образом, «объективно» вставал вопрос о строительстве крупных центральных усадеб и «неперспективности» подавляющего числа сел и деревень.

Все это требовало коренной перестройки производственной и социальной инфраструктуры села. Управлять из одного центра работой жителей многих деревень, ферм, было трудно, если не невозможно. Немалые опасности таила и многозвенная система управления в условиях отсутствия хозрасчетных отношений, но не меньше - перспектива укрупнения сел, ферм и соответственно изменения севооборотов. Это вело к фактическому обесцениванию основной массы существующих жилых, животноводческих построек, требовало практически полного обновления основных производственных и непроизводственных фондов, крупных капиталовложений. Ликвидация многих населенных пунктов вела фактически к забросу отдаленных сельхозугодий, в том числе пахотных. Не случайно, если за период 1940 - 1963 гг. размеры колхозов по числу дворов увеличились в 5,1 раза, то

²⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 197. Л. 172.

по площади сельхозугодий - лишь в 4,2 раза, а по площади пашни - в 4,8 раза. Возникшая пешеходная недоступность или труднодоступность дальних угодий требовала больших затрат на дорожное строительство, перемещение техники и рабочей силы в места их новой работы. В то время государство не имело для этого необходимых средств.²⁵⁸ Одни аграрные преобразования следовали за другими. Перспектива хозяйственного благополучия не прослеживалась.

Это отчетливо проявилось в еще одном вопросе аграрной политики - в оплате труда в сельском хозяйстве. К середине 1960-х годов поступления за работу в общественном хозяйстве стали доминирующим источником доходной части бюджета колхозных семей. Многочисленные партийно-хозяйственные решения последующего времени, призванные стимулировать колхозное производство, непременно включали, либо влекли за собой мероприятия в сфере оплаты труда работников колхозов.

В динамике доходов колхозников от общественного хозяйства наиболее отчетливо проявлялась «рука партии» в формировании их материального положения. На каждом съезде или пленуме ЦК КПСС возвращалась к идее о необходимости роста оплаты труда в общественном хозяйстве. Поэтому не случайно, что партийно-государственные решения выступали непременным фактором, стимулировавшим динамику поступлений от колхоза в бюджеты крестьянских семей. Поэтому в данном разделе работы этому аспекту проблемы будет уделено пристальное внимание.

Важнейшим шагом на пути роста доходов колхозников от работы в общественном хозяйстве и повышения их материального положения в годы «оттепели» стало введение и совершенствование новой системы

²⁵⁸ Русинов И.В. «Неперспективная» деревня: от домыслов к истине // Вопросы истории КПСС. 1990. № 8. С. 56.

оплаты труда в колхозах. Отдельные ее элементы начали появляться еще в 1950-е годы, а с 1957 г. колхозы стали постепенно переходить на денежную оплату труда.

В полном виде и повсеместно новая система оплаты труда в колхозах была введена с 1 июля 1966 г. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О повышении материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного производства» от 16 мая 1966 г., а затем закреплена в Примерном Уставе колхоза, принятом III Всесоюзным съездом колхозников 27 ноября 1969 г.

В основу системы был положен новый принцип формирования фонда оплаты труда в колхозах. Ранее он являлся лишь остатком от валового дохода после отчислений в другие фонды и различных выплат. Теперь же при распределении доходов средства в первую очередь выделялись на оплату труда колхозным работникам. Согласно новому Примерному Уставу колхоза, из произведенной колхозом валовой продукции сначала возмещались материальные затраты на ее производство, затем за счет полученного валового дохода образовывался фонд оплаты труда, и только после этого оставшиеся средства шли на уплату налогов и платежи государству, увеличение основных и оборотных фондов, создание общественных фондов потребления, материальное поощрение колхозников и другие цели²⁵⁹.

Изменилась и сама система оплаты труда. Во-первых, она стала гарантированной, ежемесячной, то есть независимой от климатического фактора и от времени реализации продукции. Кроме того, в целях повышения материальной заинтересованности колхозников в увеличении производства сельскохозяйственной продукции, улучшении

²⁵⁹ История советского крестьянства. Т. 4. М., 1988. С. 54.

ее качества и снижении себестоимости, наряду с основной оплатой труда стала применяться дополнительная оплата и другие виды материального стимулирования.

Во-вторых, в основу исчисления оплаты труда колхозников были положены тарифные ставки соответствующих категорий рабочих совхозов, а также нормы выработки, действовавшие на аналогичных работах в совхозах.

В-третьих, оплата труда колхозников, как и рабочих, стала в обязательном порядке осуществляться в денежной форме. Вместе с тем, для удовлетворения потребности колхозников в сельскохозяйственных продуктах предусматривалось создание натурального фонда. Зерно, корма и другие продукты из него могли выдаваться в счет оплаты труда либо продаваться колхозникам в количестве и порядке, устанавливавшемся общим собранием колхоза. Деньги должны были выплачиваться не реже одного раза в месяц, а натуральная продукция - по мере ее поступления.

В-четвертых, регламентировалось, что оплата труда будет производиться в соответствии с количеством и качеством труда, вложенного колхозником в общественное хозяйство, исходя из принципа «за хороший труд, за лучшие результаты - более высокая оплата труда». Рост оплаты труда должен был осуществляться на основе опережающего роста производительности труда. Кроме того, колхозы получили зафиксированное в Примерном Уставе право разрабатывать и пересматривать с широким участием колхозников и специалистов нормы выработки и расценки на сельскохозяйственные и другие работы, с учетом конкретных условий хозяйства²⁶⁰.

²⁶⁰ Вербницкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х гг. М., 1992. С. 53.

Законодательное закрепление новой системы оплаты труда имело большое значение для роста материального положения колхозников. В то же время оно лишь утвердило уже существовавшую практику. Переход колхозов региона на гарантированную оплату труда был подготовлен совершенствованием оплаты труда в предыдущие годы. Например, в Вологодской области уже в 1965 г. все колхозы применяли ежемесячное авансирование, 91 % колхозов вел денежную оплату труда. Более того, многие колхозы еще до 1966 г. применяли и гарантированную оплату труда²⁶¹.

Тем не менее, принятие ее в качестве законодательной нормы позволило перейти от отдельных шагов некоторых, как правило, наиболее крепких колхозов, к практике повсеместного ее применения. Причем слабым колхозам, не имевшим достаточного объема собственных средств для гарантированной оплаты труда своих работников на уровне совхозных ставок, государство открыло специальный долгосрочный кредит и создало специальный межколхозный фонд. Так, колхозы Вологодской области за период 1966 - 1969 гг. получили таких кредитов на сумму 7,5 млн. руб.²⁶² В этом заключалось принципиальное новшество по сравнению с принципами сталинского управления аграрным сектором.

Мощный позитивный заряд аграрных реформ, созданный решениями сентябрьского пленума и последующими законодательными актами, был в основном исчерпан к концу 50-х гг. Здесь сказались непродуманность ряда решений и директив, медлительность по преодолению недостатков и издержек, выявившихся в ходе реформирования. Так, крайне непоследовательно, противоречиво

²⁶¹ Безини М.А. Крестьянский двор в российском Нечерноземье. 1950-1965. Вологда. 1991. С. 143.

²⁶² Там же.

вводилась научно-обоснованная система земледелия на целине, затягивалось решение проблем жилья и быта целинников. Волонтаристский лозунг Хрущева «догнать и перегнать США по производству животноводческой продукции на душу населения», ставший партийной директивой, обернулся на практике опасной погоней за «рекордами» вплоть до подтасовки реальных показателей.

С большим опозданием и оговорками лидер партии отказался от кукурузы как «чудо-культуры», достойной распространения на всей территории огромной страны. Крайне непродуманной оказалась постановка Хрущевым на декабрьском пленуме ЦК 1958 г. вопроса о резком сокращении индивидуального скота работников совхозов, а в июне 1959 г., тоже на пленуме - о запрещении содержать скот жителям городов и рабочих поселков. Эти указания, облеченные в форму директив или юридических актов, в начале 60-х гг. обернулись настоящим бедствием для семей сельских жителей и многих горожан. «Рязанский феномен» дал о себе знать сокращением поголовья скота и в колхозно-крестьянском секторе.

Одна из причин подобной непродуманной, поспешной политики - складывавшаяся внутри высшего руководства после июньского пленума 1957 г. диктатура личной власти Хрущева, что в полной мере проявилось на пленуме ЦК КПСС в декабре 1959 г. в докладах и выступлениях его участников, единодушно восхвалявших и полностью одобрявших деятельность Хрущева по руководству сельским хозяйством. В оборот был введен термин «наш дорогой Никита Сергеевич», ставший названием документального фильма. Славословия в адрес лидера государства, как правило, сопровождались «продолжительными аплодисментами».

Менее чем через два года был восстановлен сталинский ритуал «вставания» всех членов пленума при прославлении лидера партии.

Руководство сельским хозяйством было полностью отдано на откуп Хрущеву, укрепившиеся позиции которого позволили проводить любые эксперименты.

Отчасти авторитет Хрущева базировался на заметном росте материального благосостояния крестьян по сравнению со сталинским временем. Расширение и развитие общественного сельскохозяйственного производства при Хрущеве привели к закреплению за ним ведущей роли в формировании материального положения крестьянства. Личные хозяйства, еще недавно игравшие эту роль, теперь заняли место дополнительного источника жизненных средств для колхозных семей.

Эти хозяйства наследовались поколениями, исторически были закреплены в трудовой морали и психологии крестьянства. Основанные на общественной собственности на землю и личной собственности на скот, постройки, средства малой механизации и инвентарь, личные хозяйства и в 1955 - 1965 гг., несмотря на упрощившуюся структуру, являлись неотъемлемым элементом сельского уклада жизни, влияли на жизнедеятельность их владельцев, оставались важным источником доходов колхозников. В эпоху экономических пертурбаций и гонений на личные хозяйства связь крестьянина с землей заметно ослабла, но она никогда не прерывалась, являясь стержнем социальной эволюции крестьянства, что убедительно показывает новейшая российская история с присущей ей стремительной натурализацией жизни не только на селе, но и в городских поселениях.

Период отечественной истории после 1953 г. выделяется как один из особых этапов эволюции государственной политики в отношении личных подсобных хозяйств населения. До этого она носила откровенно дискриминационный характер.

Окончательный поворот наметился на октябрьском (1964 г.) и мартовском (1965 г.) Пленумах ЦК КПСС, где были осуждены волевые методы руководства и субъективистский подход к решению экономических вопросов. По отношению к личным подсобным хозяйствам колхозников была восстановлена линия, намеченная сентябрьским (1953 г.) Пленумом ЦК КПСС. Она была сформулирована в постановлении ЦК КПСС от 27 октября 1964 г. «Об устранении необоснованных ограничений подсобного хозяйства колхозников, рабочих и служащих» и закреплена в Примерном Уставе колхоза на III съезде колхозников²⁶³.

Устав в отдельной главе оговаривал условия ведения личного подсобного хозяйства. Так, на правления колхозов возлагалась обязанность оказывать помощь колхозникам в обработке приусадебных участков: ее в первую очередь должны были получать семьи, в составе которых не имелось трудоспособных лиц. Также в обязанности правления включалось оказание колхозникам помощи в обзаведении скотом и зооветеринарным оборудованием, в обеспечении скота кормами и пастбищами. Это подчеркивалось также в Директивах XXIV съезда КПСС, предусматривавших увеличение поголовья скота и птицы в личных подсобных хозяйствах. Однако принятые решения явились скорее символом, одной из необходимых составляющих новой социальной политики в деревне.

Только спустя почти десятилетие, в связи с обострением продовольственной проблемы, на приусадебные хозяйства вновь было обращено внимание - на этот раз как на один из резервов обеспечения продовольствием населения страны. В конце 1970-х годов предпринимались попытки стимулировать производство в личных

²⁶³ История советского крестьянства. Т. 4. М., 1988. С. 74.

подсобных хозяйствах. На партийных съездах и конференциях все активнее говорилось о необходимости усиления внимания к их возможностям по обеспечению населения продовольствием. Был издан ряд законодательных актов, первым из которых стало постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О личных подсобных хозяйствах колхозников, рабочих, служащих и других граждан и коллективном огородничестве». В нем указывалось на необходимость более полного использования возможностей хозяйств населения для увеличения производства сельскохозяйственной продукции в стране.

На партийные и советские органы накладывалась обязанность разработать и осуществить мероприятия, направленные на повышение экономического интереса сельских жителей в продаже государству произведенной ими продукции.

Вышедшее впоследствии постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 8 января 1981 г. «О дополнительных мерах по увеличению производства сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах граждан» определило широкий круг мер, направленных на более полное использование возможностей приусадебного животноводства, садоводства и огородничества. Колхозам рекомендовалось заключать на строго добровольной основе договоры на выращивание скота и птицы и на закупку излишков молока с колхозниками, проживавшими на их территории и добровольно участвовавшими в общественном производстве, а также с пенсионерами. Принципы поощрительной политики были закреплены затем и в Продовольственной программе 1982 г.

Индивидуальная хозяйственная деятельность колхозной семьи в хрущевский период была традиционной для крестьянского хозяйства. Преобладали земледельческие занятия и животноводство. Имела место разнообразная промысловая деятельность, охота, рыболовство, сбор

грибов и ягод. Это позволяло колхозникам пополнять рацион питания, а также денежный доход, путем прямых поступлений за работу или реализации продуктов в заготовительные конторы и отдельным гражданам.

Доход колхозной семьи от личного хозяйства в 50-60-е гг. традиционно состоял из двух частей: натуральной и денежной. Соотношение между ними при имевшихся колебаниях было достаточно стабильным: прямые натуральные поступления составляли $\frac{4}{5}$, а реализованные, то есть обращенные в деньги - $\frac{1}{5}$ дохода семейного бюджета от личного хозяйства²⁶⁴.

В 1960-е гг. продолжалась перестройка структуры приусадебного хозяйства, которая заключалась в смещении центра тяжести с трудоемких отраслей на более легкие, не требовавшие больших затрат труда и материальных средств. Объем и динамика производства тех или иных продуктов в личном хозяйстве определялись множеством различных факторов: масштабами и уровнем механизации аналогичного производства в общественном секторе; уровнем цен на эти продукты в сельских магазинах; состоянием розничной торговли; наконец, потребностями самих колхозных семей.

Так, в общем объеме прихода зерновых и хлебных продуктов поступления от личного хозяйства составляли в среднем за исследуемый период 3 % (в 1960-х гг. – 4 %, в 1980-х гг. – 1 %); овощей и продовольственных бахчевых – 76 % (в 1960-х гг. – 90 %, в 1980-х гг. – 65 %); картофеля – 97 %; мяса и мясопродуктов – 75 %; молока и молочных продуктов – 83 %, яиц – 57 %.²⁶⁵

Поступления сельскохозяйственных продуктов из личных хозяйств обеспечивали практически весь объем прямых натуральных

²⁶⁴ Исторический архив. 1993. № 1. С. 114.

²⁶⁵ Там же. С. 117.

поступлений в семьи колхозников. Так, по данным бюджетных обследований, в Вологодской области они составляли в среднем за исследуемый период 95 % (в середине 1960-х гг. – 90 %, в середине 1980-х гг. – 97 %). Оставшуюся часть натуральных поступлений составляли выдачи из колхоза, но их доля была крайне мала: 10 % в середине 1960-х гг. и 3 % в середине 1980-х гг. Такая же ситуация была характерна и для других областей страны²⁶⁶.

Натуральные поступления не играли существенной роли в общем приходе зерновых и хлебных продуктов в хозяйствах колхозников уже к началу 1960-х гг. В середине 1960-х гг. они составляли в нем менее 1 %. В 1965 г. натуральные поступления зерновых из личных хозяйств на одну колхозную семью составили 53 кг при 1081 кг общего прихода хлебопродуктов, в 1975 г. - соответственно 43 кг при 1281 кг, в 1985 г. - 7 кг при 1003 кг. Остальную часть занимали поступления зерновых из колхоза, которые хотя и сохранялись на протяжении всего исследуемого периода, но составляли в среднем лишь 15 кг в год²⁶⁷.

В обеспечении колхозников другим важным и большим по объему поступлений продуктом сельского хозяйства, картофелем, личное хозяйство занимало преобладающее место. Производство картофеля в нем позволяло не только обеспечивать потребности крестьянской семьи, но и реализовывать излишки. Несмотря на значительные годовые колебания производства картофеля в личном хозяйстве, обусловленные главным образом различной урожайностью, в течение всего периода поступления этого продукта составляли в среднем около 2,5 тонн в год, изредка опускаясь ниже отметки 2 тонны. Это составляло 99 % от всего прихода картофеля в хозяйства колхозников. Если во второй половине

²⁶⁶ Безниш М.А. Крестьянский двор в российском Нечерноземье. 1950-1965. Вологда. 1991. С. 143.

²⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 468. Л. 45.

1960-х годов еще сохранялся небольшой объем поступлений картофеля из колхоза - до 30 кг в год, то к концу 1970-х годов и он практически полностью исчезает²⁶⁸.

Если в отношении хлебопродуктов и картофеля в исследуемый период картина не менялась, то в поступлении овощей наблюдалась тенденция постепенного преодоления натуральности. Если в 1965 г. натуральные поступления составляли около 90 % всего прихода овощей и бахчевых в хозяйства колхозников, то в 1985 г. - уже только 61 %. В 1965 - 1975 годах при значительных колебаниях урожайности поступления овощей колебались от 1,5 до 2 ц в год, то в 1975 - 1985 годах - от 1 до 1,5 ц. Главным фактором этого сокращения стало расширение объемов государственной и кооперативной торговли в сельской местности²⁶⁹.

То же самое можно сказать и в отношении поступлений фруктов и ягод. Здесь до конца 1970-х годов потребности колхозников более чем наполовину обеспечивались натуральными поступлениями из личных хозяйств. Объем прихода фруктов и ягод возрастал во второй половине 1960-х гг. - вплоть до начала 1970-х гг. В 1965 г. из личного хозяйства было получено этих продуктов 18 кг на одну семью, в 1970 г. - 65 кг. В первой половине 1980-х годов соотношение натуральных поступлений и покупок в государственной и кооперативной торговле изменилось в пользу последних. В 1985 г. одной колхозной семьей в среднем было получено из личного хозяйства только 10 кг фруктов и ягод.

Натуральные поступления продуктов животноводства шли практически полностью из личного хозяйства. Данные бюджетных обследований фиксировали некоторый объем поступлений мясных,

²⁶⁸ Там же.

²⁶⁹ История советского крестьянства. Т. 4. С. 254.

молочных продуктов и яиц из колхоза, но при расчете на одну семью их следует признать чисто символическими.

Поступления мяса из личного хозяйства в 1950- середине 1960-х годов составляли, при некоторых годовых колебаниях, около 100 кг в среднем на колхозную семью за год. Во второй половине 1970-х годов они возросли до 130 кг. Увеличение объема поступлений мясопродуктов было вызвано, прежде всего, отмечавшейся ранее активизацией государственной политики в отношении приусадебного животноводства. Принятие ряда законодательных актов центральных органов власти и соответствующих нормативных актов местных партийных и советских органов принесло свои плоды в виде некоторого (на 20 %) увеличения поступлений мясопродуктов.

Однако и это не смогло удовлетворить растущих потребностей колхозников, поскольку доля натуральных поступлений в общем приходе мясопродуктов продолжала сокращаться. Если в 1970 г. она составляла в нем 84 %, в 1975 г. – 73 %, то в 1985 г. – 56 %. С конца 1970-х годов натуральные поступления уже не обеспечивали в полной мере личное потребление колхозных семей, поэтому они все в большей степени обращались к услугам государственной и кооперативной торговли²⁷⁰.

Таким образом, анализ аграрной политики Хрущева в годы семилетки (с рубежа 50-х 60-х гг. по сентябрь 1964 г.), проведенный на основе совокупности различного вида источников (политических, социально-экономических, демографических) показывает, что эта политика не была однородной, прямолинейной. В ней проявились попытки реформатора, весьма энергичные, хотя порой хаотичные, пайти выход из трудной ситуации, не допустить падения производства и

²⁷⁰ Безинн М.А. Крестьянский двор в российском Нечерноземье. 1950-1965. Вологда. 1991. С. 143.

жизненного уровня, населения, закрепить достигнутые результаты предшествующего пятилетия. Отчасти это удалось. Однако сначала Хрущев начал действовать на основе отвергнутых сентябрьским пленумом административно-командных методов, усиления диктатуры партии.

Особенно явно это проявилось на пленуме ЦК в марте 1962 г., обсуждавшем задачи партии по укреплению руководства сельским хозяйством на «современном этапе коммунистического строительства». А начало этого этапа определялось новой Программой КПСС, которая, исходя из того, что страна вступила в «период развернутого строительства коммунизма», провозгласила «возрастание роли Коммунистической партии как руководящей и направляющей силы советского общества».

Хотя по определению той же Программы, «государство диктатуры пролетариата превратилось в общенародное государство, в орган выражения интересов и воли всего народа».²⁷¹

Хрущев потребовал от партийных организаций отказаться от принципа «невмешательства в дела колхозов и совхозов», «активно вмешиваться в их работу», «повсеместно влиять на ход производства».²⁷² Тем самым фактически дезавуировались постановления 1955-1956 гг. об изменении практики планирования сельского хозяйства, о расширении прав колхозов и совхозов в управлении хозяйствами. В соответствии с этими установками была осуществлена перестройка управления аграрным сектором - созданы производственно-территориальные управления сельским хозяйством, а

²⁷¹ Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство // Труды института российской истории РАН 1997-1998 гг. Вып. 2. М., 2000. С. 400.

²⁷² Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 4. М., 1963. С. 162-186.

затем краевые и областные партийные организации разделены на промышленные и сельские. В результате численность партийных чиновников на селе возросла примерно в два раза. А раз партийных наставников стало больше, то должна была, как полагали, возрасти руководящая роль партии.

Хрущев также надеялся добиться перемен в сельском хозяйстве и, прежде всего, в животноводстве путем «искоренения» последствий несостоятельной (экстенсивной) травопольной системы земледелия академика Вильямса, заменив ее наиболее прогрессивной, на его взгляд, пропашной. Это означало отказаться на всей территории страны от посевов многолетних и однолетних трав, распахать луга и засеять их, а также чистые пары, кукурузой и другими культурами. Подобные рекомендации были совершенно не приемлемы для Казахстана и других районов освоения целины, где чистые пары являлись основным средством борьбы с сорняками, и Прибалтики, для которой распашка лугов могла нанести серьезный урон животноводству. Да и сам Хрущев, видимо, не очень верил в скорую отдачу предложенной им меры. Менее чем через три месяца после пленума он дополнил ее более быстродействующей - повышением розничных цен на животноводческую продукцию при одновременном повышении закупочных цен примерно на 35 %²⁷³.

Исходили из того, что повышение последних создаст дополнительные стимулы для колхозов и совхозов, позволит увеличить производство этой продукции. Однако эта мера должна была проводиться исключительно за счет населения, главным образом горожан. Реакция последних была незамедлительной и, разумеется, резко негативной, о чем информировали высшее руководство страны

²⁷³ Постановление Совета Министров СССР от 31 мая 1962 г.

сводки КГБ. Выяснилось, что рядовые граждане (в отличие от Хрущева) быстро разобрались, в чем основная причина повышения розничных цен. «Неправильные постановления правительства, считали они, - результат просчетов властей, принуждавших людей резать коров, отказываться от выращивания молодняка»²⁷⁴.

Из записки председателя КГБ при Совете министров СССР В.Е. Семичастного в СССР от 2 июня 1962 г.: «Нежелательные проявления продолжают иметь место в г. Новочеркасске на Электровозном заводе. Примерно к трем часам ночи 2 июня после вмешательства воинских частей толпу, насчитывающую к тому времени около 4-5 тысяч человек, удалось вытеснить с территории завода, и постепенно она рассеялась. Завод взят под военную охрану, в городе установлен комендантский час». В дальнейшем беспорядки в городе продолжались. Вступившая на работу первая смена вскоре ее прекратила и к 9 часам утра устроила на территории завода новый митинг. Одновременно прекратили работу около 400 рабочих завода Нефтемаш. Они покинули предприятие, заявляя, что не могут работать под дулами пушек. Причем 100 человек из них прорвались на территорию завода № 17. «Около 10 часов утра волынщики также прекратили работу и двинулись в сторону г. Новочеркаска. Впереди основной колонны они несли портрет В.И. Ленина и живые цветы.»²⁷⁵

Среди высказываний рядовых граждан заслуживает внимание мнение дежурной по перрону Павелецкого вокзала Михайловой: «Неправильно было принять постановление о запрещении иметь в пригородных поселках и в некоторых селах скот. Если бы разрешили рабочим и крестьянам иметь скот и разводить его, то этого бы не

²⁷⁴ РГАНИ. Ф. 89. Пер. 6. Д. 6. Л. 14; Исторический архив. 1993. № 1. С. 114-118.

²⁷⁵ Неизвестная Россия. XX век. М., 1993. Кн. 3. С. 149-150.

случилось, мясных продуктов было бы сейчас достаточно».²⁷⁶ Бригадир механической мастерской Всесоюзного электротехнического института им. Ленина Зонов сказал: «Индивидуальных коров порезали, телят не растят. Откуда же будет мясо? Тут какой-то просчет»; Аппаратчик Московского завода углекислоты Азовский: «Наше правительство раздает подарки, кормит других, а сейчас самим есть нечего. Вот теперь за счет рабочих хотят выйти из создавшегося положения».²⁷⁷ Заслуженный артист РСФСР Заславский сказал: «Мы от этого мероприятия не умрем, но стыдно перед границей. Хоть бы молчали, что мы уже обгоняем Америку. Противно слушать наш громкоговоритель целый день о том, что мы, мы, мы. Все это беспредельное хвастовство».²⁷⁸

За счет повышения закупочных цен и других мер властям удалось несколько улучшить положение в животноводстве, до «возвращения к уровню 1953 г.» дело не дошло. Однако 1963 г. выдался крайне неблагоприятным для сельского хозяйства, самым засушливым после 1946 - 1947 гг. Урожайность и валовые сборы снизились почти на 30 %. Расчеты государства на значительное увеличение заготовок рухнули. Для предотвращения голода Хрущеву пришлось прибегнуть к массовым закупкам зерна за рубежом. Вот что он говорил в этой связи в докладе на пленуме ЦК в декабре 1963 г.: «Нашлись, оказывается, такие люди, которые рассуждают: как же так, раньше при меньших валовых сборах зерна сами продавали хлеб, а теперь покупаем. Что можно сказать таким людям? Если в обеспечении населения хлебом действовать методом Сталина - Молотова, то тогда и в нынешнем году можно было бы продавать хлеб за границу. Метод был такой: хлеб за границу продавали,

²⁷⁶ Там же. С. 151.

²⁷⁷ Там же.

²⁷⁸ Там же. С. 152.

а в некоторых районах люди от отсутствия хлеба пухли с голоду и даже умирали».²⁷⁹

И.Е. Зеленин, характеризуя высказывание председателя Совмина СССР, отмечает, что в целом он прав, так как в случае чрезвычайной ситуации (стихийные бедствия, массовый голод, война) государство не только имеет право, но и обязано во имя спасения людей разбронировать государственные резервы продовольствия, на то они и создаются, а потом, когда положение стабилизируется, возобновить их пополнение. Однако с начала 60-х гг. государственные резервы зерна не только не восполнялись, но и непрерывно сокращались, а после 1963 г. импорт зерна стал своего рода закономерностью.²⁸⁰

В этом году было закуплено 9,4 млн. тонн - около 10 % от валового урожая. Такая «квота» сохранялась и в последующие годы, поскольку и после отставки Хрущева «импортные операции по хлебу» неизменно продолжались. На эти операции в 1963 году было израсходовано 372,2 т. золота - около трети золотого запаса страны.²⁸¹

Тесно связан с проблемой необходимости массового импорта зерна демографический фактор - рост миграции, в том числе и стихийной, из села в город. Она стала усиливаться с конца 1950 - начала 60-х гг. Этому немало способствовало ослабление после XX съезда партии паспортного режима в городах. С февраля 1958 г. началась постепенная паспортизация жителей села, в том числе крестьян, лишенных права получения паспортов согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 г. Колхозникам, выезжавшим в другие

²⁷⁹ Пленум ЦК КПСС 5-9 марта 1962 г. Стенограф. отчет. М., 1962. С. 21, 64-65.

²⁸⁰ Зеленин И.Е. Указ. Соч. С. 403.

²⁸¹ Народное хозяйство СССР в 1963 году. М., 1964. С. 549, 550; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти 1945 - 1991. М., 1998. С. 370.

области, края и республики на сезонные работы («отходникам»), органы милиции стали выдавать краткосрочные паспорта. Временные паспорта получали и выезжавшие из деревни в город на постоянную работу, учебу и т.д.

По существу колхозникам было предоставлено юридическое и фактическое право свободного выбора места проживания и профессии, и они этим воспользовались. Однако главное даже не в этом, а в том, что возобладала миграция стихийного характера. Здесь сказались и негативные последствия реорганизации МТС, ущемление интересов владельцев приусадебных хозяйств, грубые ошибки местных властей, допущенные при преобразовании колхозов в совхозы, сселение деревень, инициированное самим Хрущевым и пр. Демографическая статистика свидетельствует, что на протяжении 1960-1964 гг. из деревни в город переселилось почти 7 млн. селян, в основном бывших колхозников. С 1961 г. впервые в стране стало меняться (в пользу города) соотношение между городским и сельским населением: в конце года оно составляло 51 и 49 %, через год - 52 и 48 %, а в 1964 г. достигло 53 и 47 %. Примечательно, что из покинувших деревню в 1960-1964 гг. 7 млн. человек, 6 млн. приходилось на лица в возрасте от 17 до 29 лет, т.е. на молодежь. Средний возраст работающих в сельском хозяйстве превысил 50 лет²⁸². А это означало не только рост городских потребителей сельскохозяйственной продукции, но и самое опасное - снижение производительности труда в сельском хозяйстве в связи с оттоком молодежи, постарением деревни. В колхозах Нечерноземья эта группа населения (пожилые колхозники) в 1961 г. составляла 15-19 %, в 1953 уже 20-24,7 %. В 1959 г. в РСФСР общее количество колхозников трудоспособного возраста было меньше, чем в 1945 г. на 7,3 %.

²⁸² Население СССР 1987. Статистич. сборник. 1988. С. 8; Пленум ЦК КПСС 24-26 марта 1965 г. Стенограф. отчет. М., 1965. С. 162.

Хрущевская «сверхпрограмма» сселения деревень, строительства агрогородов была, прежде всего, ориентирована на молодежь, подрастающее поколение. Она, несомненно, содержала «рациональное зерно», однако была недостаточно подкреплена материально, плохо просчитана по времени: замыслы и планы реформатора значительно опережали возможности государства.

В то же время, говоря о миграционных процессах эпохи Хрущева нельзя не отметить и некоторое «налаживание» ситуации по сравнению с 40-ми годами. Только в РСФСР за 1945 - 1958 гг. без разрешения правлений колхозов выбыло 1 млн. 688 тыс. крестьян, из них 443 тыс. из колхозов Нечерноземья.²⁸³ В первое послевоенное пятилетие наибольший отток крестьян отмечался в областях Северо-Запада, а также в некоторых областях центра Нечерноземья, где колхозы еще не оправались от послевоенной разрухи. Многие колхозы не проводили оплату трудодней, а выплаты налогов и обязательные поставки продуктов государству составляли значительную часть доходов личного хозяйства крестьян. Только с середины 50-х гг. стихийный отток стал уменьшаться. Помимо естественного процесса пополнения колхозов, деревня в 50-е гг. пополнилась мобилизованными из городов - «тридцатитысячниками» (председатели колхозов) и специалистами сельского хозяйства (агрономы, зоотехники, механизаторы). Только в центре Нечерноземья с 1953 по 1958 г., как следует из расчетов Н.С. Иванова, было принято 267,2 тыс. новых колхозников, в том числе 30 тыс. специалистов и механизаторов.²⁸⁴ Возвращались в деревню и ранее выбывшие колхозники. Произошло это в результате налогового

²⁸³ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1019а. Л. 25; Д. 1256. Л. 20; Д. 1344. Л. 8-10; Д. 1471. Л. 8-10; Д. 1542. Л. 12-14; 1597. Л. 18-20.

²⁸⁴ Иванов Н.С. Раскрестьянивание деревни // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 423.

облегчения, повышения оплаты труда, в том числе гарантированной.

Всего с 1953 по 1958 г. в центре Нечерноземья вернулось и вступило в колхозы около 1,5 млн. человек. К концу 1950-х годов обратный поток в деревню уменьшился. Правда, пополнение колхозов новыми членами и возвращение в деревню бывших колхозников не могли перекрыть все более возрастающий отток из села в город. За послевоенные годы (1945 - 1959) этот отток все увеличивался, хотя наблюдались, как говорилось, и своеобразные волнообразные колебания миграции «село - город».

Под влиянием социальных и экономических факторов в центре страны сложился и своеобразный характер расселения. В основном преобладали мелкие и средние, сильно рассредоточенные по территории сельские поселения: до 100 жителей – 23 % поселений, от 101 до 500 человек – 45 % поселений. Крупных поселений, где проживало более 2 тыс. человек, было мало - всего 7 % от общего числа сельских населенных пунктов.²⁸⁵ Подобная поселенческая структура затрудняла создание социокультурной инфраструктуры и способствовала оттоку населения в города, а переселение крестьян из мелких деревень в крупные поселки ускорило отрыв крестьянина от земли и дальнейшее раскрестьянивание деревни.

В рассматриваемый период произошли значительные изменения в половозрастной структуре и в соотношении трудоспособного и нетрудоспособного населения колхозов. Численность детей и подростков (12-15 лет) заметно уменьшилась по всем регионам РСФСР. Это было связано с демографическими последствиями войны, миграцией молодых семей, а также выездом подростков на учебы в школы ФЗО, ремесленные училища, техникумы и вузы. Снижение

²⁸⁵ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1962. С. 42.

численности и удельного веса этой наиболее перспективной группы колхозного населения ухудшило демографическую структуру крестьянства, его собственное воспроизводство и обеспеченность трудовыми ресурсами в последующие годы.

В соотношении полов среди трудоспособных колхозников к концу 1950-х гг. также произошли заметные сдвиги - доля мужчин увеличилась, а женщин уменьшилась, хотя удельный вес женского населения был все же больше, чем мужского. Эти демографические изменения отрицательно сказались на состоянии трудовых ресурсов колхозов. В 1958 г. структура работающих в колхозном производстве выглядела следующим образом: мужчины составляли 25,5 %, женщины - 43,5 %, нетрудоспособные и престарелые - 20,5, подростки - 5, колхозники, проживающие на территории колхозов, но работающие вне его производства - 5,5 %.²⁸⁶

Говоря о нехватке продовольствия, следует учитывать и значительный рост потребностей в продуктах питания, как горожан, так и селян в связи с хрущевскими реформами, особенно на первом этапе. Так довоенный уровень питания в семьях колхозников по наиболее калорийным продуктам был заметно превзойден уже к середине 50-х гг., а в 1958 г. по сравнению с 1940 г. они потребляли в 6 раз больше сахара, в 3 раза больше кондитерских изделий и рыбных продуктов, в 2 раза больше мяса. В семьях рабочих уровень потребления был значительно выше, даже и после повышения в 1962 г.²⁸⁷

Здесь, несомненно, сказалось позитивное значение реформ. Однако нельзя не упомянуть и о таком факторе, сдерживавшем развитие сельского хозяйства в начале 60-х гг., как отвлечение значительных

²⁸⁶ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1256. Л. 32-38; ГАРФ. Ф. 310. Оп. 1. Д. 6915. Л. 83, 91-99.

²⁸⁷ История советского крестьянства. Т. 4. М., 1988. С. 333-335.

средств от аграрного сектора в пользу военно-промышленного комплекса, втягивание СССР, несмотря на многочисленные миротворческие заявления Хрущева, в гонку вооружений. На склоне жизни Хрущев все же был вынужден признать, что форсированное ракетостроение в стране имело и свои «отрицательные стороны», поскольку «зря выбрасывало деньги из бюджета и истощало наши финансовые возможности»²⁸⁸.

Таким образом, сельскохозяйственное производство, в том числе его ведущая зерновая отрасль, в годы семилетки как по объективным, так и по субъективным причинам, все больше отставало от потребностей населения, не могла удовлетворить и нужды животноводства в кормах. Зерновая проблема, о решении которой Хрущев опрометчиво объявил в конце 1958 г., вновь обострилась. Возник и стал углубляться продовольственный кризис.

В конце 1963 - начале 1964 г. Хрущев осознал, что из тупиков аграрной политики можно выйти только на основе возвращения к курсу сентябрьского пленума 1953 года. В феврале 1964 года, выступая с докладом на совещании руководящих работников партийных, советских и сельскохозяйственных органов, он подчеркнул большое значение постановлений 1955 и 1956 гг. о введении нового порядка планирования и расширении прав колхозников.

Хрущев также обратил внимание на то, что в ЦК партии и Совет Министров СССР поступают письма председателей колхозов, специалистов, рядовых колхозников, свидетельствующие о том, что местные органы в последнее время грубо нарушают эти постановления, навязывают колхозам планы сева по культурам, структуру посевных площадей, чем парализуют деятельность руководителей хозяйств,

²⁸⁸ Быстрова И.В. Развитие военно-промышленного комплекса СССР и холодная война. М., 1995. Гл. 2, б.

глушат инициативу колхозников. А затем зачитал отрывки из нескольких писем, подчеркнув, что это не единичные случаи и проинформировал местное начальство, что готовится постановление партии и правительства, в котором осуждается администрирование и извращение принятых решений. И даже пригрозил, что к тем руководителям, которые не сделают выводов, будут применяться другие меры, в том числе карательные, и «тогда будет меньше любителей командовать колхозами, администрировать»²⁸⁹.

Новый курс аграрной политики был окончательно определен и обоснован на двух последних «сельскохозяйственных» пленумах, прошедших под руководством Хрущева. Первый, в декабре 1963 года, посвященный ускоренному развитию химической промышленности как важнейшему условию подъема сельскохозяйственного производства и роста благосостояния народа; второй (своего рода знаковый) - в феврале 1964 года, на котором в комплексе рассматривались меры по интенсификации сельскохозяйственного производства (применение удобрений, развитие орошения, комплексной механизации, внедрение достижений науки и передового опыта). Было четко определено, что интенсификация - это генеральное направление в подъеме сельскохозяйственного производства, столбовая дорога развития производительных сил, раскрыто содержание трех основных составляющих этого процесса - комплексная механизация, мелиорация и химизация сельского хозяйства. Подчеркнуто значение последовательной специализации сельскохозяйственного производства в зональном разрезе и внутри хозяйств, создания крупных специализированных и высокомеханизированных хозяйств по определенным видам товарной продукции с ориентацией на крупные

²⁸⁹ Хрущев Н.С. Указ. соч. Т. 8. С. 523-528.

города и промышленные центры.

Был принят ряд партийно-государственных решений по реализации программы интенсификации сельского хозяйства и решения социальных проблем. Среди них - постановление ЦК и Совета Министров СССР от 3 сентября 1964 г. об организации производства яиц и мяса птицы на промышленной основе, в котором отмечалось, что созданные за последние годы вокруг крупных городов и промышленных центров птицефабрики, используя передовые методы организации производства и достижения науки, добились значительного повышения производительности.

Тем не менее, в целом экономические реформы Хрущева оказались оторванными от жизни, человека. Гонка результатов, стремление догнать и перегнать Запад (в первую очередь США), говорит о политической направленности аграрной политики данной эпохи, оторванности собственно от проблем деревни как таковой. Выбранный в целом верный курс сельскохозяйственных реформ, основанных на маленковских предложениях, тем не менее, зашел в тупик как из-за самой личности реформатора, так и из-за административной политической системы, в которой, несмотря на эпоху «оттепели», осталось еще очень многого от сталинского авторитаризма.

Один из основных выводов раздела состоит в том, что в 1950-60-е гг. экономический приоритет города перед деревней стал особенно заметным. В соответствии с этим отношение сельского и городского населения к правительству так же было различным, что наиболее ярко отразилось и в письмах граждан в официальные партийные органы.²⁹⁰ Например, характерно письмо колхозницы Н.К. Фоминой, в котором указывалось на то, что, отбирая огородные участки, власть лишает

²⁹⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 71. Л. 2.

крестьянство «источников жизни».²⁹¹

В то же время, автор признает некоторые позитивные результаты аграрных преобразований, к числу которых относится существенное увеличение потребления продуктов питания жителями города и села. Так, довоенный уровень питания в семьях колхозников по наиболее калорийным продуктам был заметно превзойден уже к середине 1950-х гг., а в 1958 г. по сравнению с 1940 г. они потребляли в 6 раз больше сахара, в 3 раза больше кондитерских изделий и рыбных продуктов, в 2 раза больше мяса.²⁹²

В социально-психологическом отношении российская деревня 1950-х-1960-х гг. представляла собой любопытный и малоизученный сплав архетипов патриархального и индустриального общества. В сельском быту и на колхозном поле часто соседствовали примитивные орудия труда с новой сельхозтехникой, зачастую не имевшей аналогов за рубежом. В директивных документах предписывалось: «Обязать местные советские и сельскохозяйственные органы обеспечивать скот рабочих и служащих выпасами и сенокосными угодьями».²⁹³ В то же время, правительство опасалось роста «частнособственнических» и «мелкобуржуазных» проявлений со стороны крестьянства.

В разделе сделан вывод о заметном позитивном влиянии на уровень жизни колхозного крестьянства нового курса Г.М. Маленкова, который, по сути, предусматривал децентрализацию управления сельским хозяйством, в том числе и развитие экономической самостоятельности колхозов. Новое руководство страны допустило развитие несоциалистических форм хозяйствования в аграрном секторе,

²⁹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 129. Л. 8.

²⁹² История советского крестьянства. Т. 4. М., 1988. С. 333-335.

²⁹³ Директивы ЦК КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. Т. 4. М., 1953. С. 68.

тем самым на время частично свернуло монополию социалистических институтов в регулировании и организации производительной деятельности. Автор акцентирует внимание на том, что эта мера диктовалась сугубо экономическими условиями: необходимостью увеличить продуктивность сельского хозяйства в связи с тем, что колхозы и совхозы с этой задачей справиться не могли. Совместное сосуществование двух хозяйственных укладов (частного и коллективного) сразу породило конфликт интересов, поскольку колхозники, получившие возможность трудиться на себя, теперь нуждались в дополнительных стимулах, чтобы трудиться на общественных работах. Именно этим в разделе и объясняется отказ Н.С. Хрущева от продолжения политики «нового курса».

Исследование показало, что на рубеже 1950-60-х гг. сельскохозяйственное производство, как по объективным, так и по субъективным причинам, все больше отставало от требований времени, а зерновая проблема, о решении которой Хрущев опрометчиво объявил в конце 1958 г., вновь обострилась. В начале 1960-х гг. в ряде регионов страны возник и стал углубляться продовольственный кризис. Только в конце 1963 - начале 1964 гг. Хрущев осознал, что из тупиков аграрной политики можно выйти только на основе возвращения к курсу сентябрьского пленума 1953 года. Не случайно в своих последних политических выступлениях, он подчеркивал большое значение постановлений 1955 и 1956 гг. о введении нового порядка планирования и расширении прав колхозников.²⁹⁴

²⁹⁴ Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 4. М., 1963. С. 162-186.

Заклoчение

Исследование показало, что окончание эпохи правления многолетнего харизматического лидера страны неизбежно повлекло за собой комплекс существенных изменений, как в массовом сознании советского общества, так и в повседневной жизни городского и сельского населения страны. Смерть И.В. Сталина, олицетворявшего собой не только власть, но и целостную систему жизненно значимых ценностей, воспринималась подавляющим большинством как крушение этой системы, за которым должны были последовать неизбежные и исключительно негативные последствия. Именно поэтому, советский социум первой половины 1950-х гг., крайне стесненный в социальном, бытовом и материальном отношении, после марта 1953 г. находился в состоянии ожидания еще больших катаклизмов и экономических трудностей.

Политическая пропаганда 1950-х гг., состоявшая из ряда логически неоспоримых тезисов, утверждала, что советское общество является социалистическим и потому пребывает в переходном состоянии. Ориентация на коммунистическое будущее позволяла пренебрегать насущными, прежде всего материальными, потребностями современности. «Ныне главные задачи КПСС, - утверждалось в уставе партии, принятом в октябре 1952 г. - состоят в том, чтобы построить коммунистическое общество путем постепенного перехода от социализма к коммунизму». Комплекс перспективных ожиданий – наиболее характерная черта советской системы, которая позволяла направлять и контролировать общественное развитие и массовое сознание.

В середине 1950-х гг. наиболее распространенными в повседневной жизни были представления о том, что в социальной сфере

экономические различия между людьми уходят на второй план. Все граждане находились на службе у государства, трудились ли они на предприятиях, в совхозах, либо в колхозах, также действующих в рамках единой плановой и административной системы. Поскольку частный интерес подчинялся общему, то государство могло оправданно производить изъятие на социальные нужды части зарплаты в виде принудительных займов (как правило, 1/10 - 1/12 часть годового заработка), мобилизовать взрослое население на лесоразработки, а юношей в ремесленные училища, прикреплять работников к предприятиям во имя производственной необходимости. Общая зависимость от государства и степень уравнительности были таковы, что, по мнению иностранных наблюдателей, люди 1950-х гг. были похожи даже по внешности.

Автор акцентирует внимание на том, что вопрос о необходимости экономических преобразований после смерти И.В. Сталина возник именно в кругах высшего партийного руководства, а не в среде общественности, которая летом 1953 г., в силу психологической инертности, еще не была готова к любым формам протеста. На четвертой сессии Верховного Совета СССР 15 марта 1953 года в докладе Г.М. Маленкова было официально заявлено, что «законом для нашего правительства является обязанность неослабно заботиться о благе народа, о максимальном удовлетворении материальных и культурных потребностей». Предпринятые действия, как показало исследование, носили преимущественно политический, во многом популистский характер, однако именно эти меры долго и с благодарностью вспоминались населением, поскольку впервые за долгие годы в стране наметились новые приоритеты социального развития.

Впервые власть официально признала, что приусадебное хозяйство крестьянина и рабочего провинциальных городов являлось

главным источником поддержания собственного существования и источником снабжения сельскохозяйственной продукцией значительной части населения страны. Немаловажное значение имело то, что государство реально оценивало состояние сельского хозяйства, его низкий уровень развития. Явным политическим новаторством Н.С. Хрущева стали официальные признания о том, что заявления о разрешении зерновой проблемы были лживыми. Столь смелое и нетипичное для советского руководителя заявление говорит о качественно ином отношении нового руководства к советскому обществу.

Автор показывает, что с середины 1950-х гг. началась реализация широкой программы повышения зарплаты: в 1961 г. по сравнению с 1950 г. она возросла в 1,3 раза, а с учетом выплат и льгот из общественных фондов потребления - в 1,35 раза. Общее число рабочих и служащих возросло с 40 до 62 миллионов человек. В 1950-х гг. наблюдается рост промышленного производства и увеличение государственных доходов за счет налога с оборота, а также роста цен на продукты питания и товаров народного потребления. Рост цен происходил систематически и параллельно росту номинальной заработной платы и оплаты коммунальных услуг. В июле 1956 года, была введена новая система пенсионного обеспечения, которая привела к существенному возрастанию размера пенсии. Пенсии зависели от стажа работы и возраста трудящегося. Устанавливался один из минимальных в мире возрастной ценз для получения пенсии - для мужчин 60 лет при стаже работы в 25 лет, для женщин - 55 лет при стаже работы в 20 лет. Исключительное значение, по мнению автора, имело то, что впервые в стране устанавливались государственные пенсии для колхозников. Для них вводился более высокий возрастной ценз - мужчины в возрасте от 65 лет и женщины - от 60 лет, но лишь в

том случае, если они продолжали работать в колхозах. Проявляя видимую заботу о людях, государство и здесь переложило ответственность за выплату пенсий на плечи самих колхозов.

Анализ комплекса партийно-государственных документов показал, что Н.С. Хрущев и его окружение стремились не только «обеспечить населению достойные условия существования», но добиться того, чтобы человек получил их из рук государства. Помещенная в сеть идеологических координат социальная политика лишалась своих экономических корней. Она превращалась в особый род государственной благотворительности, снисходящей сверху на все население, или на какую-то его часть, например, молодежь.

В то же время, наступившая эпоха принципиально отличалась от предыдущего периода своей ориентацией на человека и его потребности. После XX съезда КПСС в апреле 1956 г. правительство отменило известный закон 1940 г. о прикреплении рабочих к производству и о суровых наказаниях за прогулы и опоздания. Трудящимся предоставлялось право самостоятельно (при определенных формальностях) менять место работы. В сентябре 1956 г. был законодательно установлен минимум заработной платы, рабочая неделя сократилась на 2 часа, оплачиваемый отпуск по беременности и родам увеличился с 70 до 112 дней.

В работе подчеркивается, что впервые после НЭПа государство сделало ряд реальных шагов навстречу сельскому населению страны, в деревне было решено ослабить давление на колхозников - снижались сельхозналоги, увеличивались размеры приусадебных хозяйств, повышались закупочные цены, причем существенно - на мясо в 5,5 раза, молоко и масло - в 2 раза, зерно - на половину, давались государственные дотации на выпуск ширпотреба. Эта линия открывала перспективу возможной интенсификации производства на базе

возрастания (но и всячески ограничиваемой) материальной заинтересованности в труде, в результате чего уже в первой половине 1953 г. производительность труда возросла на 62 %, материалоемкость снизилась на 5 %. В то же время, исходя из перспектив коммунистического строительства, в 1959 г. на декабрьском пленуме ЦК КПСС был сделан вывод о том, что «личное подсобное хозяйство будет постепенно утрачивать свое значение», так как, по мнению руководства, колхозникам выгоднее получать продукты из колхозов. Это означало по существу новое наступление на подобное хозяйство. Государственным органам поручалось за 2-3 года скупить скот у рабочих совхозов и рекомендовать колхозам принять аналогичные меры.

Непоследовательность государственной политики и нестабильность роста народного благосостояния в сочетании с ослаблением идеологического давления способствовали сначала робкой, а затем и более радикальной критике правительственного курса. В ряде городов страны прошли серьезные волнения. Автор отмечает, что подавляющее число выступлений обуславливалось экономическими причинами и было связано с неспособностью правительства удовлетворять возросшие материальные потребности людей. С начала 1960-х гг. стали падать темпы роста экономики страны, уменьшилась валовая продукция промышленности. В кризисном состоянии оказалось и сельское хозяйство. Массовый забой скота привел к резкому сокращению его поголовья, а целина не могла решить задачу стабильного обеспечения населения хлебом. В то же время, предпринятое Хрущевым под влиянием идеологических догм дальнейшее «раскрестьянивание» села, т.е. ликвидация мелкого крестьянского хозяйства, лишило страну важнейшего источника поступления продовольствия, недостаток которого она ощутила в полной мере в 1962-1963 гг. И как следствие этого, с 1963 г. пришлось

обратиться к практике закупки хлеба за границей.

В итоге всех этих негативных явлений произошло замедление темпов роста национального дохода и фонда потребления, разбалансирование доходов населения с товарными ресурсами. Особенно остро реагировали трудящиеся на повышение цен на ряд продуктов питания в 1962 г. К этому времени тот психологический эффект, который дала денежная реформа 1961 г. (когда товары и продукты стали с десятков рублей стоить единицы, впрочем, и зарплата была приведена в адекватные новым ценам размеры) полностью исчерпал себя. Не подкрепленный новыми технологиями, изменениями образа жизни простой рост цен вызывал раздражение и недовольство различных социальных слоев.

В работе показано, что несогласие проявило себя в самом широком диапазоне: от «антисоветских» высказываний и распространения листовок до забастовок и восстаний в Темир-Тау (октябрь 1959 г.) и Новочеркасске (июнь 1962 г.). Только за июнь 1962 г. из партийных и советских учреждений, редакций газет и журналов в органы КГБ было передано свыше 300 анонимных писем с выражением крайнего недовольства жизненным уровнем трудящихся. Проведенный в разделе анализ «обывательских» суждений позволил составить общую картину настроений простых людей. Наиболее распространенными были требования возврата к прежним ценам, удовлетворения насущных потребностей трудящихся, критика ликвидации личного скота и приусадебных участков у колхозников. Часто встречались «пожелания» снижения оплаты государственной и партийной номенклатуре, отказа от разоряющей страну помощи слаборазвитым и социалистическим странам, угрозы в адрес Н.С. Хрущева.

Таким образом, один из основных выводов работы состоит в том, что во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. в целом значительно

расширились социальные возможности рабочих и служащих в области образования, здравоохранения, жилья, потребления более ценных продуктов питания и предметов домашнего обихода. То, что прежде составляло привилегии номенклатуры и приближенной к ней «рабочей аристократии» теперь стало более доступным для самых широких слоев городского населения. Однако в обществе, где справедливость означала равенство, социальная политика власти порождала неизбежное недовольство населения. Именно оно, по мнению автора, и стало причиной относительного безразличия общества к самому факту снятия Н.С. Хрущева с занимаемой должности.

Вопреки ожиданиям лидеров государства и широких слоев населения уровень жизни повышался медленно, хотя во второй половине 1950-х гг. даже скромное повышение благосостояния было ощутимым по сравнению с прошлым. В народную жизнь вошла сложная современная техника, а также ранее недоступные блага - наручные часы, фотоаппараты, товары для дома, радио, а затем и телевизоры, составлявшие обыденный, привычный элемент повседневного быта, а не элемент быта небольшого меньшинства, какими они были еще четверть века назад.

В то же время, в работе показано, что основной и наиболее характерной чертой повседневности советского общества в исследуемый период и развития страны в целом являлась нехватка жилья. До середины 1950-х гг. широко известные коммуналки являлись единственным средством решения жилищного вопроса в условиях массовой миграции населения из деревни в город. Новое руководство уделяло этой проблеме особое внимание и уже к концу 1950-х гг. жилищное строительство существенно возросло. Стала поощряться организация жилищных кооперативов на весьма льготных для населения условиях. Значительно увеличилось строительство жилых домов

городскими властями, предприятиями и министерствами. С 1950 по 1964 гг. городской жилищный фонд страны увеличился с 513 до 1182 миллионов кв. метров или в 2,3 раза. Если в 1951-1956 годах жилищные условия улучшили 38,4 миллиона человек, то в 1957-1961 годах - уже 57,7 миллиона. В 1956-1960 годах было введено в строй жилья почти в 2 раза больше, чем в предыдущей пятилетке.

Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что, если в 1950 г. на одного человека в городах приходилось в среднем 7 кв. м. жилой площади, то в 1958 г. уже 8,7 кв. м. Несмотря на то, что с 1940 по 1965 гг. городское население увеличилось на 93 %, обеспеченность жилой площадью в расчете на одного человека повысилась за это время в среднем с 6,6 кв. м. до 9,7-9,8 кв. м. В то же время, автор отмечает, что качество возводимого жилья было низким, лишь острая необходимость оправдывала методы власти.

Исследование массовых настроений горожан показало, что в начале 1960-х гг. основное недовольство было связано с ростом цен на товары и услуги, хотя в исследуемый период государство всеми мерами стремилось сдерживать инфляционные тенденции. Для новых лидеров эта мера была необходима, по крайней мере, для сохранения собственного авторитета в глазах народа. Некоторое подорожание жизни компенсировалось увеличением заработной платы. Уже опробованный путь скрытия инфляционных процессов состоял в обмене денег, в проведении денежной реформы, которая и состоялась в 1961 г. Формально произошел обмен старых банкнот на новые по соотношению 10:1 и при пропорциональном изменении цен и заработной платы. Однако покупательная способность граждан постепенно падала, особенно негативно обмен денег сказался на рыночных ценах на продукты питания. Показательно, что значительную часть вырученных реформой средств государство направляло развивающимся странам

социалистического лагеря, в связи с чем, например, среди московских рабочих распространялись следующие высказывания: «Наше правительство раздает подарки, кормит других, а сейчас самим есть нечего».

Несмотря на подобные высказывания, автор отмечает, что на рубеже 1950-60-х гг. уровень жизни населения в целом повысился. Существенное значение в бюджете семей имели выплаты и льготы из общественных фондов потребления - бесплатное медицинское обслуживание, бесплатное обучение, различные виды пенсий и пособий. Эти выплаты, например, в 1960 г. составили 27,3 миллиарда рублей, т.е. были почти в 6 раз больше, чем в 1940 г. Таким образом, в послесталинское десятилетие правительство стремилось улучшить жизненный уровень трудящихся, пенсионеров, колхозников. Массовое недовольство граждан, скорее вызывала ощутимая социальная несправедливость, те особые привилегии, которые имели работники партийного и государственного аппарата. Хрущев явно не обладал тем необходимым для послесталинского руководителя комплексом харизматических черт, в которых нуждалось централизованное под единым началом общество. Для большинства он ассоциировался скорее с типичным аппаратным работником, нежели лидером сверхдержавы, какой являлся СССР в 1950-е – 1960-е гг.

В советском образе жизни было много негативного, порожденного уравнильностью, бедностью, небывалой идеологической и административной ролью государства. Вместе с тем появилось немало новых позитивных черт, обусловленных стремлением укрепить коллективизм, повысить образовательный и культурный уровень населения, включить его в общественную жизнь.

В диссертации также проведено исследование материальных и социокультурных перемен в жизни колхозного крестьянства в 1953-1964

гг.». В работе показано, что в 1950-60-е гг. экономический приоритет города перед деревней стал особенно заметным. В соответствии с этим отношение сельского и городского населения к правительству так же было различным, что наиболее ярко отразилось и в письмах граждан в официальные партийные органы. Например, характерно письмо колхозницы Н.К. Фоминой, в котором указывалось на то, что, отбирая огородные участки, власть лишает крестьянство «источников жизни».

В то же время, автор признает некоторые позитивные результаты аграрных преобразований, к числу которых относится существенное увеличение потребления продуктов питания жителями города и села. Так, довоенный уровень питания в семьях колхозников по наиболее калорийным продуктам был заметно превзойден уже к середине 1950-х гг., а в 1958 г. по сравнению с 1940 г. они потребляли в 6 раз больше сахара, в 3 раза больше кондитерских изделий и рыбных продуктов, в 2 раза больше мяса.

В социально-психологическом отношении российская деревня 1950-х-1960-х гг. представляла собой любопытный и малоизученный сплав архетипов патриархального и индустриального общества. В сельском быту и на колхозном поле часто соседствовали примитивные орудия труда с новой сельхозтехникой, зачастую не имевшей аналогов за рубежом. В директивных документах предписывалось: «Обязать местные советские и сельскохозяйственные органы обеспечивать скот рабочих и служащих выпасами и сенокосными угодьями». В то же время, правительство опасалось роста «частнособственнических» и «мелкобуржуазных» проявлений со стороны крестьянства.

В работе сделан вывод о заметном позитивном влиянии на уровень жизни колхозного крестьянства нового курса Г.М. Маленкова, который, по сути, предусматривал децентрализацию управления сельским хозяйством, в том числе и развитие экономической самостоятельности

колхозов. Новое руководство страны допустило развитие несоциалистических форм хозяйствования в аграрном секторе, тем самым на время частично свернуло монополию социалистических институтов в регулировании и организации производительной деятельности. Автор акцентирует внимание на том, что эта мера диктовалась сугубо экономическими условиями: необходимостью увеличить продуктивность сельского хозяйства в связи с тем, что колхозы и совхозы с этой задачей справиться не могли. Совместное сосуществование двух хозяйственных укладов (частного и коллективного) сразу породило конфликт интересов, поскольку колхозники, получившие возможность трудиться на себя, теперь нуждались в дополнительных стимулах, чтобы трудиться на общественных работах. Именно этим в разделе и объясняется отказ Н.С. Хрущева от продолжения политики «нового курса».

Исследование показало, что на рубеже 1950-60-х гг. сельскохозяйственное производство, как по объективным, так и по субъективным причинам, все больше отставало от требований времени, а зерновая проблема, о решении которой Хрущев опрометчиво объявил в конце 1958 г., вновь обострилась. В начале 1960-х гг. в ряде регионов страны возник и стал углубляться продовольственный кризис. Только в конце 1963 - начале 1964 гг. Хрущев осознал, что из тупиков аграрной политики можно выйти только на основе возвращения к курсу сентябрьского пленума 1953 года. Не случайно в своих последних политических выступлениях, он подчеркивал большое значение постановлений 1955 и 1956 гг. о введении нового порядка планирования и расширении прав колхозников.

Список источников и литературы

Законодательные акты СССР и документы

Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938-1946 гг. Сельхозгиз. 1948.

Всесоюзное совещание работников МТС, созванное ЦК КПСС и СМ СССР. Материалы совещания. М. 1954.

Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. В 4-х т. 1946-1952 гг. М. 1958.

Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977.

Конституция СССР. Принята в 1936 году. М., 1948.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, Т. 8-10. 1985-1986.

Ленинская аграрная политика КПСС: Сборник важнейших документов. М., 1978.

Народное хозяйство РСФСР в 1964 году. Статистический ежегодник. М. 1965.

Народное хозяйство СССР в 1959 г. Статистический ежегодник. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР. 1959.

Народное хозяйство СССР в 1970 г. М., 1971. С. 538-545.

Народное хозяйство СССР за 60 лет. М., 1977.

Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный статистический ежегодник. М., 1987.

Об идеологической работе КПСС. Сборник документов. М. 1947.

Пленум ЦК КПСС 24-26 марта 1965 г. Стенограф. отчет. М., 1965. С. 162.

Пленум ЦК КПСС 5-9 марта 1962 г. Стенограф. отчет. М., 1962. С.

21, 64-65.

Постановление пленума ЦК КПСС «О дальнейшем развитии сельского хозяйства». 24-25 декабря 1959 года: КПСС в резолюциях... Т. 9. М., 1986. С 473.

Постановление Совета Министров СССР «Об отмене закрепления за рабочими и служащими в индивидуальное пользование земельных участков, отведенных под коллективные сады» от 18 сентября 1961 г. // СП СССР. 1961. № 15. С. 115.

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. Документов. М., 1968. Т. 3-16.

Собрание постановлений правительства СССР. 1961. № 9. Ст. 70. С. 190-195.

Справочник партийного работника. Вып. 4. М. 1963. С. 530-533.

Страна Советов за 50 лет: сборник статей и материалов. М. 1967.

Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации

Ф. 374. Оп. 35.

Ф. 5446. Оп. 48; Оп. 50; Оп. 52; Оп. 53; Оп. 59; Оп. 60.

Ф. 8131. Оп. 22.

Ф. 9492. Оп. 1; Оп. 6.

Ф. А-374. Оп. 2.

Ф. Р-9425. Оп. 1.

Российский государственный архив новейшей истории

Ф. 4. Оп. 30.

Ф. 5. Оп. 30; Оп. 33; Оп. 55; Оп. 61; Оп. 64; Оп. 66; Оп. 68; Оп. 73.

Ф. 89. Пер. 6; Пер. 42; Пер. 43; П. 57.

Российский государственный архив социально-политической

истории

Ф. 17. Оп. 22; Оп. 88; Оп. 116; Оп. 117; Оп. 121; Оп. 122; Оп. 125;
Оп. 131; Оп. 145; Оп. 147; Оп. 148.

Ф. 556. Оп. 14.

Ф. 591. Оп. 1.

Российский государственный архив экономики

Ф. 1562. Оп. 33.

Ф. 4372. Оп. 18; Оп. 45; Оп. 66.

Ф. 7486. Оп. 7; Оп. 40.

Ф. 9476. Оп. 1.

Ф. 4372. Оп. 46; Оп. 77; Оп. 95; Оп. 96.

Ф. 7486. Оп. 7.

Ф. 8591. Оп. 1.

Ф. 8899. Оп. 1.

Литература

«Круглый стол» по актуальным задачам изучения рабочего класса
// Вопросы истории. 1988. №1. С. 3-23.

«Особая папка» Н.С. Хрущева (1954-1959). Переписка МВД
СССР с ЦК КПСС / Под. Ред. Козлова В.А., Мироненко С.В. М., 1995.

Алексеев В.В., Букин С.С. Бюджетные обследования советских
рабочих (репрезентативность, значение и методы анализа) //
Источниковедение истории советского общества. М., 1982. Вып.4.

Алексеев В.В., Букин С.С. Бюджеты рабочих семей как
исторический источник // Изв. СО АН СССР. 1978. № 1. Сер. Обществ.
науки. Вып.1.

Балансы денежных доходов и потребления населения. Вопросы
методологии и статистический анализ / Под ред. А.Х. Каралетяна и Н.М.
Римашевской. М., 1969.

Белоцерковский В. Рабочие волнения в СССР в начале 60-х гг. //

Форум. Мюнхен. 1982. № 1. С. 187.

Белянов В.А. Личное подсобное хозяйство при социализме. М., 1970.

Богденко М.Л. Совхозы СССР. 1951-1958 гг. М., 1972.

Бордов Р. Новый экономический курс Советского Союза (1953-1960). М.: Изд-во иностранной лит-ры. 1960. 170 с.

Боффа Дж. История Советского Союза. М.: Международные отношения, 1990. Т. 2. 632 с.

Бромлей Н.Я. Уровень жизни в СССР. 1950-1965 // Вопросы истории. 1966. №7. С. 3-18.

Букин С.С. Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири (1946-1960). Новосибирск. 1984.

Вашук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке СССР в 50-70-е годы (историография проблемы). Владивосток. Дальнаука, 1998. 211 с.

Вашук А.С., Слабнина, Д.А. Стратегия благосостояния, реальность социальной жизни на Дальнем Востоке СССР в послевоенные годы. Владивосток, 1992.

Верт Н. История Советского государства. 1900-1991. М.: Прогресс-Академия, 1995. 544 с.

Вопросы историографии рабочего класса СССР. М.: Мысль, 1970. 327 с.

Гвоздев Б.И. Изменения в составе рабочего класса СССР в послевоенные годы // Вестник МГУ. М., 1971. № 5.

Геллер М. Некрич А. Утопия у власти. Т. 2. М., 1995. С. 130-131.

Гордон Л.А и др. Черты социалистического образа жизни, быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра. М.: Знание. 1977. 159 с.

Гордон Л.А., Клопов Э.В. Социальное развитие рабочего класса СССР. М.: Знание. 1974. 64 с.

Гордон Л.А., Клопов Э.В. Человек после работы. Социальные проблемы быта и внеабочего времени. М., Наука. 1972. 368 с.

Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? М. Изд-во полит. лит-ры, 1989. 320 с.

Гордон Л.А., Левин Б.М. Пятидневка: культура и быт. М.: Профиздат. 1967. 79 с.

Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. М.: «Прогресс-традиция», 2001. 620 с.

Директивы ЦК КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. Т. 4. М., 1953. С. 68.

Дьячков И.В. Общественное и личное в колхозах. М., 1968.

Зубкова Е.Ю. Общество и реформы. 1945-1964. М.: Россия молодая, 1993. 200 с.

Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953. М., 1999.

Ильичев Л.Ф. Очередные задачи идеологической работы партии. М., 1963. С. 33.

История рабочего класса развитого социалистического общества. Историографический анализ. Л., 1983. 184 с.

История советского крестьянства. Т. 4. М., 1988. С. 333-335.

История социалистической экономики СССР. М., 1972. Т. 5.

Казанцев Б.Н. «Неизвестная» статистика уровня рабочего класса (1952-1970) // Социологические исследования. 1993. №4. С. 3-14.

Казанцев Б.Н. Рост реальной заработной платы и доходов рабочих промышленности СССР в 1951-1958 гг. // История СССР. 1966. № 3.

Левский А.А. На путях решения жилищного вопроса в СССР // История СССР. 1962. № 4. С. 25.

Левский А.А. На путях решения жилищного вопроса в СССР // История СССР. 1962. №4.

Лейбович О. Россия. 1941-1991. Сб. докум. Пермь, 1993. С. 19-20.

Лейбович О.Л. Реформа и модернизация в 1953-1964 гг. Пермь. Изд-во Пермского ун-та, 1993. 182 с.

Лейбович О.Л. Реформы 1953-1964 гг. в контексте отечественной модернизации. Пермь, 1995. С. 227.

Маеяр В.Ф. Уровень жизни населения СССР. М.: Мысль. 1977. 263 с.

Макарова И.В. Подсобное хозяйство колхозников. М., 1973.

Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. М., 1964.

Маннибаев Е.К. Социальная политика и рост рабочего класса СССР в 1951-1965 гг. Уфа. Изд-во Башкирск. Гос. Пед. И-та. 1984.

Маркес Г. 22 400 000 квадратных километров без единой рекламы кока-колы // Латинская Америка. 1988. № 3. С. 97-98.

Мерль Ст. Экономическая система и уровень жизни в дореволюционной России и Советском Союзе. Ожидания и реальность // Отечественная история. 1998. №1.

Мяло К. Оборванная нить // Новый мир. 1988. № 8.

Народное благосостояние: методология и методика исследования / Под ред. Н.М. Римашевской. М.: Наука, 1988. 302 с.

Неизвестная Россия. XX век. Книга третья. М., 1993. 416 с.

Нерадовская И.П. Социально-экономические особенности повышения жизненного уровня трудящихся в период развитого социализма (1961-1980). Ч.2. Социальная активность рабочих-дальневосточников и рост их благосостояния. Владивосток, 1987. Рук. деп. в ИНИОН АН СССР 20.04.87. № 30387.

Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945-1991 гг. М., 1998.

Поляков Ю.А. Человек в повседневности // Вопросы истории. 2000. №3. С. 125-127.

Поляков Ю.А., Писаренко Э.Е. Исторические аспекты изучения советского образа жизни // Вопросы истории. 1978. № 6.

Помним о вас. Страницы истории. М., 1989.

Попов В.П. Неизвестная инициатива Хрущева // Отечественные архивы. 1993. № 2.

Рабочий класс в годы упрочения и развития социалистического общества (1945-1960 гг.). М.: Наука, 1987. Т.4. 520 с.

Рабочий класс СССР (1951-1965 гг.). М., 1969.

Сенявский С.Л. Изменения в социальной структуре советского общества, (1938-1970 гг.). М.: Мысль, 1973. 447 с.

Сенявский С.Л., Тельпуховский В.Б. Рабочий класс СССР (1938-1965 гг.). М.: Мысль, 1971. 534 с.

Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996.

Слабнина Д.А. Уровень жизни рабочих Дальнего Востока СССР. Владивосток. Изд-во Дальневосточного университета, 1997. 124 с.

Соколов А.К. Социальная история России XX в. Человек в историческом измерении // Межвузовский центр сопоставительных историко-антропологических исследований. Сборник учебно-методических материалов. Вып. 1. М.: ЭКОН, 2000. 126 с.

Соколов А.К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М.: РОССПЭН, 1999. С. 39 -77.

Соколов А.К., Тяжелникова В.С. Курс советской истории. 1941-1991. М.: Высшая школа, 1999. 416 с.

Социальная сфера. Преобразование условий труда и быта. М.,

1988.

Социальные ориентиры обновления: общество и человек / Под ред. Т.И. Заславской. М. 1990.

СССР и холодная война // Под ред. В.С. Лельчука, Е.И. Пивовара. М., 1995. 312 с.

Твердохлеб А.А. Историография материального благосостояния рабочего класса в переходный от капитализма к социализму период // История СССР. 1974. № 3.

Труфанов И.П. Об историографии быта рабочего класса периода развитого социалистического общества (1959-1970 гг.) // Рабочий класс на современном этапе. Л., 1976. 174 с.

Тяжелникова В.С. «Картина мира» советского человека и ее эволюция // Межвузовский центр сопоставительных историко-антропологических исследований. Сборник учебно-методических материалов. Вып. 1. М.: ЭКОН, 2000. 126 с.

Фигурнов С.П. Реальная заработная плата и подъем материального благосостояния трудящихся в СССР. М.: «Соцэкгиз», 1960. 199 с.

Фуров В.Г. Забота КПСС о повышении благосостояния и культурного уровня колхозного крестьянства. М., 1960.

Харитонов А.Е. Основные этапы жилищного строительства в СССР // Вопросы истории. 1965. №5. С. 63-67.

Хоскинг Дж. История Советского Союза. 1917-1991. М.: Вагриус, 1994. 510 с.

Мемуары

Аджубей А. Те десять лет // Знамя. 1988. № 6. С. 81-123; № 7.

Галанов Б. Тогда в пятидесятые // Литературные новости. 1993. № 23.

Лихачев Д.С. Я вспоминаю. М., 1991.

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1990, №№ 2-12; 1991, №№ 1-12; 1992, №№ 1-3, 6-9, 11-12; 1993, №№ 2-10; 1994, №№ 1-8, 10-12; 1995, №№ 2-4, 5-6.

Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М., 1988.

Солженицын А. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни. // Новый мир. 1991. № 6.

Твардовский А. Из рабочих тетрадей (1953-1960) // Знамя. 1989. № 8.

Хрущев вспоминает. Перевод с английского. М. 1971.

Хрущев Н.С. Воспоминания. М. 1997.

Чуковский К.И. Дневник /1930-1969/ М. 1994.